

В номере:

Дни славянства

Михай Албанец. **100 лет «Нашему поколению»** 3

Стезя писателя

Виктор Власов. **Нам не жить друг без друга** 5

Мемуаристика

Татьяна Караиванова. **Русский поэт Леонид Трефолев** 7

Проза

Владимир Уланов. **Бунт** 10

Виктор Славянин. **Свой крест** 38

Виктор Панько. **Вздых облегчения** 59

Георгий Каюров. **Монах Прокопий** 62

Виктор Бердник. **Lost opportunity** 66

Гость номера

Владимир Пенчуков. **Двое** 80

Поэзия

Сергей Скорый 89

Александр Петров 91

Израиль Рубинштейн 93

Павел Финогенов 95

Ольга Суркова 97

Михаил Фисенко 99

Дебют

Кирилл Табишев. **«Вместо письма»** 101

Дневник путешественника

Ирина Коротченкова. **Пансори** 103

Журнал «Наше поколение» основан в 1912 году.
Выпущено было 10 номеров. Выпуск возобновлен в 2009 году.

**Журнал «Наше поколение» готовится при творческом участии:
Международного сообщества писательских союзов
Союза писателей России
Московской городской организации Союза писателей России**

Учредитель

Козий Александра Петровна

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
Министерством юстиции Республики Молдова №229 от 18 февраля 2009 г.

Редколлегия:

Главный редактор

Георгий КАЮРОВ

Редактор интернет-журнала

Виктор ХАНТЯ

Главный бухгалтер

Ольга ДОДУЛ

Редакционный совет номера

**Николай Переяслов, Михаил Попов, Владимир Силкин, Дмитрий Нечаенко,
Ольга Бедная, Анна Кашина, Юрий Харламов, Александр Милях, Алексей Дука,
Виктор Хантя, Матвей Левензон, Дмитрий Градинар, Максим Замшев, Иван Дуб,
Анна Малдофа, Маргарита Сосницкая, Виталий Ткачев, Сергей Маслоброд.**

Литературный редактор

Вера ДИМИТРОВА

Корректор

Светлана БРОНСКИХ

Художники-иллюстраторы

Эдуард МАЙДЕНБЕРГ, Елена ЛЕШКУ

Фотограф

Валерий КОРЧМАРЬ, Юрий ГЕРАЩЕНКО

Дизайн

Издательский Центр «Наследие»

Вёрстка

Вячеслав ЗАДЗИК

Адрес редакции: Кишинев, ул. Пушкина, 22, оф. 317

E-mail: nashepokolenie@pisem.net

[www. nashepokolenie.com](http://www.nashepokolenie.com)

Перепечатка материалов без разрешения редакции «Нашего поколения» запрещена.
Присланные рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не имеет возможности вступать
в переговоры и переписку по их поводу, а только извещает авторов о своём решении.

Михай АЛБАНЕЦ

100 лет «Нашему поколению»

С 21 по 27 мая в Республике Молдова прошли Дни славянской письменности и культуры. Программа Дней охватила всю страну. Мероприятия проходили и в Комрате, и в Тараклии, и в Бельцах и во многих других уголках нашей маленькой родины.

Кирилл и Мефодий

Чествовали своих читателей и авторов библиотеки Христо Ботева и Леси Украинки, Органный зал и музей «Гвардеец» и т.д. В программе Дней состоялся «круглый стол», посвящённый 100-летию выхода первого номера журнала «Наше поколение». Как всегда с добрым сотрудничеством принимал гостей журнала «наше поколение» Бюро межэтнических отношений РМ. Мероприятие собрало большое количество поклонников русской литературы – писателей, ученых, преподавателей. С приветственным словом к собравшимся выступил член Союза писателей России, главный редактор литературного журнала «Наше поколение» Георгий Каюров. Георгий Александрович продемонстрировал номер журнала «Наше поколение», который выходил в 1912 году в Бессарабии. Редакция в тот период располагалась в Кишинёве на улице Подольской дом №2. С большим интересом присутствующие рассматривали старенькие страницы журнала, который представлял собою небольшую тетрадку из восемнадцати страниц. Журнал выходил один раз в две недели. Приятно все были удивлены тем обстоятельством, что так же, как и сто лет назад, в современном издании печатаются стихи и фотографии на обложке. Георгий Каюров так прокомментировал эту преемственность: «Мы изначально отдавали дань издателям журнала Надежде и Александру Тодоровым. Де-

сять первых номеров на титуле нашего журнала стояли слова Надежды Тодоровой из редакторской статьи первого номера. Слова же «печатный орган нашего поколения», которые стоят на обложке нашего журнала, – это цитата из речи издателей Тодоровых. Третий номер с фотографией мы обнаружили в архиве Национальной книжной палаты три года спустя, как начали выпуск современной версии журнала «Наше поколение». За что большая благодарность работникам Книжной палаты за их труд и бережное отношение к истории Республики Молдова. Когда мне принесли из хранилища третий номер, я был приятно удивлён увидев на его обложке фотографию. Ведь мы с первого номера публикуем фотографии видов современной Молдовы, исторические памятники, картины».

С интересным сообщением о роли периодических изданий выступила Ирина Ижболдина, научный сотрудник Института культурного наследия Академии наук РМ.

Выступающие не скупались на добрые слова в адрес журнала «Наше поколение» и редактора, отмечая то большое значение журнала, которое он играет в современной русской литературе и литературном процессе Республики Молдова.

Все сходились в одном в своих пожеланиях главному редактору Георгию Каюрову – продолжать регулярно выпускать журнал и стоять на защите русской литературы.

Круглый стол посвященный столетию выхода первого номера журнала «Наше поколение» в Бессарабии

Поэт Александр Милых

Ирина Ижболдина и Георгий Каюров

Мария Велисар, Наталья Веселова и Дмитрий Унгурян

Автор года в номинации
«Публицистика» Олег Дашевский

Ольга Герлован и Сергей Маслоброд

Фотохудожник Виктор Щербаков

Виктор ВЛАСОВ

Нам не жить друг без друга

Новый день. Как только белеет окно, я чувствую прилив сил, покалывает в пальцах, хочется работать. Иногда физически, но в основном умственно-творчески. Умывшись прохладной водой, я словно заряжен, как батарея, мощная и огромная, но только мыслями и образами. Ещё не взялся за перо, но уже представляешь, как станет выглядеть это произведение, будь оно художественное или публицистическое. Садись за компьютер, за свою «печатную машинку» и творишь быстро-быстро – руки не успевают за мыслями, пальцы щёлкают по клавиатуре. Бегут буквы, слова, предложения. Написал. Несёшь к мэтрам, признанным писателям или поэтам. Говорят, мол, слабовато, с язычком проблемы, «блех» многовато, предложения «кривые».

– Ты что, не русский? – спрашивают как бы невзначай.

Сердишься, исправляешь в каком-то остервении. День за днём трудишься, чтобы соблюсти наставления. Не выходишь на улицу, не общаешься ни с девушкой, ни с друзьями. Зачем они? Ведь ты не заслужил. Корпишь, закипаешь, плохо спишь. Занимаешься одним, например, спортом, или поглощён работой, тем, что действительно приносит хлеб, но мыслями снова возвращаешься к сюжету, предложениям, художественным средствам. Кажется, спишь, постоянно думая об этом. И наконец-то чувствуешь: получается. Хотя не уверен, надо показать светилам, они рассудят вернее. Сделал, довёл, «докипятил», ждёшь дня, когда придёшь и представишь на их суд собственное литературное детище.

– Понимаешь, поверхностно как-то. Хотя сюжет – довольно ничего и средства использовал вполне подходящие, но не то. Пойми... Подумай... – отвечают, щурясь, неохотно, как будто с большим трудом.

Ты обижаешься, закипаешь, становясь не в себе, бормочешь неведь что. Даже кричишь на него или на неё, объясняешь, сколько ушло времени на это, сколько думал и работал. Им всё равно. Кивая, ответят, мол, понимают, сами когда-то волновались, посоветуют пока не писать. Больше читать.

Ты не можешь не писать, заражён, словно болезнью, неизлечимой, обострённой как никогда. Внутри горит, в груди как будто замурован раскалённый уголёк, и вынуть его невозможно. Не можешь спать, бывает, не можешь есть, потому что еда кажется безвкусной и порой противной. Больше всего ты хочешь увидеть себя напечатан-

ным в каком-нибудь авторитетном литературном журнале. Да прямо так – «чёрным по белому»!

Со временем удаётся благодаря стараниям и помощи, наверное, свыше. Публикуют. Но только в местном издании с тиражом не более ста экземпляров. Приносишь, хвалишься, надеешься на похвалу. Они, конечно, хвалят, но как-то неискренне, натянуто улыбаясь, добавляют:

– Выше надо метить, выше! Не пиши ты, всё равно не сможешь написать, как наш... знаешь, сколько у него книг и публикаций?

Ты одновременно радуешься публикации и сердишься на человека, который пишет больше тебя, и на того, кто ставит его в пример. Ты хочешь немедленно оказаться ещё в каком-нибудь издании «пошире». Тебе мало местечковой публикации.

Снова закрываешься дома на долгое время, выдаёшь большую вещь и веришь, что оценят и посоветуют. А они, вместо того, чтобы обрадоваться и просто похвалить, говорят, мол, времени нет, мы специализируемся на коротких вещах, а у тебя – много.

– Сначала надо научиться короткие вещи писать, а потом на большие заглядывать!

Тебя бросает в жар, злишься. Но выше головы не прыгнешь. И возвращаешься домой медленно и неохотно.

Что приносит новый день писателю? Суматоху, тревожные мысли, которые мечутся в поисках сюжета, или отраду, если пришло извещение на почтовый ящик или положительный ответ – на электронную почту?! Что приносит новый день редактору? Кучу рукописей, иногда «сырых», не качественных произведений, апатию или, наоборот, – дикое желание работать, являть свету новые имена?! Ведь написать одно, а редактировать – другое. Знакомый поэт, приходя в родное литературное объединение, читает стихи снова и снова. Слушают его мало, давно уже не воспринимают. Перебивают, разговаривают в голос, похотывая иногда. По-другому этот парень не может. Вопреки желанию он всё равно идёт, просит несколько минут и читает. И неважно: услышаны ли его стихи, так или иначе главное – он их прочитал. Другой – тоже поэт, но и главный редактор литературного журнала, лет ему больше на несколько десятков. Он читает всю выходящую в родном городе литературу, чтобы критиковать, чиркать прямо в книге, искать авторскую глухоту, плевать, браниться, иногда запускать её из окна, показывать, насколько стали безграмотными вокруг редакторы и писатели. Нередко можно прочитать его короткие рецензии:

– «Если говорить честно, то журнал... находится в агонии – одной из стадий умирания, когда вдруг что-то начинает шевелиться... Но это шевеление неконструктивно и непроизводительно. Это не является литературным изданием хотя бы потому, что стороннему читателю невозможно где-то его приобрести, а электронной версии у него нет. Следовательно, хвалиться им незачем. Создавать журнал лишь для одной писательской организации? В цвете, с цветными иллюстрациями? Что-то есть в этом от самолюбования, самовосхваления, хотя, замечу, можно ли гордиться собственной агонией?..»

Порой устаёшь. Хочется не испытывать напряжения. И приходишь на обыкновенный кружок самодельных авторов. Обычный, где никто не претендует на гениальность и нет амбиций. Кружок литераторов не состоит ни при каком творческом союзе писателей, ребята в нём простые, хотят пообщаться и при этом попеть, почитать стихи, устроить чаепитие, рассказать друг другу новости. Слушаешь и с непривычки ждёшь колких замечаний, надменных взглядов. Их нет, и ты расслабляешься, отдыхаешь. Но и в таком коллективе становится быстро скучно. Скучаешь по прежнему напряжению, по давним ощущениям, по тайной вражде, по невидимому соревнованию.

Пробиваться на более значимую аудиторию нелегко. Нередко приходится вести войну самыми разными способами. Отказываться от старых приятелей, которые перестали писать. Перестал творить – значит, погиб, более не нужен литературе. Тем более если состоишь в редколлегии литературного издания и обязан поставлять талантливых авторов и сам не плошать. Недаром в «центре» «Нашего Современника» – Станислав Куняев, в правлении «Сибирских огней» – Владимир Берязев, а в Союзе писателей XXI века – Евгений Степанов. Примеров можно приводить великое множество. В издании журналов, как на рынке, – своя конкуренция. Твои оппоненты не дремлют, они всегда в поисках также хорошего автора, критика, который будет писать статьи по заказу (ведь сильный критик в наше время – находка, критики способны повергать авторов, затем их издателей в ужас). Твои оппоненты-издатели постоянно в поисках «пищи», постоянно в движении, как акула, которая не может не двигаться, потому что если останавливается, то начинает задыхаться (особенность строения жабр морского хищника). Атмосфера подкопов, интриг всегда сопровождает бытие в коллекти-

ве, наводнённом такими же хищниками, как ты. Литературный фронт... это понятие не устареет. Пусть на вручении премии, затем на презентации, мило улыбаясь, говорят:

– В литературе нет врагов, нет конкурентов.

Премию ведь дают только избранным и напечатали в данном издании тоже лишь избранных, остальные не вошли в диапазон, значит, не прошли отбор. Значит, не удались как авторы. Пусть попытают судьбу в ином издании. Ниже уровнем или выше. Так с годами постигаешь соревновательный дух в литературе. Как в любом единоборстве, здесь могут быть правила, а может их и не быть. В бою... нет, пожалуй, бой, – слишком пафосно, в обыкновенной уличной драке – ты свободен, выбираешь тактику и приёмы сам. Так же, собираясь писать, выбираешь форму и содержание, ни на кого не равняясь, лишь с поправкой на противника. Читая элитный литературный журнал, ты обдумываешь своё новое произведение. Оно должно быть настолько сильным, чтобы могло превзойти по мастерству уже опубликованных авторов, настолько интересным, что никто и не будет вспоминать их.

Господь Бог или демон, булгаковский ли Воланд, Люцифер Данте Алигьери, но заставляет настоящего автора писать. Заставляет гнаться за количеством публикаций, издавать книги нередко в ущерб своему бюджету, прорываться к премии, к почёту, выступать дерзко, оставлять за собой осадок страха, зависти и, наконец, ненависти.

Муза не приходит – она в последнее время редко навещает. Приходит в основном к поэтам, смазливый, с красивым лицом. По крайней мере, я так думаю, поэтому не надеюсь на неё. Зажигаю сам в необходимое время. Как Бернард Шоу, который писал, что, садясь за стол, не вынашивает в голове не единой строчки. Они приходят сами, стоит лишь представить образ.

День за днём проживаешь в ожидании, находишься то в смятении из-за отсутствия сюжета, то в прекрасной эйфории, когда начинаешь творить и чувствуешь вдохновение, а потом, уже после выполненного плана, оставшуюся часть дня лелеешь мысль, что на сегодня долг исполнен.

Завтра... И снова в поисках... не сразу поймёшь – кто для кого – литература для тебя или ты – для литературы?! Великие утверждали, что нужно любить не себя в искусстве, а искусство в себе. Молодость более нетерпелива. Всё очень просто – нам не жить друг без друга! Очередной день настанет как новый день пути в литературу.

Татьяна КАРАИВАНОВА

Софийский университет им. Св. Климента Охридского.

Освободительная борьба болгарского народа в творчестве поэта Леонида Трефолева (1839-1905)

Одно из первых мест в поэтической и историко-публицистической разработке темы национально-освободительной борьбы болгарского народа в русской литературе занимает поэт, историк, этнограф и краевед Леонид Николаевич Трефолев. Он родился и почти всю жизнь работал в Ярославле. Будучи одаренным поэтическим талантом, Леонид Николаевич оставил интересное художественное наследие. На его поэтическую судьбу оказали влияние и социально-политические обстоятельства – он принадлежит к поэтам-народникам и демократам.

Леонид Трефолев начинает свою литературную деятельность еще со школьной скамьи. Появившись впервые в печати в 1857 году, он получает моральную и идейную поддержку поэтессы Юлии Жадовской и приобщается к Некрасовскому направлению в русской поэзии. При жизни Трефолев опубликовал только небольшую часть своего творчества. Главная причина – цензурные рамки, которые автор должен был постоянно преодолевать. Другая, не менее важная причина – скромность поэта. Он чуждался и избегал шумных выступлений.

Демократические убеждения ведут его в 70-е годы XIX века к горячему и искреннему отклику на освободительную борьбу болгар. Леонид Трефолев был потрясен и возмущен наряду с Ф.М.Достоевским, И.С.Тургеневым, В.М.Гаршиным, Я.П.Полонским, со всей культурной общественностью России и Западной Европы, узнав о зверском подавлении Апрельского восстания в Болгарии в 1876 году.

Леонид Трефолев разворачивает кипучую общественную и литературную деятельность, поддерживая болгарский народ в его неравной, но справедливой борьбе за национальное и социальное освобождение от гнета османских феодалов. Летом 1876 года, сразу после сообщений о погромах, Трефолев вместе со своим другом А.В.Скульским издает брошюру «Добрый русским людям-ярославцам! По поводу войны славян с турками» (Ярославль, 1876, 17 с.), а в 1877 году выходит второе, дополненное издание на 34 страницах.

Брошюра представляет собой небольшое по объему историко-публицистическое произведение. Местами оно звучит как подлинное художественное произведение, ибо создано в народном поэтическом стиле и предельно эмоционально, в духе народных сказителей и древних летопис-

цев. Она предназначена в основном для читателей из народной среды. Авторы обращаются с трогательными словами: «...поднялись на кровавых Турок и Славяне Дунайские – Болгары (от которых мы, православные, получили Святое Писание). Болгарское племя числом хоть и больше первых (миллионов пять будет), да зато Болгарам гораздо труднее было подняться на Турку: он с них глаз не спускал, и прежде того, то есть до восстания, поселил у них в домах неугомонных головорезов – Черкесов, которые после покорения Царем нашим Кавказа перебрались в Турцию. Только что проведали Турки о замыслах Болгар, о том, что они готовы встать с оружием за свою несчастную, измученную, ограбленную землю, – как сейчас же напустили на них эту сволочь Черкесскую» («Добрый русским людям-ярославцам!» Второе доп. изд., 1877, с. 16-17). Затем описываются картины героической борьбы болгарского народа, гибели интеллигенции, трагического положения многотысячной массы беженцев.

Первое издание брошюры было раскуплено сразу же после ее выхода в свет. Вот что сообщает автор об этом: «Книжка эта, в числе почти 5000 экземпляров, разошлась в продолжении нескольких дней, так что потребовалось второе издание, значительно дополненное». Второе издание включает новые сведения из истории Болгарии до нахождения под турецким игом и из жизни болгарского народа после этого трагического события. Основной акцент авторы делают на Апрельском восстании в Болгарии и последовавших за ним погромах. В целом, манера повествования этой небольшой и несправедливо забытой книжки похожа на русские народные причитания.

По жанру брошюру можно отнести к научно-популярным произведениям, преследующим пропагандистские, высокогуманные цели. По образности изложения, по художественному описанию фактов, по богатству эмоциональной гаммы, по народно-поэтическому языку ее можно воспринимать и как литературное произведение, созданное в духе Некрасовской школы.

Во втором издании брошюры приводится сообщение о предстоящем выходе в свет сборника стихотворений Леонида Трефолева «Славянские отголоски». Книга действительно вышла в том же 1877 году. Небольшая по объему, она содержит всего 16 стихотворений, остро социальных и по-

литически злободневных. О силе общественного резонанса этого сборника можно судить хотя бы по тому факту, что он разошелся в течение нескольких дней.

Болгарская тема раскрывается непосредственно в трех стихотворениях в трех различных аспектах. Стихотворение «Говорят...» – сатирическое по своему характеру. Оно разоблачает действия отдельных османских государственных деятелей, таких, как Мидхада-паши, пытавшихся ввести в заблуждение мировое общественное мнение относительно реального положения болгарского народа после Апрельского восстания 1876 года. Стихотворение дает отпор некоторым западным буржуазным деятелям, в частности, тогдашнему британскому премьеру Дизраэли, а также реакционным газетам, распространяющим абсурдные утверждения о том, что якобы болгары сами являются виновными случившегося в их стране.

Отвергая демагогию реакционных зарубежных и внутренних кругов, поэт возвращается к действительным событиям в Болгарии. Стихи являются пародией на пропагандистскую газетную шумиху:

*Говорят, что вся Болгария песни весело поет,
Говорят, что эта ария никогда к нам...*

не дойдет.

Говорят, что дети малые сами в плен себя

влекут,

Говорят, что реки алые, реки крови не текут.

Говорят, что над болгарками не блестит

турецкий меч,

Говорят, что их подарками удалось в гарем

привлечь.

В этом стихотворении просматривается кажущийся разрыв между формой и содержанием, так как мрачное и трагическое, случившееся в жизни, передается в легкой форме, в жанре частушки.

Стихотворение «Конституция» написано в самый разгар газетной кампании по болгарским проблемам. Несмотря на юмористическую форму, оно служит серьезным предупреждением общественности не давать ввести себя в заблуждение. Стихотворение посвящено болгарскому вопросу, но в нем поэт затрагивает с той же остротой и внутренние русские проблемы, в особенности беззаконие, отсутствие гражданских прав и свободы в царской России:

*«И в Стамбуле конституция!» –
Сидор Карпыч мне сказал. –
«А у нас лишь проституция!» –
И на деву показал.*

Первое четверостишие звучит натуралистично, но эта манера, присущая Трефолеву-сатирику. В данном случае он сознательно подыскивает острое слово, дающее точную характеристику тирана вообще – турецкого султана или русского императора. Но стихотворение направлено не в меньшей мере и против русских либералов-фразеров. Конец либерального фразерства смешон и жалок:

*Уподобясь мокрой курице,
Не желая сгнить в части,
С той порой мой Клим на улице
Стал умней себя вести.*

В стихотворении «Конституция» выявляется излюбленная манера Трефолева смешивать события разных по значимости и значению, историческое с будничным, серьезное с комическим. Это он делает довольно резко с тем, чтобы произвести на читателя сильное и неожиданное воздействие.

В агитационно-политическом стихотворении «Ваня» исторические события преломляются через детское сознание маленького мальчика. Рисуя образы Вани и его деда, старого солдата, Трефолев внушает идею активной помощи борющимся за свободу славянам, нося ее в народные массы. Этой мыслью охвачены люди всех возрастов. Сначала внук не понимает печали и гнева своего деда:

*Любопытно стало Ване: «Ты печалишься о чем?»
«Видишь, дитятко,*

славяне бьются с турком-палачом.

Жаль страдальцев! Жены, дети погибают там,

вдали...»

Но постепенно он внимает чувства деда, его мысли. Оба они не могут сражаться – дед слишком стар, внук слишком мал. Но дед жертвует на великое освободительное дело свои скромные сбережения. А маленький Ваня отдает рубль, подаренный ему матерью к рождественскому празднику:

*Пишет также что-то Ваня, он врагов не покорил,
Но зато он вам, славяне,*

рубль заветный подарил.

В этих словах скрыт глубокий смысл, основная идея произведения. Не велика материальная помощь, данная дедом и его внуком. Огромно ее моральное значение.

Раздумья Леонида Трефолева о судьбе и борьбе болгар находят и в его стихотворении «Борьба». Это баллада о бойце, который после гибели своих товарищей остался один на поле битвы. В стихотворении проявляются боевой порыв, желание бороться и победить. Это чувство возникает

в результате сплетения величественного и трагического в участи людей, вдохновивших автора на создание замечательной баллады:

*Бранное поле я вижу.
В поле пустынном, нагом
Братьев ищущи пораженных
Насмерть жестоким врагом.
Гневом душа загорелась,
Кровь закипела во мне.
Меч обнаживши, скачу я
Вслед за врагом на коне.
Что-то вдали раздается –
Гром иль бряцанье мечей...
Все мне равно, лишь догнать бы
Диких моих палачей!*

Изобразительные приемы, используемые Трефолевым, близки русской народной героической песни. Конец стихотворения полон боевого пафоса:

*Пусть и седьмой погибает,
Жизнь отдавая свою!
Дай же, судьба, мне отраду
Пасть за свободу в бою!*

В готовности идти на смерть нет ничего мистического. Здесь речь идет о готовности бороться

и умереть во имя величайшего человеческого блага – свободы.

После освобождения Болгарии в 1878 году болгарская тема несколько теряет свою остроту и актуальность. Если проследить за творческим развитием Леонида Трефолева, можно отметить, что в 1876-1878 годах он переживает этап наиболее высокого подъема. Именно в эти годы гражданская тематика в его творчестве раскрывается более ярко и активно. Иными словами, раздумья и переживания поэта, связанные с борьбой болгар и южных славян вообще за их национальное и социальное освобождение, благотворно повлияло на его творчество. С другой стороны, творчество Л. Н. Трефолева, несомненно, оказало положительное воздействие на русские прогрессивные круги в пользу справедливого дела болгарского народа. Его стихотворения и брошюра Л.Н. Трефолева и А.В. Скульского «Добрым русским людям-ярославцам! По поводу войны славян с турками» о Болгарии и болгарях важны еще и тем, что они выражают отношение русской передовой, революционной интеллигенции к болгарскому народу на одном из самых решительных этапов его истории.

Владимир УЛАНОВ

Окончание. Начало в №9-12(2011) – 1-5(2012).

Бунт

Исторический роман в двух книгах

Книга II

Пока человек не сдаётся,
он сильнее своей судьбы.
Э. Ремарк

Часть III

Простите, люди!

1

На 29-й день июля, в полдень, в Царицыне звонили колокола. Звонили они весело, радостно, и их малиновый звук разносился над городом. День стоял солнечный, яркий; высокое небо было голубым, безоблачным.

Заслышав колокольный звон, царицынцы высыпали на берег реки, заранее зная, что к городу подходит Степан Разин.

Лодки казаков ходко шли к берегу. Разинцы подналегли на весла, предвкушая отдых после тяжелого и изнурительного пути по реке.

Вот ударился первый струг и зашуршал носом о песок, затем второй, третий, и лодки стали десятками приставать к берегу.

Кто-то крикнул:

- Глядите, мужики, а вон и верховые скачут. Глядите, сам атаман Разин впереди!
- Где? – спросил какой-то работный.
- Вон, вон – на сером жеребце!

Степан резко осадил коня, легко соскочил на землю и направился к Ивану Черноярцу, тот уже сошел с лодки.

Атаман Царицына, Прокофий Иванов, его есаулы и горожане поднесли Степану Разину хлеб-соль. На вышитом полотенце лежал румяный каравай хлеба, а сверху стояла серебряная солонка. Атаман, улыбаясь, отломил от каравая кусочек хлеба, макнул в соль, положил в рот.

Народ кричал: «Слава нашему избавителю! Слава нашему атаману!»

Широким шагом Степан подошел к царицынскому атаману Иванову, обнял его, расцеловал, затем спросил:

- Все ли, Прокофий, в порядке у вас в городе?
- Все, Степан Тимофеевич! В городе дела справляем, как ты велел, по справедливости, народным кругом.

Степан Разин поклонился в пояс народу:

– Спасибо вам за великую службу государю и нашему делу, в битве за справедливость и равенство между людьми!

Царицынцы и казаки закричали:

- Любо! Любо говоришь, атаман!
- Слава нашему избавителю!

Степан еще раз поклонился народу, затем вскочил в седло и направил своего коня в городские ворота, а за ним последовали его всадники и казаки, прибывшие водным путем.

В Царицыне, как в большой праздник, царила суматоха, нарядные горожане встречали казаков, зазывали к себе на подворье, потчевали вином и снедью. Наруженные женщины приглашали их к себе в дом, угощали обходительно и ласково. А разинцы, пришедшие с похода и отягощенные бараклом, немного куражились, но за все платили щедро, не жалея денег и товаров.

В этот день Ефросинюшка тоже вышла встречать казаков. Она старалась подойти поближе к атаману, но огромная толпа людей, которая окружала его, оттесняла ее назад.

Степан за время пребывания в Астрахани изменился. И Ефросинья, разглядывая его, находила много нового в облике. Лицом он стал более смугл, кудри подернул еще больше серебристый иней седины. В движениях, жестах появилась большая сдержанность, уверенность, и в то же время в лице обозначилось больше жесткости, морщины в переносье стали глубже. Однако глаза Степана оставались по-прежнему искристыми, пронизывающими.

Ефросинья вглядывалась в дорогое ей лицо. Она еще больше любила и ценила Степана за твер-

дость, за непомерную силу характера, за умение покорять окружающих своей уверенностью во всяком деле.

Русакова видела, как тянулись к атаману люди, как осеняли его крестом спасителя, как протягивали к нему руки, находя в нем защиту от тяжелой жизни. Люди верили ему, надеялись на свое избавление от жестоких хозяев.

Долго она шла вместе с толпой за Разиным в надежде протиснуться к нему поближе, чтобы он ее наконец заметил, дал ей какой-нибудь знак. В то же время женщину терзали сомнения: по-прежнему ли атаман любит ее или, может, у него есть другая зазноба. Когда она думала об этом, ее бросало то в жар, то в холод, и ей становилось не по себе. Хотелось встретиться со Степаном и удостовериться, что все остается по-прежнему.

Видя налаженную жизнь в городе, Разин радовался, что не подвели его царицынцы, вели порядок в Царицыне, как он указал. Торговали, ловили рыбу, занимались ремеслами, но во всем этом происходила и другая жизнь: не было в городе воевод и их приказчиков, которые насильно гнали бедный люд на работы, не давили людей разные налоги и поборы. Видел атаман счастливые лица горожан и радовался, что наконец-то русский народ вздохнул и зажил свободно.

Степан остановил коня около воеводского дома и распорядился, обращаясь к Чернорязцу:

- Пусть казаки по подворьям расселяются. Будем отдыхать.
- Долго ли стоять нам в городе? – поинтересовался первый есаул.
- Видно будет, надобно все обмозговать, что и как, – ответил многозначительно Разин.

Степан заметил царицынского атамана Прокофия Иванова в группе казаков, которые о чем-то оживленно разговаривали. Атаман подозвал к себе Прокофия:

- Был ли в Царицыне мой брат Фрол?
- Фролка был и уехал из города несколько дней назад. Забрал он с собой по твоей грамоте все барахло и деньги и увез на Дон.
- Добре, – ответил Степан Разин, затем спросил: – А про поход ничего не сказывал?
- Говорил, будто собирается он со своими казаками на Коротояк, чтобы там известить государевых изменников.

– Видно, братец мой расти стал, становится из него хороший атаман, перестал заглядывать домытым казакам в рот, – радуясь за брата, молвил атаман.

– Это верно ты говоришь, Степан Тимофеевич, брат твой Фрол сильно изменился, стал намного изворотливее, и хватка в нем атаманская появилась, – улыбаясь, подтвердил Прокофий.

Наконец толпа горожан и вновь прибывших казаков стала расходиться, растекаться по городу и посадам Царицына. Ефросинюшка подошла поближе к Разину, остановилась в сторонке, наблюдая за любимым. Тот о чем-то разговаривал со своими есаулами, отдавая распоряжения.

Еремка, заметив Русакову, кивнул ей головой, улыбнулся многозначительно и подошел к атаману, зашептал ему на ухо. Слушая его, атаман просветлел лицом, стал глазами искать Ефросинью и, заметив, весело улыбнулся ей, сделав знак подождать его.

Вскоре Степан упругой походкой подошел к женщине. От него пахло крепким потом и степью, веяло здоровой мужской силой. Атаман, вглядываясь в лицо Русаковой и видя любящие глаза, яркие губы, румянец на щеках, ее белую, нежную шею, все больше загорался к ней великой страстью, ему захотелось вновь прижаться к ее груди. Сердце у Разина заколотилось гулко, заняло в сладкой истоме. Степан взял за руку Ефросинюшку:

– Здравствуй, любушка! Или не ждала?! – и посмотрел ей в глаза своими живыми темными очами, как будто заглянул в самую душу.

Ефросинья затрепетала, кровь прилила ей в лицо, сделав ее еще прекрасней. Голубые глаза ее засветились особым светом, светом женской любви:

- Ждала, ненаглядный мой! Да что-то уж больно ты долго не возвращался. Заждалась я тебя, думала, что ожиданью не будет конца.
- Теперь я тут, Ефросинюшка, и приду сегодня к тебе. Чай не выгонишь гостя? – с улыбкой спросил Степан.

Женщина поклонилась ему в пояс, с волнением сказала:

- Буду ждать тебя, батюшка!

Царицын захлестнул праздник: неудержимый, веселый. Рад был простой народ возвращению Разина, рад был его победам, которые закрепили в людях еще большую веру в его правое дело. Сегодня

царицынцы встречали своих освободителей. Не жалели горожане ни вина, ни закусок. Женщины не скупилась на желанные казакам хорошие слова и ласки, зазывали их в свои дома и подворья. Угощали разинцев на славу, зная, что те в долгу не останутся.

Интересовались рассказами об удачах в походах, принимает ли атаман еще людей в свое войско и тяжела ли казачья жизнь? Многие из них втайне завидовали казакам и в душе уже решили идти в поход с Разиным.

На подворье Григория Унжакова был накрыт широкий стол. Во главе его восседал Ефим, а вокруг сидели горожане, посадские работные люди, ремесленники и другой простой люд. Все, затаив дыхание, слушали речи казака:

– Эх, ребята, – с горящими глазами рассказывал Ефим, – в походы ходить с нашим атаманом – одна только радость для мужика. И сыт, и богат будешь, а барахла всякого приобретешь – это уж верно, на дуване батько никого не обижает.

– А теперь куда вы походом пойдете? – спросил низкорослый рябой мужичонка.

– Это пока неведомо, – важно ответил Ефим, – об этом круг решит, тогда атаман скажет, куда мы пойдем.

– Верно ли говорят, что он колдовать может? – поинтересовался ярыжка. – Будто перед ним городские ворота сами открываются, а воеводы и бояре со стрельцами забывают все свое ратное дело и умение?

– Это кто же тебе такое наплел? – с изумлением спросил Ефим и зло уставился на любопытного горожанина. Тот съежился и спрятался за сидящего рядом широкоплечего мастерового. – Наш Степан Тимофеевич колдовством не занимается. Он казак головастый, людей за зря не губит, а своими хитростями делает так, что народ сам открывает городские ворота.

Ефим поднял яндову с вином и запел:

*Уж как вниз было по матушке по Волге-реке,
Как плывут тут, выплывают три снаряжены стружка,
Уж на тех ли на стружках удалые молодцы,
Удалые молодцы, все донские казаки...*

Песнь из уст Ефима лилась легко и свободно. От нее веяло волей, неукротимой силой русского характера. Закончив петь, он выпил вино:

– Я вот что вам, ребята, скажу. Если хотите жить свободно, чтобы на вашем хребте не сидели кровососы: бояре, воеводы, купчины да их приказчики – не выколачивали с вас недоимки да налоги, идите к нам, в казаки. И не сомневайтесь в том, что мы побьем кровососов. Вы только поглядите, какую мы уже силу собрали! И она будет расти с каждым днем, шириться, а когда мы придем к Москве побить главных наших обидчиков, с нами будет вся Россия!

Люди, сидящие за столом, внимательно слушали казака, дивились, как складно да ладно он говорит.

– Вот я, – продолжал Ефим. – Я многие годы гнул спину на своего помещика и даже не знал, что можно жить по-другому. Думал: только он, мой барин, все знает, а повернулось – вот как. Узнал я и другую жизнь, свободу, радость, стал чувствовать себя человеком!

2

Степан лежал с открытыми глазами, вглядываясь во мрак ночи. В спальне Ефросиньи было тихо, пахло воском от погашенных свечей. В слюдяное окно светила полная луна. Ее мягкий серебристый свет освещал сад и яблоню, стоящую под окном. Под дуновением ветерка ветки дерева качались, листочки трепетали, и от этого по стенам опочивальни ходили причудливые тени. Думал он о том, что вот уже третью неделю стоят казаки в Царицыне, собирают круг за кругом, шумят, ссорятся, даже хватают друг друга за грудки, обсуждая, каким же путем идти им в поход.

Для себя же Степан еще не решил, куда идти. Он не мог сразу двинуться из Царицына, так как хорошо понимал, на что замахивается, знал, что возврата потом не будет.

Время шло, уходили золотые деньки, а Разин все не двигался с места. Уже среди казаков прошел слух, будто атаман не хочет идти на Русь.

Казалось, с походом все решено, что пойдут они по Волге водным путем к Самаре, но среди его

ближних есаулов произошли разногласия, которые немало обеспокоили атамана. Большинство из них: Фрол Минаев, Яков Гаврилов и Иван Чернорез – не хотели идти на Русь, считая, что Дон и Волга до Царицына у них в руках и этого им достаточно. «Дал бы Бог это удержать!» – кричал на круге Яков Гаврилов. Крестьяне и всякие работные люди шумели, чтобы идти дальше. Именно здесь, в Царицыне, у Степана в войске произошел раскол. Пока он не был замечен, но атаман понимал, что стоит перед выбором. Ему надо было решать. Оставить народ, который поверил в него, и вернуться на Дон или идти на Русь? Теперь, даже если он не пойдет, люди все равно двинутся дальше. Степан уже не мог бросить так хорошо начатое дело. Надо завтра же двинуться на Саратов. «Хватит топтаться на месте», – твердо решил атаман. С нежностью поглядел он на спящую рядом Ефросиньюшку и, усмехнувшись, подумал: «А то обзавелся бабенкой и оторваться от нее не могу, – потом добавил почти вслух: – Нет, уж не было со мной такого и не будет!»

Степан медленно встал с кровати, накиннул на себя кафтан, потихоньку вышел в сад и сел под яблоню, стоящую под окном. Он набил табаком трубку, раскурил ее и задумался, устремив взгляд в глубину сада. Луна в это время зашла за тучку, стало темно. Подул легкий ветерок, зашелестела листва на деревьях, заскрипела сухая ветка на яблоне, под которой сидел атаман. Где-то в глубине сада, в густой тьме между деревьев, были слышны ночные шорохи, стрекотали кузнечики, и как будто кто-то тихо и надрывно вздыхал, как бы жалея о чем-то. Ночь была теплая, а ветерок, который порывами пробегал по саду, приятно освежал. Степан, распахнув кафтан, с удовольствием подставлял ветру лицо и грудь.

* * *

В царицынской приказной палате с самого утра было шумно и накурено. Еще вчера казаки всем кругом решили идти в поход на Самару, но страсти пока не улеглись. Есаулы Разина продолжали спорить. Одни хотели идти на Самару, другие считали, что пора возвращаться на Дон.

– Опомнись, Степан! На что ты замахиваешься? На всю Россию! Не осилить нам ее! Бояре пошлют сильных и верных им стрельцов и солдат, и те нас побьют. А на Дону что у нас? Ведь там уже татары хозяйничают! Они совсем перестали бояться казаков. Сколько раз подходила татарва к Черкасску! А сколько разорили станиц! – напористо убеждал атамана Иван Чернорез.

Разин сидел за столом, сурово глядя на своих есаулов, но не говорил ни слова.

– Зачем идти в Россию и биться за лапотников? – соскочив с лавки, почти закричал Яков Гаврилов. – Что мне от них? Если им надо бить своих бояр да воевод, пусть идут и сами их бьют! Мы свое дело сделали. Добычи нам теперь хватит на всю жизнь. Всех изменников здесь вывели, а сиволапые пусть сами своих изводят!

Степан вдруг резко встал и, ударив кулаком по столу, крикнул:

– Хватит! Хватит об этом говорить! Не могу я бросить людей на полпути! Я им обещал вывести всех кровососов, а теперь сам в кусты! Нет, ребята, вы как хотите, а я не могу! Пусть даже нас разобьют, погибну, но людей не брошу!

– Правильно говоришь, батко, – перекрывая всех, громко сказал Федор Сукнин. – Нельзя бросать людей! Вы только посмотрите, сколько к нам идет со всей Руси, надеясь, что мы им поможем! А победим или не победим – это еще не знамо. Если вся Русь подымется, едва ли нас воеводы с боярами одолеют.

Якушка Гаврилов подскочил к Сукнину, схватил его за грудки, закричал ему в лицо:

– А ты вообще не наш казак, иди к себе на Яик и там шуми! Или вон иди с сиволапыми, раз тебе охота!

– И пойду! А ты мне не указ! – крикнул в ответ Федор.

Тут подоспел Ефим, схватил Якова за шиворот, пробасил:

– Сядь, ядрена вошь, казак! Что прыгаешь, как блоха на сковородке? Ты спорить-то спорь, да на людей не кидайся. А то... – показал на раскрытое окно, – выброшу вон туда.

Якушка сразу присмирел, присел на лавку и стал о чем-то шептаться с Фролом Минаевым.

Из-за стола вышел Разин. Он несколько раз прошелся по палате:

– Вы что же, казачки, думаете, после того, что мы натворили, бояре и воеводы оставят нас в покое, отделят нас от своего государства до Царицына? Держите карман шире. Может, вам они за заслуги по маетку отвалют. Они сами придут сюда, если мы к ним не пойдем.

– Сейчас с ними можно еще как-то договориться, а если мы пойдем дальше, беды не миновать, –

опять встрял в разговор Яков.

– Если вы, казаки, боитесь идти дальше со мной, то я вас около себя не держу! – крикнул, перебивая Якова, атаман. – Можете возвращаться на Дон! Тем более Фролка пошел к Коротояку, а в Черкасске вновь остались одни домовитые казаки.

Степан повернулся к Черноярцу и сказал:

– Ты, Иван, с Фролом и Яковом пойдете в Черкасск. Будете оборонять город от татар, вести там порядок и не давать воли домовитым казакам, зорко следить за Корнилой. А Бог даст, как все уладится у нас и у вас, пойдете вслед за Фролом, оставив в Черкасске надежного атамана.

– Нет, Степан, в Черкасск я не пойду, – вдруг отказался Иван, чем немало удивил Разина, который с изумлением уставился на своего друга.

– Как же это так?! Ты же не хотел идти на Русь!

– Мало ли что я хотел, но начинал я это великое дело с тобой, с тобой и заканчивать буду. А то, что я говорил, не бери на сердце, Степан. Мне, конечно, хотелось бы тебя отговорить от похода, но, коли не вышло, от тебя не отстану.

Степан в ответ широко улыбнулся и расцеловал своего друга:

– Знал я, Иван, что ты не отступишься от начатого дела, что останешься со мной. Тогда в Черкасск пойдут Фрол Минаев и Якушка Гаврилов, возьмут с собой астраханскую казну.

– Опять, атаман, ты меня в Черкасск спроваживаешь! – запротестовал Яков. – С Фролом, братом твоим, посылал и теперь снова посылаешь.

– А потому, что ты там все дела ведаешь. Хорошо знаешь настроение людей, мысли домовитых. А потом я слышал, что они тебя там побаиваются.

Гаврилов улыбнулся, оставшись доволен оценкой Разина:

– Буду делать, как велишь, атаман, а домовитых в Черкасске приберу к рукам, будут они у меня сидеть, как мыши!

– Каким путем все-таки пойдем в поход? – спросил Черноярца Разина.

– На кругу же решили, куда идти. Идем на Самару.

– Но ведь называли многие пути, – возразил Иван.

– Если идти через донские земли на Слободскую Украину под Воронеж и Коротояк, то разорим наши земли. Пройдя большим войском, оставим наших женок и детей без пропитания. Тем более в городах засечной черты, Тамбове и Козлове, скажут, стоит множество стрелецких полков. Труден будет этот путь. А если пойдем по Волге, то там и пропитаться можно, и людишек приберем немало, там люди нас уже ждут-не дождутся.

– Зачем, Степан, тебе эти люди? Какое дело нам до них? Будем держать Дон в своих руках, и ладно. А коли придут боярские стрельцы, дадим им отпор всем Доном, – опять зашелся Яков Гаврилов, пытаясь все-таки переубедить казаков.

– Ага, дадим отпор. Держи карман шире! – вмешался в разговор Федор Сукнин. – Если дальше не пойдем и останемся на своих землях, то нам одним Дон не удержать. Уйдут от нас люди. А сколько нас в Черкасске да по станицам?..

– Не так уж много. Не устоим против большой силы боярской. Сognут они нас в бараний рог. Правильно говорит Степан, что пока есть возможность, пока люди с нами и верят нам, надо вести их в бой. Надо собрать побольше народу. Да еще бою мужиков поучить и оружия раздобыть. Вот тогда бы мы дали стрельцам, узнали бы они удаль казацкую.

– Верно говорит Федор, – поддержал атаман есаула. – Мы не должны ждать, когда воеводы придут и обложат Дон, а сами пойдем на них, пока народ идет с нами, а если мы отступимся от похода, нам верить никто не будет и люди более за нами не пойдут. Коли уж собрали силу, надо идти с ней.

Тут с улицы послышался шум многих голосов. Степан прислушался, затем попросил Ефима:

– Сходи, узнай, что там делается.

Казак быстро исчез за дверью.

Вскоре Ефим вернулся и с недоумением сказал:

– У крыльца приказной палаты собрался народ, в основном мужики, желают видеть тебя, батько. Шумят.

Разин спешно вышел на крыльцо. Перед приказной палатой собралась огромная толпа.

Завидев атамана, она и вовсе забурилась, зашумела, задвигалась. Разин поднял руку, призывая людей к тишине. Затем крикнул своим низким голосом в толпу:

- Чего, мужички, шумите? Говорите, чем недовольны?
- Всем довольны, батюшка! – ответили из толпы. – Только слышали мы, будто не хочешь ты с нами идти на Русь. Правда ли это, атаман?
- Нет, мужики, неправда! – резко ответил Степан. – Я иду с вами на Самару! Завтра же – в поход.
- Любо, атаман! – заревела толпа.
- Любо, наш избавитель! Веди нас на Русь!

3

В эту ночь разыгралась буря. Резкие порывы ветра раскачивали деревья, с силой обрушивались на крышу воеводского дома. Натужно скрипели старые стропила, хлопали ветхие доски. Крупный дождь барабанил по окнам, хлестал по темным бревенчатым стенам.

В печной трубе опочивальни воеводы завывал ветер.

Милославский покосился в сторону печи, набожно перекрестился и прошептал: «Господи, избавь меня от нечистой силы! Свят! Свят!»

Воевода повернулся на левый бок, пытаясь заснуть. Но сон не шел. Тревожные мысли обуревали Милославского. А беспокоиться было о чем. Каждый день поступали тревожные вести: казаки движутся несметною силою по Волге, вот-вот подойдут к Симбирску. А полков Урусова и Бояртинского все нет и нет. Вся надежда у воеводы на них была, а те никак не могли оторваться от Казани. Князь, видя, что ему так и не заснуть, встал со скрипучей деревянной кровати, свесил босые ноги на пол и зевнул, затем медленно подошел к окну, стал вглядываться в темень тревожной дождливой ночи. А дождь за окном то ослабевал, то нарастал с новой силой. Боярин долго смотрел в окно, почесывая волосатую грудь. Вдруг он явно расслышал торопливый стук в тесовые ворота.

«Неужто злодей к городу подошел? – забеспокоился Милославский. – Что же это дворецкий открывать не идет?» – подумал воевода и стал спешно одеваться.

Боярин уже спускался вниз, к входным дверям, когда дворецкий ввел в дом до нитки промокшего стрельца. Измученный непогодой и долгой дорогой, стрелец еле держался на ногах. Завидев хозяина дома, он поклонился в пояс и сказал:

– Я, боярин, из Саратова.

Милославский не на шутку забеспокоился.

– Говори же, стрелец, не тяни душу.

Тот перевел дыхание и взволнованно заговорил:

– Когда стал Разин подходить к Саратову, подняли жители города бунт. Схватили воеводу Кузьму Лутохина, открыли изменникам ворота.

Дальше воевода слушать не стал, он заметался, ломая себе руки:

– Неужели никому не остановить вора? И он придет сюда? Где же полки Урусова и Бояртинского? Где? – Милославский несколько раз перекрестился и в тревоге произнес: – Господи! Господи, спаси нас! – наконец он немного успокоился и спросил у стрельца: – А с воеводой что воры сотворили?

– Жители города Саратова, за жестокость воеводы с людьми, решили посадить его в воду, что потом и сотворили, – печально сообщил стрелец.

– Неужто посадили? – со страхом переспросил Милославский.

– Посадили, боярин, – угрюмо ответил служилый.

– Ну и ну, – с удивлением и жалостью произнес воевода, затем спросил: – А где сейчас Разин? Где он? В Саратове стоит или дальше идет?

– В Саратове вор Стенька долго не задержался, устроил там свой порядок и двинулся к Самаре, – ответил стрелец.

– Эх, перехватить бы его где-нибудь, да вот людей у меня маловато, – с сожалением сказал Милославский. – Ох и долго наши воеводы раскачиваются, неровен час, так вор и до Москвы дойдет, – опять зашелся князь, проклиная русскую нерасторопность.

На улице уже забрезжил рассвет, буря улеглась, заморосил мелкий, холодный осенний дождь. В это утро Иван Богданович Милославский приказал собрать всех воевод в приказной палате. Долго вело разговор городское начальство о том, как оборонять город. Сам воевода со своими ближними и с тремя полками московских стрельцов на случай нападения бунтовщиков решил сидеть в кремле. Стоял кремль на вершине холма в самом центре города. Толстые, рубленые из лиственницы стены были крепки, а на них стояли тяжелые пушки. Это был надежный заслон от врагов. Смотрел воевода на

мощный кремль, глубокий ров, крутой вал и думал: «Может, проклятый Стенька не возьмет крепость, а мы отсидимся до прихода князя Юрия Никитича Борятинского. Пока же надобно людишек согнать да заставить подправить стены, углубить рвы, подремонтировать башни».

* * *

Проходя мимо работных, которые трудились на стене, князь-воевода обратил внимание на то, что люди работали с неохотой, постоянно отвлекались на какие-то разговоры. Завидев Милославского, примолкли, стали усердно суетиться, создавая видимость деятельности. Князь остановился, раздраженно сказал:

– Поторапливайтесь, а то, неровен час, придет вор и изменник Разин, гибель вам будет.

Кто-то из кучки работных смело ответил воеводе:

– А нам-то чего бояться? У нас, кроме рук да нашей рубы, ничего нет.

Милославский злобно посмотрел на работных и крикнул:

– Где тут старший? Подойди сюда.

Из кучки работных вышел широкоплечий, угрюмый бородатый мужик, поклонился в пояс.

Князь накинул на него, тыча кулаком в нос:

– Я покажу вам, как с воеводой разговаривать! Всем велю дать батогов за нерадивость!

Работный молчал, тупо уставившись на князя. Милославский размахнулся и хотел уже стукнуть мужика рукоятью плети, но в это время над головой воеводы кто-то крикнул:

– Зачем, боярин, народ обижаешь?!

Князь поднял голову и увидел над собой черного жеребца, который, всхрапывая, встал на дыбы. В седле сидел татарин в богатом, отделанном мехом кафтане. Его красивое лицо исказилось в злобном оскале. Татарин выхватил из рук воеводы плеть, переломил рукоять о колено и бросил в дорожную пыль.

Этого уже Милославский вынести не мог. Он затопал ногами, закричал, обращаясь к стоящим в стороне стрельцам:

– Схватить этого татарина! Посадить в острог!

К воеводе подбежал сотник Михаил Осипов, позвал стрельцов на помощь. Те, не торопясь, стали подходить.

Всадник между тем хлестнул плетью своего жеребца и скрылся в лабиринте улочек, подняв рожу пыль.

– Кто этот татарин? Откуда он взялся? – ревел князь.

– Это татарский служилый – мурза Асан Карачурин. Своенравный, все за справедливость радеет. А сегодня шумит по городу со своими людьми, говорит, что Стенька волю дает народу.

– Надобно этого смутьяна поймать. Призови-ка свою сотню, схватите злодея, а как возьмете его под стражу, сразу же мне доложите.

Сотник изменился в лице, стал возражать:

– Может, кому другому это сделать? Уж больно мои стрельцы шатки и ненадежны. А этого злодея не так-то просто изловить. Он как бешеный, и нет ему никакого уёма!

От этих слов воевода пришел в ярость:

– Найдите мне этого врага, иначе самих велю посадить в острог.

Сотник попятился и вскоре исчез со своими стрельцами.

В плохом настроении появился князь-воевода в приказной палате. И, наверное, кое-кому из писцов или дьяков пришлось бы плохо, не явись гонец. Его сразу же привели к воеводе. Князь уже не ждал хороших вестей и приготовился слушать самое худшее, но гонец своим сообщением обрадовал всех. Оказывается, к городу подходило войско князя Юрия Борятинского.

На радостях Милославский велел поднести гонцу чарку с водкой, а затем долго расспрашивал его о пройденном пути.

Симбирский воевода и все городское начальство вышли на этот раз без опаски за ворота города, чтобы встретить спасителей.

Вскоре из-за холмов показалось пешее и конное войско Борятинского.

Милославский думал, что князь Юрий зайдет в город, но тот почему-то распорядился войску остановиться, не доходя до города, на холме. Стрельцы и иноземные солдаты принялись огораживать телегами свой лагерь и рыть земляной вал.

Князь напрасно ждал Борятинского у городских ворот. Тот не ехал в город. Милославский все больше нервничал, видя, как устанавливали палатку Борятинскому, как тот гарцевал на гнедом жеребце по лагерю, отдавая распоряжения. Хмуро глядя на лагерь, князь думал: «Как царица померла, перестали бояре с нами, Милославскими, считаться, и этот, ишь, рыло воротит».

Наконец, пересилив гордость, он со своей свитой поехал в лагерь Борятинского. Вокруг кипела работа. Стрельцы нагребали земляную насыпь, устанавливали палатки, на валу крепили пушки. Кругом пылали костры, кашевары готовили пищу.

Князь Юрий встретил гостей доброжелательно, соскочил с коня, поклонился Милославскому в пояс. Это был боярин невысокого роста, уже располневший, но подвижный. Его карие смеющиеся умные глаза пристально изучали князя и его свиту. Поклонившись, Борятинский сказал:

– Не сердись на меня, Иван Богданович, что сам не приехал к тебе, вишь, – и князь показал на раскинувшийся лагерь, – надобно устроиться, а то вдруг нагрянет вор.

– Что же, Юрий Никитич, у нас для тебя места в городе не найдется? Почему обижаешь? – с обидой молвил Милославский.

– Не хочу, Иван Богданович, чтобы супостат запер меня в городе. А уж коли он окружит нас, тогда выйти из крепости будет трудно, ведь у него множество народу, а в поле ворах меня не взять. Невсвичны они к ратному делу. Только вот людей у меня маловато.

– Что же царь тебе не дал полков? – спросил симбирский воевода.

– Не пришли в войско приписанные ко мне начальные люди, не привели с собой полков. Только татарские мурзы со своими воинами. А надежда на них плохая, норовят к злодею уйти или сбежать со службы, – с горечью поведал Борятинский.

– А что же нам делать? – неуверенно произнес Милославский.

– В крепости сидеть и оборонять ее, а мы супостата щипать будем, не дадим войти в город, а как подойдут другие полки, тогда всеми силами ударим по вору.

4

На четвертый день сентября 1671 года разинские струги подплывали к Симбирску. В этом месте Волга была полноводна и широка. Стояла тихая, теплая погода. Лето еще только-только скатилось под осень, но на деревьях и кустарниках уже желтела листва.

Почти зеркальная гладь реки отражала высокий берег и казацкие лодки, которые ходко шли к городу.

Как только на высоком берегу показались стены и мощный кремль Симбирска, казаки сразу же притихли, перестали балагурить и стали всматриваться в сторону города.

Разин стоял на носу своего струга, как и все, стал глядеть в сторону Симбирска. Степан еще не знал, что его здесь ждет, как обернется его удача, но был уверен в победе. Взял же он без боя Саратов, Самару, помогли простые люди, повязали городское начальство и открыли ворота. Чем дальше уходил Разин в глубь России, тем больше к нему приходило людей. Вот уже около двадцати тысяч насчитывало его войско. Видя все это, он радовался, но в то же время на душе у него становилось тревожно. Хотя и не боялся атаман никого, но неизвестность настораживала и пугала. Сейчас Степан чувствовал себя как пловец, прыгнувший с крутого берега в холодную быструю реку. Он понимал, что противопоставил себя огромной силе. Борьба только еще начинается. Выдержит ли он ее? Но и отступить было уже нельзя.

На стенах Симбирска заметили казаков и стали палить из тяжелых пушек.

Степан улыбнулся, сказал стоящему около него Черноярцу:

– Ишь, стрельцы уже встречают нас! Не будем под город подходить, а станем рядом.

Зорко оглядел пустынный берег и, заметив удобное место для лагеря, крикнул, показывая рукой:

– Давайте-ка, ребята, правьте вон туда.

Лодки пошли к берегу, казаки оживились, повскакивали с мест и стали прыгать в воду, держа наготове оружие. Вот и головной струг врезался носом в песок, а за ним стало приставать множество больших и малых лодок. Берег вдруг ожил, огласился смехом, шутками, иногда крепким соленым словом. Закипела на нем бурная, вольная казацкая жизнь.

Разинцы тащили из лодок свое нехитрое барахло и съестные припасы. Степан, не спеша, поднялся на берег, стал отдавать распоряжения ближним есаулам:

– Ты, Леско, возьми своих людей и установишь вокруг города дозоры. Разошли разведку, нет

ли где стрельцов. Тебе, Федор, – обратился Разин к Сукнину, – перекрыть все водные и сухие пути – и чтоб муха не пролетела. А ты, Иван, – сказал Разин, обращаясь к Красулину, – подготовь пушки, скоро будем брать город. Надо успеть взять Симбирск до прихода полков Борятинского и Урусова.

Не успели есаулы разойтись, чтобы выполнить волю атамана, как к ним подбежал Еремка и, еле переводя дыхание, взволнованно заговорил:

– Степан Тимофеевич, беглые люди из города сообщили, что недалеко стал со своими полками князь Борятинский!

Атаман в досаде сказал:

– Все-таки опередил нас воевода! Ну да ладно, еще поглядим, кто кого, – и, взглядевшись в стены города, проговорил: – Надобно скорее брать Симбирск, пока не подошли полки Урусова.

Тут подвели к атаману беглецов из города. Их было пять человек. Нищие, изможденные трудом люди. Их усталые лица посветлели при виде Разина. Беглецы поклонились Степану в пояс. Они глядели во все глаза на легендарного атамана.

– Сказывайте, мужики, готов ли Милославский оборонять город? – спросил Разин, пристально вглядываясь в перебежчиков.

– Наш воевода славно готовился к встрече с тобой, батько. Но мы, простой народ, тоже не дремали. Сговаривались всем миром тебе помогать. Укажем, где можно легко пройти в город, где наши люди будут стоять и помогут отбить стрельцов, – ответил перебежчик, широкоплечий, с хитровой улыбкой и кудрявой русой бородой.

– Идите, ребята, в город, шибче мутите народ, подбивайте стрельцов, чтоб перешли на нашу сторону, – сказал Степан.

– Со стрельцами, Степан Тимофеевич, не больно-то получается, народ они московский, богатый и люто тебя ненавидят, хотят против тебя насмерть стоять, – ответил все тот же работный.

Атаман надолго задумался, по-видимому, у него созрел какой-то план, потом, как бы очнувшись и увидев, что перебежчики все еще стоят около него, сказал:

– Вот что, мужики, возвращайтесь в город, склоняйте на свою сторону людей побольше. А когда мы пойдем на штурм, делайте нам знаки, жгите факелы. По огням мы будем знать, что там свои.

– Порадеем, батюшка, за великое дело, не жалея живота своего, – ответил один из работных, и все, поклонившись в пояс атаману, ушли.

День заканчивался, быстро наступали сумерки. Разин созвал к себе есаулов в шатер. Недолго держали они совет, и вскоре один за другим с озабоченными лицами поспешили к своим людям.

В эту ночь Степан решил брать город. Он приказал в лагере разжечь костры, чтобы создать впечатление у воеводы, будто казаки на месте и о штурме не помышляют. Сам же с основными силами обошел Симбирск и подошел к острогу, где, как указал перебежчик, было слабое место.

Казаки сразу же пошли на штурм острога. Сперва разинцы старались не шуметь и подойти к укреплениям тихо, но стрельцы, почувствовав, что казаки пошли на приступ, зажгли факелы, осветив подступы к острогу. Гулко ахнула первая тяжелая пушка, затем вторая, третья, затрещали выстрелы из пищалей.

Разинцы дрогнули, затоптались на месте, боясь пушек, но тут вышел вперед атаман, выдернул из ножен саблю, крикнул низким голосом:

– Вперед, ребята! Чего испугались? Не стойте, идите вперед, тогда пушки вам не страшны будут, – и сам полез на крепостной вал, увлекая за собой казаков.

Много гибло разинцев от пищальных выстрелов, но остановить их было уже невозможно. Казаки несли лестницы, приставляли их к стенам острога и лезли вверх. Вот уже многие из них оказались на стенах, и там завязалась жаркая схватка. Еще небольшой напор, и острог будет в руках разинцев. Степан уже подзвал Еремку, чтобы послать его за подмогой к Федору Сукнину, который до поры до времени хоронился за холмом недалеко от острога. Но тут к Разину подбежал запыхавшийся Ефим и пробасил:

– Батько, Борятинский стрельцов на нас двинул и сзади бьет из пушек и пищалей.

Степан в досаде сорвал с себя папаху, бросил ее оземь:

– Вот сволочь! Все-таки влез в битву! – потом развернулся в сторону острога, с сожалением посмотрел на схватку казаков со стрельцами, где явно намечался успех, затем приказал Еремке: – Пусть отступают назад! Скажи, что я велел!

Еремка помчался к стенам острога исполнять волю атамана. Вскоре разинцы отошли от стен Симбирска и, развернувшись боевым порядком, пошли на полки Борятинского. Стрельцы и иноземные

солдаты уже подошли вплотную к казакам и стали вести прицельный огонь из пищалей. Солдаты князя Юрия шли ровным строем, по команде становились на колено, стреляли, а пока они перезаряжали ружья, другие солдаты шли вперед, делали выстрел.

Степан сосредоточил около себя закаленных в боях казаков, так как на пришлых мужиков и работный люд надежда была плохая. Они падали на землю при первых же выстрелах пушек, и потом никакая сила не могла их заставить идти вперед.

Впервые за все время у Степана поколебалась уверенность в своей победе, он понял, что очень трудно стоять с толпой разномастного люда против обученных бою стрельцов и солдат. Но все-таки Степан сумел сосредоточить свои основные силы в один кулак. Он первым ринулся в бой. Выхватив саблю, окруженный ближними есаулами, напролом пошел на стрельцов и увлек за собой казаков.

– Бей кровососов! За волю! – кричал Разин.

Глядя на казаков, пошли в бой и остальные разинцы – крестьяне, работные люди и другой недавно пришедший народ, еще не бывавший в жестоких боях со стрельцами. Натиск казаков был настолько силен, что вскоре полки Борятинского были отброшены от стен города и стали медленно отступать в свой лагерь, в то же время не прекращая стрельбу по повстанцам.

Разин подозвал к себе Черноряца и предложил ему:

– Надобно, Иван, поговорить со стрельцами, пусть к нам переходят.

– Едва ли они, Степан, к нам пойдут. Это не те стрельцы, которых мы в Астрахани да в Царицыне сманили к себе на службу, – возразил есаул.

– А все-таки попробуй, – хитровато прищурившись, попросил Разин.

Черноряец не заставил себя долго ждать, вышел вперед поближе к стрельцам и крикнул:

– Переходите на службу к нашему атаману! Бросьте служить изменникам царя нашего Алексея Михайловича! Бейте бояр, воевод и начальников ваших!

На какое-то время стрельба прекратилась, стрельцы прислушались к словам есаула.

Но вот от них выскочил коренастый служилый, нагнувшись, похлопал себя по заднице и крикнул:

– А этого вы не хотите? – и снова затрещали пищальные выстрелы, несколько раз бахнули из фальконетов.

Черноряец перебежками покинул опасное место, подошел к Разину, сконфуженно сказал:

– Видел, что творят? Здесь в основном служилые из Москвы да дети помещиков, так что помощи от них нам ждать нечего.

Степан в досаде плюнул на землю. Выхватил саблю, крикнул казакам:

– Вперед, ребята! Никого не щадить, – и первым ринулся на стрельцов, увлекая за собой сотни казаков.

Только к вечеру с большим трудом удалось им сломить сопротивление Борятинского. Немало опытных казаков полегло в этой схватке. Победа далась нелегко, но все-таки Борятинский, крепко побитый казаками, уходил к Тетюшам.

Разгоряченный боем, в изодранном кафтане, с окровавленной саблей, Степан стоял на вершине холма, глядя вслед отступающим в сумерки стрелецким полкам: «Эх, добыть бы врага, да сил нет! Город надобно взять как можно скорее», – и, повернувшись в сторону Симбирска, сказал вслух:

– Повезло тебе, князь Милославский, но мы город возьмем! А брать его, видно, придется сегодня ночью.

К Степану подошел Черноряец, спросил:

– Что делать будем, Тимофеевич? Что сказать казакам? Отдыхать или готовиться к бою?

– Пусть ребята немного отдохнут, сварят похлебку, перекусят, по чарке водки выпьют и готовятся к бою.

Атаман отдыхал у своего шатра, когда Ефим подвел к нему молодого татарина.

– Степан Тимофеевич, вот к тебе татарский мурза рвется. Хочет с тобой говорить.

Степан отставил в сторону ядовую с холодной водой, настоянной на меду, с интересом поглядел на татарина. Сверля его жгучими глазами, спросил:

– Кто таков?

– Зовут меня Асаном Карачуриным. Я мурза, был на службе у симбирского воеводы. Раньше отец тоже служил у него, а как он умер, я занял его место. Нынче первый раз к воеводе на службу пришел. И сразу с ним не ладил. Обижает он людей! Ни за что обижает! Правду не любит! А я обиженных защищать стал. Велел за это меня воевода поймать и в острог посадить. Да не тут – то было, не дался я ему в руки!

Степан встал, обнял Асана, похлопал его по плечу и похвалил:

– Молодец, мурза Асан, такие атаманы, как ты, мне нужны! Если будешь верно служить – не обижу!

– Буду, атаман, служить верою и правдой! – ответил Асан.

– Тогда ставлю тебя есаулом над всеми татарами. Отныне ты ими будешь командовать! – распорядился Разин. – А сейчас садись за мой стол, угощайся. Как стемнеет, пойдем на приступ города.

Мурза уселся за стол, казаки стали его угощать вареным мясом.

– Есть ли, Асан, у тебя свои люди в городе? – спросил молодого татарина атаман.

– Есть, батько, – ответил мурза.

– Пошли человека в город, пусть ночью нас поджидают. Крепость сегодня обязательно нужно взять, иначе подойдут стрелецкие полки князя Урусова и едва ли мы тогда осилим врага.

5

Уже наступила осень, когда войско Юрия Долгорукого двинулось от Москвы к Нижнему Новгороду на подавление бунта Разина. Медленно по раскисшим от дождей дорогам шли его полки. Лютой ненавистью пылал князь к разинцам. Проклинал этот поход и дождливую непогожую осень, в такую пору пришлось ему двинуться в путь на усмирение не на шутку разгулявшегося вора Стеньки Разина. Ехал впереди своего войска князь и предавался невеселым думам. Одно только радовало его, что даст Бог, побьет он вора, избавит государство от великой напасти, тогда и воздадут ему великие почести от государя Алексея Михайловича, от бояр и дворян. Но до этого надо еще дожить. А пока, хоть и шла с ним вся дворянская порода Москвы, Суздаля, Владимира, Вязьмы, Коломны, Калуги и многих других городов, надежды на легкую победу не было. Приходилось насильно гнать в войско дворян, чтобы защищать государство от злодея. Укрывались они от службы. Всюду вели сыск люди Долгорукого, собирая войско.

Моросил мелкий дождь, отяжелела одежда на князе, чавкала грязь под копытами лошади. Но Долгорукий не давал приказа прекратить поход, а наоборот, торопил войско. Надо было спешить. Казаки уже прибрали все понизовые города и вот-вот двинутся к Москве, а этого нельзя допустить.

Выехал князь на пригорок, остановил коня и стал смотреть, как движется его войско. По всей дороге, насколько хватало глаз, растянулись ратные люди. Медленно брели они по разбитой вконец дороге.

Рядом бок о бок встали, тяжело дыша, кони воевод: Юрия Долгорукого, Константина Щербатова и дьяка Ивана Михайлова. Все молча наблюдали, как шла огромная колонна стрельцов, рейтар, лошадей, везущих пушки и тяжелые единороги, небольшие железные и медные пушечки.

– Может, дать людям отдохнуть? – затеял было разговор воевода Щербатов, но, увидев грозно сдвинутые брови и сурово поджатые губы князя, что говорило о великом гневе Долгорукого, осекся.

Князь Юрий крунулся на своем сером жеребце, хлестнул его плетью и, не говоря ни слова, помчался в голову своего войска, увлекая за собой свою свиту.

Смеркалось, тяжелым стал шаг стрельцов и солдат, даже кони устали, понуро опустив головы, они с натугой везли седоков, пушки и обоз, но Долгорукий отбоя на отдых не давал. Матерились стрельцы, вполголоса проклиная непогоду и бездорожье. Но вот вдали, за пригорком, на берегу тихой речки показалась деревенька. В окнах покосившихся темных изб кое-где мерцал свет лучины. Стрельцы и солдаты приободрились, зашагали бодрее, предчувствуя отдых.

Был дан отбой. Князь Юрий велел войску разместиться на отдых. Простым стрельцам и солдатам места в избах не хватило, и им пришлось устраиваться на ночлег, кто как сможет. Кто устроился под телегой, кто натянул полог или палатку. И вскоре везде запылали костры, кашевары стали готовить еду. Дождь прекратился, тучи на небе разорвались, обнажив яркие звезды и полную луну, которая светилась серебристым светом. Ратные люди взбодрились, стали обсушиваться. Потянуло горьковатым дымком, запахло от кипящих котлов сытной едой.

Воевода Долгорукий остановился на ночлег в самом большом доме. Расположился он в горнице, потеснив хозяина дома – деревенского старосту, тихого робкого мужика с русой всклокоченной бородой.

После большого перехода князь устал, скинув с себя мокрую одежду, отдал на просушку слуге, а сам облачился в сухую, набросил на плечи бобровую шубу и сел на широкую лавку, ожидая, когда слуга принесет вино и еду. Вскоре тот внес еще шипящее в жиру жареное мясо и рыбу, только что испеченный душистый хлеб и кувшин с вином. Князь налил в серебряный кубок вина, залпом выпил и стал медленно жевать жареное мясо, вспоминая о событиях последнего месяца.

Когда царь узнал, что Разин берет город за городом в понизовье Волги и движется к Симбирску, он спешно созвал на совет всех бояр. Нужно было, во что бы то ни стало, направить войско на подавление смуты, которая все больше и больше охватывала Россию.

Алексей Михайлович в этот день был взволнован, желваки на лице царя так и ходили ходуном, взор был печален и в то же время суров.

Много было сделано царем упреков в адрес воевод и князя Долгорукого. Подумал уже Юрий, что ждет его опала неминуемая, что быть ему в немилости. Зашептались бояре, поглядывая на Долгорукого, кто с жалостью, а кто и с торжеством. Но встал тут с места его давний друг, стольник Константин Щербатов, и, не убоясь гнева царя, громко заговорил:

– Нет вины князя Юрия в том, что вор и изменник Разин прибрал понизовые города! Вина тут воевод тех городов, что должны были оборонять свои крепости, не жалея живота своего. Даже боя-то хорошего никто из них не смог дать злодею!

Тут встал еще стольник Василий Нарышкин и с жаром заговорил:

– Невиновен ни в чем Юрий Алексеевич. Многие русские полки водил он в походы во время польской войны. Верно служил государю нашему и отечеству. Надобно дать войско князю Юрию, и он докажет свое умение в ратном деле, даст достойный отпор злодею.

И это решило все. Царь пристукнул посохом:

– Быть посему. Объявляю отныне князя Долгорукого главным полковым воеводой в войне со злодеями, а все остальные должны его слушаться и подчиняться ему.

Бояре притихли и с уважением стали поглядывать на Долгорукого. Тот с едва уловимой улыбкой гордо посмотрел на них, поклонился царю в пояс:

– Спасибо, государь! А злодея мы побьем, и воля божья будет исполнена.

Алексей Михайлович перевел взгляд своих темных глаз на святейшего патриарха Иосифа.

– Надобно разослать грамоты во все уезды, по монастырям и церквам, предать Стеньку Разина и его ближних людей, и все его воинство анафеме...

В избу вошел князь Щербатов. Долгорукий прервал свои воспоминания, вопросительно посмотрел на князя Константина.

– Юрий Алексеевич, тут стрельцы злодея задержали с грамотами от Стеньки Разина.

– С какими еще грамотами? – с удивлением спросил князь.

– А вот, – Щербатов протянул грамоту Долгорукому. Князь-воевода брезгливо взял в руки уже изрядно затертый, потрепанный лист сероватой бумаги и стал читать.

«Грамота от Степана Тимофеевича Разина. Пишет всей черни Степан Тимофеевич. Кто хочет Богу и государю послужить и идущими с нами царевичу Алексею Алексеевичу, патриарху Никону, пусть направляются к нам, помогают выводить изменников – бояр, воевод и помещиков. Пусть приходят в полк к моим казакам все нищие, кабальные и опальные. За то государь наш и я, Степан Тимофеевич Разин, дадим вам волю, земельные, лесные и водные угодья и освободим от кабалы, всяких налогов и в любой вере житие».

Прочитав грамоту, побагровел князь Юрий. Сжал в кулаке грамоту, задыхаясь, прохрипел:

– Сволочи! Воры и изменники уже и царевича с патриархом к себе приплели! Ох и ловок злодей!

– затем хмуро глянул на князя Щербатова, потребовал: – Привести сюда посыльного! Сам спрос ему учиню.

Вскоре в горницу к князю ввели черноволосого, смуглого лицом человека. Одежда на нем была изодрана, лицо побито, один глаз затек. Видно, сильно сопротивлялся мужик, когда его схватили.

– Кто таков? – злобно глядя на мужика, спросил в упор князь. Мужик выпрямился, смело глянул на Долгорукого и ответил:

– Семен Зубков.

– Где это ты взял? – и князь протянул мужику измятую грамоту.

– Степан Тимофеевич дал, велел везде разносить правду.

Князь усмехнулся и спросил:

– Что там у Разина за царевич с патриархом объявились?

– Настоящий царевич, – подтвердил мужик, – с самого Царицына плывет с нами в своей лодке. Я сам его охранял как-то одну ночь и видел царевича вблизи. На вид совсем молодой, в богатой одежде, кушает на золотой и серебряной посуде. Сидит в выстеленной красным бархатом лодке, а вокруг охраняют его казаки с серебряными топориками.

– Врешь! – закричал князь.

Мужик упал на колени, перекрестился на образа, со слезами на глазах заговорил:

– Сам видел, князь-воевода, что в лодке плывет царевич. А еще в другой лодке, усталой черным бархатом, плывет патриарх Никон. Христом Богом клянусь, видел своими глазами, – говорил, чуть не плача, мужик.

– Палач сюда! – крикнул Долгорукий слугам, которые столпились у порога избы.

Через некоторое время в горницу вошел широкоплечий детина с туповатым красным мясистым лицом, в алой рубахе, с засученными рукавами. Он поклонился в пояс князю:

– Что прикажете, батюшка князь пресветлый?

– Питать с пристрастием злодея, пока правду не скажет!

Мужик повалился в ноги воеводы и закричал:

– Не виновен, батюшка, я ни в чем! Сам видел! Истинный крест – видел, что в лодках с Разиным плывут царевич Алексей Алексеевич и патриарх Никон!

– Вот дурень! – процедил сквозь зубы воевода. – Эти ряженые царевич и патриарх такие же злодеи, как ваш Разин, и висеть им всем на дыбе!

– Нет, батюшка, знаю – это они! – кричал свое мужик.

– Убрать этого дурака отсюда! – приказал боярин.

Палач легко, как ребенка, схватил своими огромными ручищами мужика, заломил ему руки и выволок из избы. А через некоторое время с улицы послышались истошные крики пытаемого:

– Христом Богом клянусь, сам видел царевича и патриарха!

Услышав это, князь в досаде плюнул на пол:

– Вот ведь каков злодей, и людишек-то убедил как! Его пытаются, а он свое твердит!

– Умеет Разин людей за живое задеть, пообещать, чего они хотят. Этим и поднял народ на бунт и держит около себя, – сказал сидящий рядом с воеводой князь Константин Щербатов.

– Поднять-то поднял, но около себя не удержит. Не может мужик выстоять против государева войска. Разума у них на это не хватит, – ответил воевода Долгорукий и добавил: – Разве что казаки, да их у него мало, и не все с ним идут. Недавно грамоту от Михаила Самарина, атамана войска Донского, получил. Раскол у них. Домовитые нас будут поддерживать, а голь идет с Разиным. Но я знаю одно – как только мы где-нибудь побьем его, многие сразу же переметнутся к нам. Прежние победы-то его достигнуты благодаря трусости и нерадивости наших воевод в низовых городах, никто из них даже достойного отпора не смог дать злодею.

– А все-таки он продвигается вперед и берет город за городом, – возразил князь Константин.

– Это верно, но скоро ты, воевода, увидишь другое. Как только встретится он нашему войску на пути, тут-то и погоним мы этих злодеев, только успевай лови и суд-расправу верши, – уверенно ответил Долгорукий.

6

Уже стало светать, когда Василий Ус, тяжело ступая, подошел к своей деревянной, скрипучей кровати. Оставшись в городе, атаман думал, что его болезнь пройдет быстро, и он вернется к Разину. Очень хотелось матерому казаку быть сейчас в самой гуще событий. А тут нужно было каждый день выслушивать жалобы и споры горожан.

Уже после ухода Разина в Астрахани постепенно стали поднимать голову зажиточные горожане. Они по-прежнему опутывали простой народ своими вездесущими жадными щупальцами, подбираясь к атаманам. Всячески старались поссорить Федора Шелудяка и Прокофия Шумливого с Василием Усом, играя на их самолюбии и слабостях.

Василий видел, как вскоре около Федора Шелудяка закрутилась статная черноволосая женщина, а Федор, потеряв голову, слушал ее, во всем подчинялся Анне Герлингер, с товарищами разговаривал раздраженно.

Пыталась Анна подобраться и к Василию Усу, но атаман, прошедший долгий путь борьбы с богатыми за справедливость, был непоколебим. На него не действовали ни женские чары, ни прелести богатой зажиточной жизни в будущем. Василий обходился малым, жил в небольшой избе у старика Нефеда, подвижного искусного плотника, который целыми днями трудился, зарабатывая на пропитание своим трудом: то он рубил избу, то строил лодку, то ставил амбары на берегу реки для купеческих товаров.

Сегодня Ус засиделся далеко за полночь, чиня сапоги и сбрую для своего коня и в то же время неотступно думая о делах в городе. А они были неважными. Василий колебался, сообщать ли об этом Разину. Его товарищи – атаманы Шумливый и Шелудяк – совсем отошли от городских дел. Вели праздный образ жизни, бражничали по всякому поводу и без повода, путались с богатыми людьми города, а те не жалели для них ни денег, ни вина. Уже не раз предупреждал их Василий, чтобы бросили дурью маяться. Те клялись, обещали, но каждый день начиналось все сначала. А в последнее время и вовсе перестали слушать Уса, ссорились между собой по всякому поводу, стали решать городские дела в обход, без него. Все реже атаманы проводили городской круг. Возгордились властью Шелудяк и Шумливый.

Василий прикидывал в уме, как бы образумить своих товарищей, как наставить их на путь истинный. И, уже ложась спать, решил поговорить с ними начистоту, а уж если и после этого не поймут, то сообщить обо всем Разину и просить совета.

* * *

В это время в уютной горенке Анны Герлингер ярко горели свечи, освещая богато уставленный яствами и вином стол.

Федор Шелудяк, уже изрядно захмелев, сидел рядом с Анной, крепко обняв ее за плечи, и что-то шептал ей на ухо. Женщина кокетливо улыбалась, гладила казака по волосам своей белой рукой.

Взбешенный удачей своего товарища, жадно глядя на Анну, Прокофий Шумливый опрокидывал кубок за кубком с водкой, но не хмелел. А Анна, видя, как злится Прокофий, еще больше кокетничала с Федором, думая про себя: «Вы у меня еще не так закрутитесь, казачки, глотки друг другу вырвете. Нарушили мою спокойную богатую жизнь. Я вам еще это припомню».

Федор Шелудяк полез к Анне целоваться, но та оттолкнула уже крепко захмелевшего казака:

– А что же Василий Ус с вами никогда не бывает?

– Он вина не любит, да и болен, кашляет сильно, – ответил Шумливый.

– А может, он хочет чистеньким быть, а потом взять всю власть в городе себе? Возьмет да и пошлет жалобу на вас Разину. А атаман ваш – очень крутой казак. Не простит вам, – стала осторожно подзадоривать Анна казаков.

Федор стукнул кулаком по столу, крикнул:

– Не пошлет! Ус не такой казак, чтобы подлость сделать. А если и надумает послать, то нам обязательно скажет.

– А если скажет, мы его посланника уберем. Я давно уже своим ребятам велел следить за его людьми, – вмешался в разговор Шумливый.

– Ус – казак упрямый и, если захочет чего сделать, все равно исполнит. Взяла бы его быстрой лихоманка, – сказал Шелудяк.

Услышав эти слова, Анна сразу же оживилась, сама приобняла за плечи казака, заговорила вкрадчивым голосом:

– А коли все равно он на вас жаловаться будет атаману, что же вы ждете? Ждете, когда он вызовет вас к себе, а там расправу над вами учинит?

Глаза Федора Шелудяка налились кровью, желваки на скулах заходили ходуном, он заговорил охрипшим от волнения голосом:

– Выходит, или он нас уберет, или мы его!

– Да, Феденька! – вкрадчиво подытожила женщина. – А он вас не пожалеет, а так – жили бы, как сыр в масле катались, а Разину про вас почем знать?!

– Да вы что – с ума посходили?! – крикнул Шумливый. – Товарища своего убирать! Не позволю! Не дам!

– Да ты что, Прокофий?! Что ты?! – вкрадчиво запела Анна. – Кто же вам такой совет дает? Вы ведь тоже свою кровь проливали за волю, немало сделали, чтобы помочь Разину. Что же вы, теперь лучшей жизни не заслужили? Ну а если Ус хочет жить, как нищий, пусть живет, коли ему нравится. Только бойтесь, чтобы он вас с атамановых мест не спровадил. Опоздаете – локти кусать будете.

В горнице наступила гнетущая тишина. Казаки примолкли, задумались. Анна исподволь наблюдала за ними, обдумывая, каким же образом еще подлить масла в огонь, как стравить атаманов между собой, а потом диктовать им свою волю.

Федор Шелудяк соскочил со своего места:

– Как же это ты не дашь убрать его с нашей дороги?! А если он нас уберет, что тогда?! Что-то надо делать!

Соскочил со своего места и Прокофий Шумливый:

– Не дам убирать Василя Уса! Он бился за волю тогда, когда ты еще без штанов бегал! А ты – убрать!

– Да что вы, атаманы, взбеленились? – ласково заговорила Анна, усаживая на место Прокофия, а затем Федора. – Не хватало, чтобы вы еще в доме у меня драться из-за пустяка начали. Я ведь сюда вас пригласила не затем.

Шелудяк ударил ладонью по столу так, что подпрыгнула посуда с яствами и кубки с вином, заскрежетал зубами, обхватил ладонями голову и замолчал.

– Говорить надо с Усом. Не должны мы враждовать друг с другом, в мире должны жить, – запальчиво заговорил Шумливый.

– Правильно говоришь, – вкрадчиво вторила Анна, – склонить надо его на вашу сторону. Неужели он подарков не любит, золото, барахло, красивых баб? – улыбаясь, говорила женщина.

– Эх, Анна, не то ты говоришь. Не знаешь ты Уса. Если бы он хотел быть богатым, то давно бы им стал. Он даже дуван свой раздает людям, одевается, как простой казак, вина не пьет. За это его народ чтит и идет за ним, – снова вступил в разговор Шумливый. – Вот ты, Федор, говоришь: убрать его. А ведь это не так просто. Ты знаешь, что казаки с нами за это сделают?

– Так у него же хворь, – снова заговорила Анна. – Все знают, что хворь у него, от нее и помрет.

– Ты что задумала?! Неужто ядом отравить его захотела? – снова вскипел Прокофий, злобно глядя на женщину и не подозревая того, что попал в самую точку.

– Я те отравлю! – погрозил пальцем Шумливый.

– Да ты что, Прокофий, это я так, к слову! – улыбаясь, ответила Анна. Но в улыбке женщины казак заметил такое, что насторожило его, и хмель у него из головы вмиг вылетел. Он приблизился лицом к рядом сидящей женщине и тихо сказал:

– Только попробуй, сам лично саблей тебе голову смахну.

Увидев решительное, побледневшее лицо казака, Анна вздрогнула, по ее телу пробежал холодок. Она потрогала руками свою нежную шею. Подумала про себя: «Зря им сказала про яд. От этого казака всего можно ожидать. И правда, смахнет голову с плеч и глазом не моргнет». Женщина перестала кокетливо улыбаться, заговорила серьезно:

– Пригласишь вас к себе, чтобы погуляли, а вы мне в благодарность голову смахнуть собираетесь. Давайте-ка, казачки, идите по домам, а то уж допоздна засиделись, – и первая встала из-за стола.

Шумливый встал вслед за хозяйкой и молча направился к двери. Федор же продолжал сидеть на месте, так и держа в ладонях голову.

Прокофий остановился, оглянулся на своего товарища, плюнул в досаде и вышел из дома Анны. Протопали по высокому крыльцу тяжелые шаги казака и стихли где-то в ночи. Анна легко вздохнула, затем проговорила сквозь зубы: «Попомнишь ты еще меня! Ишь голову он мне смахнуть задумал! Я твою вперед смахну!».

* * *

Ус спал плохо. Ночь не принесла обычной свежести и бодрости. Атаман встал вконец разбитый от тревожного сна. Сегодня Ус окончательно решил серьезно поговорить с Шумливым и Шелудяком. И от этого решения ему стало легче: как будто камень с души снял. Он даже забубнил песню, направляясь из избышки на улицу, чтобы умыться из бочки, стоящей во дворе. Не успел сделать и нескольких шагов к двери, как в избышку ввалился Прокофий Шумливый. Волосы его растрепались, лицом он был бледен, глаза лихорадочно горели, ступал казак неуверенно.

– Ты что, Прокофий, пьян, что ли? – спросил Ус, приблизившись к товарищу, и, унюхав запах перегара, поморщившись, сказал:

– Несет от тебя, как из бочки. Давай-ка, ложись отдыхать, а как проспишься, поговорить мне с тобой надо.

Шумливый опустился на лавку, долго сидел, как в оцепенении, уставившись в одну точку. Затем, тряхнув головой и как бы отгоняя от себя навязчивую мысль, проговорил:

– Поберечься бы тебе надо.

– От кого поберечься-то? – с удивлением переспросил Ус.

– От Анны с Шелудяком тебе надобно поберечься, атаман, а то, неровен час... – и замолчал, усталю повесив голову на грудь.

Василий с изумлением и тревогой посмотрел на Прокофия, подошел к нему вплотную, но тот уже спал, сладко всхрапывая. Осторожно уложил товарища на лавку, подложив ему под голову свой кафтан. Вышел во двор. Утро выдалось ясное. Стояла поздняя осень. Прозрачный воздух был напоен запахом прелой листвы. На Волге, в заводях, поднимался туман, медленно таял в воздухе. Ровная гладь реки сверкала, как зеркало, только ближе к середине – вода была розовая от занимавшейся зари. У берега в воде отражались пожелтевшие ивы и багряные кустарники, они задумчиво смотрелись в реку, любуясь на свою осеннюю красоту.

Василий, вспомнив слова Прокофия, задумался: «А может, так, спяну, что сболтнул? А может, и правда, затеяли против меня что-то? Надобно, как проснется Прокофий, все у него расспросить».

7

Погода выдалась в этот вечер плохая. Резкие порывы осеннего ветра то с силой ударяли в стены ветхой избышки, то ослабевали, и тогда дождь монотонно барабанил по мокрой крыше дома и окну, обтянутому бычьим пузырем.

Укутавшись в бобровую шубу, Разин сидел у печи, где уже прогорали дрова. Свечи он не зажигал, вглядывался в потухающий огонь, который то загорался ярче, то угасал, оставляя красноватый отсвет на лице атамана. Глаза Степана постоянно следили за огнем, и было видно, что он думает неотступно свою думу. Лицом Разин осунулся, только глаза оставались по-прежнему жгучими, живыми, с неугаваемой энергией светились в них ум и притягательная сила, которая заставляла людей или отступить перед ним, или навсегда идти за ним, верить ему, бороться за его дело.

Вот уже много дней сидел Разин на симбирском посаде – за укрепленным острогом. Неоднократно казаки ходили на приступ, а город взять не могли... Крепко сидел в Малом городе князь Милославский. Не хотел он сдаваться на милость победителя.

Скрипнула дверь избы, в горницу вошел Иван Чернорез. Разин узнал его по тяжелым шагам и даже не повернулся. Подошел Иван к печи, протянул озябшие руки к огню, сказал:

– Ох, и погодка на улице!

Степан молчал, продолжая неотрывно глядеть на огонь.

Почувствовав плохое настроение атамана, Чернорез отошел от него, сел к столу на лавку, оглядел сгорбленную фигуру Разина.

– Дай срок, возьмем мы Милославского, а там пойдем на Казань и к Москве, – заговорил атаман надтреснутым, охрипшим голосом. Говорил он, как будто сам с собой, ни к кому не обращаясь.

– А может, на Дон вернемся, перезимуем, а там со следующей весны двинемся снова в поход? – осторожно спросил Чернорез.

– Да ты что, Иван?! Ты погляди, сколько тысяч за нами идут, а мы поход отменим! – завелся атаман, словно того и ждал, чтобы затеять спор и отвести душу.

Первый есаул знал, что спорить с Разиным бесполезно и опасно, потому что атаман быстро входил в ярость и не ведал, что делал в пылу гнева. Но все-таки в этот раз он решил не отступать, поговорить со Степаном и попытаться его переубедить.

– Верно ты сказал. Много за нами пошло народу, но ведь это в основном лапотники. Они же неспособны ни к бою, ни тем более брать крепость. Мужики приходят к тебе скопом и так же уходят. Вот сейчас только что ушли хитровские крестьяне, а ведь стояли они у главных ворот. Хорошо, я сразу хватился и на их место поставил других. Нет на этих сиволапых никакой надежды. Они всегда могут подвести.

– И пусть уходят, – спокойно ответил Разин. – Я знаю: они пойдут громить помещиков и дворян в других местах и этим самым помогут нам. Вон, верные люди сообщают, что Мишка Харитонов, Максим Осипов, Прокофий Иванов уже немало городов взяли по Симбирской и Тамбовской черте. Завели в тех городах наши казацкие порядки. Идут за моими атаманами крестьяне, посадские бедные люди, черемисы, мордва, чуваш. Пусть, Иван, уходят, пусть расшевеливают везде народ, а я им еще своих атаманов пошлю.

– Так мы, Степан, всех матерых казаков растеряем. А сами с кем останемся?

Степан взглянул на своего друга:

– Не горюй, Иван, пришли вести со Слободской Украины, что идут к нам донцы во главе с ата-

маном Фролом Минаевым. Так что ты зря испугался Милославского. Придет срок – и Симбирск наш будет.

– Нет, Степан, едва ли мы с лапотниками возьмем Малый город – Юрий Борятинский нам не даст. Извечники сказывают, что князь усиливает свое войско, все новые и новые полки подходят к нему. Сегодня доложили: князь все ближе подходит к городу.

Степан задумался, слова Черноряца, видно, поколебали самоуверенность атамана, он проговорил, неотступно думая о своем:

– Надобно разослать везде людей: пусть собирают народ нам на помощь. Видно, скоро здесь будет жарко. Пора брать город. А тут еще, словно банный лист, Борятинский прилип.

– Уже четыре раза воевода Милославский отбивал наш штурм, а если отобьет пятый, то народ от нас побежит. И так уже ропщет. И беда-то вся в том, что люди к нам приходят и уходят. Едва ли лапотники выдержат штурм крепости, – продолжал убеждать Черноряц Степана.

Разин сверкнул глазами, пристально поглядел в лицо другу, сказал:

– Что же ты мне, Иван, советуешь бросить людей у города и уйти на Дон! Нет, этого никогда не будет. Не могу я оставить народ, предать начатое дело! Раз уж заварил я эту кашу, буду с ними расхлебывать ее до конца.

– Кто же, атаман, тебе это предлагает? Тут есть только два выхода: или взять завтра же город, или отвести на зиму свое войско на Дон. Я бы увел людей на Дон, а там видно будет.

– Нет, не буду я уводить людей на Дон. А крепость будем брать завтра же. Вели, Иван, есаулам приготовить лестницы, подтянуть все пушки к Малому городу, – сказав это, Степан встал и вышел на улицу, кутаясь в шубу.

Дождь уже перестал, но кругом было сыро, с реки тянул холодный ветерок. Казаки грелись у костров, варили еду. Но холод и влага давали о себе знать, загоня повстанцев в избы, шалаши и землянки. Степан не спеша пошел по направлению к одному из костров, встал в тени, задумался, сперва не обращая внимания на то, что происходит там, но затем беседы людей заинтересовали его, и он стал прислушиваться.

Вокруг большого костра сидели крестьяне. Одеты все они были бедно: домотканые портки из льняной холстины, грубые рубахи, кафтаны с чужого плеча. Бородатые мужики вели степенный разговор.

– Видно, не дождемся мы, когда атаман город возьмет, – говорил мужик с черной кудлатой бородой и крупным хищным носом.

– Сказывают, будто идет к городу помощь: видимо-невидимо стрельцов, – вмешался в разговор другой мужик.

– Может, уйдем отсюда, ребята, подобру-поздорову, а то ведь придут воеводы, переловят тут нас всех да на дыбу, – с опаской предостерег кудлатый.

– И верно, может, и вправду уйдем отсюда, погромим своих помещиков, добро их разделим. Повоюем у себя в уезде, а в других пусть тамошние мужики сами у себя порядок наводят, – сказал все тот же широкоплечий.

Сидящие у костра крестьяне заговорили, заспорили, предлагая каждый свое. В это время из своего укрытия вышел Разин и подсел к мужикам.

Крестьяне примолкли, смущенно переглядываясь между собой; каждый думал про себя: «Неужели атаман слышал наш разговор?»

Степан вытащил трубку, медленно набил ее табаком, раскурил, затем сказал:

– Слышал я, ребята, случайно, как вы тут говорили, и скажу вам на это вот что. Я поднял своих казаков, веду за собой множество людей, чтобы дать вам волю. Чтобы ты, – Степан указал пальцем на широкоплечего, – не ползал на коленях перед своим помещиком, чтобы на конюшне дворовые тебя не драли вожжами за провинность, чтобы ты жил свободным человеком и, где хочешь, работал! Чтобы женка твоя и детишки досыта ели хлеба и были всегда с тобой!

Широкоплечий опустил глаза, смущенно зашмыгал носом, как провинившийся мальчишка.

А атаман уже загорался своей речью:

– Я же, мужики, радею за вас, хочу помочь установить на вашей земле свободу, а вы норовите разбежаться! А кто же крепость будет брать? Один, без вас, ребята, я не управлюсь.

Мужики вокруг костра потупились, не зная, что ответить атаману. Наконец широкоплечий встал, поклонился в пояс Разину:

– Прости нас, атаман, за наши речи. Не со зла мы все это. А из-за того, что долго на месте стоим, да еще холода начались. Силушка в наших руках застоялась. Нам бы в бой – малость погреться!

Сидящие вокруг костра крестьяне рассмеялись, а один из них выкрикнул:

– Тебе, Илья, только бы крушить что-нибудь да помещиков бить.

– Это я могу, ребята, – улыбаясь, ответил широкоплечий. Улыбнулся и атаман:

– Это, мужики, хорошо, что вы в бой идти готовы – за волю и справедливость. Вот завтра с утра и пойдем штурмовать крепость.

– Неужто! – воскликнул Илья.

Степан Разин встал, еще раз оглядел мужиков, про себя подумал: «Ребята они крепкие: если бы их бою поучить да вооружить хорошо, тогда бы сам черт был нам не страшен. Только вот беда, времени на это у меня нет. Воеводы идут на нас со всех сторон: надо отбиваться».

Атаман поправил папаху, подмигнул мужикам, на прощание посоветовал:

– Отдыхайте да готовьтесь к бою. Будет он завтра нелегким.

Разин повернулся и пошел в темноту усталой, тяжелой походкой. А в голове у него неотступно вертелась одна мысль: как взять Малый город, как выкурить оттуда проклятого Милославского? Уже метали туда зажженные факелы и поджигали стены крепости, жгли дома, а воевода по-прежнему держался и не думал оставлять город. Выход один – взять его штурмом. Если он город не возьмет, и удача ему изменит, многие люди от него отхлынут. Он уже сейчас видел в них это настроение, читал в глазах, замечал по отношению есаулов к нему. Наверно, крестный Корнило был прав, когда говорил: «Люди идут за тобой, пока удача с тобой, а как покинет тебя она, немногие с тобой останутся». И надо же было встать Милославскому на его пути! Все так хорошо складывалось. Неужели с Симбирска все дело его пойдет прахом? А больше у города стоять нельзя, на подходе уже другие воеводы, а все вместе они легко его разобьют. И казаков-то, на которых полностью можно положиться, у него мало осталось. Одни пали в боях, других он разослал поднимать народ против бояр да воевод. А те есаулы, что остались с ним, постоянно враждуют друг с другом. Одни хотят вернуться на Дон, другие – идти с ним в глубь России. Но все они не любят крестьян за их непостоянство, неопытность в бою.

Степан лихорадочно искал выход из создавшегося положения, но не находил. Город надо брать, надеяться не на кого. Сколько он ни посылал в Малый город лазутчиков – все погибали. Защитниками города были в основном дворянские дети, московские стрельцы и иностранные солдаты. Все обещания атамана о воле и дуване для них не имели никакого значения. Здесь не получалось так, как в других городах, где простой народ открывал перед ними ворота, бил и вылавливал ярых врагов. Теперь надо было, не надеясь ни на кого, брать город. Разин и сам до этого не спешил его брать, и с каждой неудачей уверенность во взятии Малого города становилась все меньше и меньше. Он стал осторожничать, откладывать решающий шаг. Боялся поражения, боялся, что слава его поколеблется.

Разин направился к своей избушке, решив выпастись, чтобы завтра со свежими силами вести людей на решительный штурм. Неожиданно его внимание привлек топот копыт. Где-то, в ночной темени, мчался всадник. Вот он уже вынырнул из ночи, вздыбил коня перед Степаном, лихо соскочил с него, подбежал к атаману, торопливо заговорил:

– Степан Тимофеевич! Борятинский двинул свое войско к городу. А мужики, которые держали под присмотром дорогу, что идет по берегу Свяги, ушли неизвестно куда.

Степан вгляделся в мощную фигуру казака, узнал в ней Ефима:

– Кто тебя послал?

– Федор Сукнин, Степан Тимофеевич!

– Скажи, Ефим, к есаулу Ивану Красулину, что за острогом под стенами у Малого города стоит, пусть со своими казаками встанет на пути у Борятинского.

8

Шелудяк проснулся от осторожного скрипа двери опочивальни. Атаман открыл глаза. После выпитого в голове шумело, его подташнивало, во рту пересохло. Федор медленно встал, подошел к столу, где стояли меды. Не отрываясь, долго пил. Стало легче. Через приоткрытую дверь были слышны шорохи и тихие приглушенные голоса. Шелудяк прислушался.

– Казак-то у тебя спит? – услышал он мужской голос.

– Спит, – ответила тихо Анна, – напился хмельного да дрыхнет. Что ему сделается?!

– Смотри, чтобы не услышал.

– Говори – зачем пришел? – прервала собеседника Анна.

– Послали меня к тебе митрополит Иосиф и князь Семен Львов. Велели передать, что пришла из Москвы грамота: в ней государь велит воров уничтожить как можно скорее и власть в городе взять в свои руки. Пошлет сюда на помощь стрелецкие полки и иноземных солдат. Тебе, Анна, патриарх велел атамана Уса известить, как вы с ним договаривались, а с этими атаманами – Шелудяком и Шумливым – мы сами справимся.

– Я и сама уже с ними управилась, – хвастливо заявила Анна, – они из-за меня скоро глотки друг другу перегрызут.

Было слышно, как она захихикала. От удивления Федор раскрыл рот. В его голове наступало прояснение. Так вот почему она вела такие речи! Вот почему она натравливала их друг на друга! В городе – заговор. А они по своей глупости помогали ему зреть. Надобно идти к Усу и предупредить его. Смуту необходимо тут же искоренить. Надо поднимать народ – решил про себя Федор и, больше не слушая заговорщиков, лег назад, в постель, чтобы Анна не догадалась, что он все слышал.

Вскоре она вернулась. Федор сделал вид, будто только что проснулся, сладко зевнул, потянувшись, сказал:

– Надо идти мне к казакам, сегодня мои люди дозор за городом держать будут.

– А ты пошли моего дворового Василия и с ним передай, пусть сотники без тебя в дозоре побудут, мол, занят ты или приболел. А мы, меж тем, гульбу затеем, Шумливого, Уса позовем.

– Нет, Анна, нельзя мне, – наотрез отказался Шелудяк. – Сегодня с юртовскими татарами мне надо повстречаться и кое-какие дела с ними справить. От Уса поручение.

– А почему раньше о нем мне ничего не рассказывал? – стала выпытывать у атамана женщина. А Федор нарочно нагонял туману:

– Нельзя мне об этом с каждым говорить, то наша атаманская тайна.

– Но у тебя же от меня, мой милый, тайн никаких нет?

– Нет, конечно, нет, – отстранился от женщины Федор и стал торопливо собираться.

На улице было уже совсем светло, когда Шелудяк вышел от Анны и поспешил к избушке, где жил Ус. Его мучил стыд за то, что он спьяну наговорил. Если бы не заговор, который он случайно раскрыл, Федор, наверное, еще бы долго скрывался от своих товарищей. Он проклинал себя и вино, клялся, что больше не возьмет в рот этого проклятого зелья. Из-за своей пьяной болтовни чуть не погубил все дело, за которое они не жалели живота своего.

Когда Василий Ус умылся и вернулся в избушку, Прокофий Шумливый крепко спал, с присвистом всхрапывая.

«Пока он проснется, пойду сам к Шелудяку и расспрошу его обо всем, – решил Василий Ус, – ведь недаром говорят: что у трезвого на уме, у пьяного на языке. Надобно узнать, что же там у них произошло, несет же казак невесть что. Узнаю у Федора, что все это значит».

Василий поглядел на спящего товарища, затем тихонько вышел из избы и, не торопясь, зашагал к дому Анны, заведомо зная, что Шелудяк там. В лабиринтах бесчисленных переулков Ус и Шелудяк разминулись. И вот Василий поднимается в сопровождении дворового на высокое крыльцо дома Анны Герлингер.

Женщина встретила гостя в горнице. Приветливо улыбаясь, засуетилась перед атаманом, освободила лавку от лежащих на ней нарядов. Анна металась по горнице и говорила, говорила – порой невпопад, стараясь удержать у себя гостя.

Ус слушал и не слушал болтовню Анны, думая о чем-то своем, даже взглядом не проявляя интереса к женщине. Его голубые холодные глаза, казалось, смотрели мимо нее. Выслушав бесконечный поток слов хозяйки, атаман спросил:

– Федор Шелудяк у тебя ли?

Анна кокетливо заулыбалась, ответила:

– У меня все они вчера были. Гуляли. Только что-то ты, атаман, за все время ко мне один раз зашел и то по делу, – игриво взглянула многообещающими глазами в лицо атамана.

Но Василий даже бровью не повел, строго потребовал:

– Позови, Анна, мне Федора.

– Сейчас я его подниму, а то он после вчерашней гульбы крепко спит. Не хочешь ли ты, атаман, выпить сыта, пока я Федора бужу? – спросила женщина, и в глазах ее зажегся злой огонек, по лицу пробежала тень. Василий даже заметил, как лицо у Анны окаменело, но значения этому не придал.

Сыто – напиток, настоящий на меду, – Василий любил. Он бодрил своей резкостью и терпким запахом цветов и воска.

– Пожалуй, поднеси, хозяйка, – попросил Василий.

Анна сразу же отправилась в сенцы, где стояла бочка с сытом. Сердце у Герлингер гулко стучало в груди. В голове жгла одна и та же мысль: надо сделать то, чего от нее ждет Иосиф, что они задумали. Больше такой случай может и не представиться. Другой внутренний голос кричал, протестуя: «Но ведь человек умрет! Возьмешь грех на душу». Снова шептал кто-то другой, темный и злобный, ей на ухо: «Дай ему яд! Дай ему яд! Он загубил твою легкую, беззаботную жизнь!» Этот голос настойчиво и неумолимо требовал, кричал, заглушая добрый человеческий голос любящего, ближнего. Женщина нацедила из бочки сыта, подошла к небольшому оконцу в сенях. Вытащила из-за пазухи завернутый крепко-накрепко узелочек, развязала, поглядела на темное небольшое зернышко, которое дал митрополит Иосиф. Сейчас от этого зернышка зависела жизнь Уса. Анна вспомнила лицо митрополита, его глаза и слова: «Господь Бог простит тебя, женщина! Я буду молиться за тебя, если ты применишь силу этого яда против врага нашего! И будет тебе за это Божья благодать и царская милость!»

Анна медленно поднесла тряпицу с ядом к яндове, руки ее дрожали. Пересилив себя, со стоном бросила яд в сыто. Зернышко мигом растворилось и исчезло в напитке. Еще некоторое время Анна смотрела в яндову, не решаясь идти в горницу к атаману. На какое-то время заколебалась, даже захотела выплеснуть сыто, но потом, все же решившись, молвила: «Бог меня простит!» – и пошла к Василию в горницу.

Ус, уставший ждать, с нетерпением спросил:

– Где же Федор?

– Сейчас выйдет, одевается, – подала яндову атаману, сказала дрожащим от волнения голосом: – Испейте, атаман, моего сыта, нынче оно на славу удалось.

Ус с удивлением посмотрел на дрожащие руки женщины, поставил сыто около себя, о чем-то задумался. Наконец Василий, как бы оторвавшись от своих мыслей, взял яндову в руки и, не отрываясь, стал пить. Анна пристально глядела на атамана, как зачарованная, вспоминая, что говорил ей митрополит Иосиф: «Выпивший сей яд сразу не помрет, сперва у него наступит легкое головокружение, а уж потом через некоторое время отдаст Богу душу».

Осушив сыто из яндовы, Василий Ус спросил:

– Ну, где же Федор? – и тут же дернулся, зашатался, но усидел на лавке, провел ладонью по лбу.

– Я, пожалуй, пойду. Как Федор соберется, пусть ко мне немедля явится.

Василий медленно встал и нетвердой походкой покинул горницу. У него путались мысли. Он уже не помнил, зачем явился в этот дом, и единственным его желанием было выйти на улицу. На крыльце Ус пошатнулся и рухнул замертво, покатился по ступенькам на землю – прямо к ногам подбежавшего к нему Шелудяка. Глаза у Василия были открыты. Они с укором и сурово смотрели на Федора.

– Не успел! – закричал Федор, и крупные слезы покатались по его щекам. Шелудяк сорвал с себя баранью шапку, бросил ее оземь, затопал в досаде ногами, закричал: «Убью сволочь!» – выхватил из ножен саблю и бросился на крыльцо. В это время ему навстречу вышла Анна. Федор остановился. Он долго с удивлением и укором смотрел в лицо женщины, затем горько, почти шепотом произнес охрипшим от горя голосом:

– Что ты, сука, наделала!

У Анны в глазах мелькнул испуг, когда она увидела в руках Шелудяка обнаженную саблю.

– Это не я! – истерически закричала женщина. – Он сам упал! Он сам умер! Я не виновата, он сам умер!

Ее слова были столь искренни, что у Федора в душу закралось сомнение, он подумал: «А может, и правда, сам помер, болел же он чем-то?»

Шелудяк резко бросил саблю в ножи, сказал:

– Не поднимется у меня рука на бабу. Хоть ты этого заслуживаешь, но некогда мне тобой заниматься, народ надобно поднимать, чтобы таких, как ты, уgomонить!

Федор резко развернулся и пошел, не оглядываясь, навстречу уже спешащим казакам во главе с Прокофием Шумливым.

– Что, не успел? – в испуге спросил Федора Шумливый и бросился к холодному телу Василия Уса.

В Астрахани звонили колокола. Толпы народа шли на Соборную площадь. Люди все прибывали

и прибывали. Все смотрели на раскат, где стояли заговорщики – митрополит Иосиф, князь Львов и около десятка богатых людей города. Тут же находились атаманы Шумливый, Шелудяк, есаулы и сотники. Речь держал Прокофий Шумливый:

– Люди! Перед вами стоят изменники! Изменники дела нашего, за которое отдали жизни многие казаки и люди города! Эти изменники не хотят, чтобы вы были вольными людьми! Они сносились с боярами и воеводами, готовились сегодня ночью снова вернуть свою власть в Астрахани, да мы их опередили!

– Бросить их с раската! – кричали астраханцы.

– Убийцы они! Атамана нашего Василия Уса загубили!

– Бросить их с раската! – ревела толпа.

Иосиф ненавидящим взглядом смотрел вниз на разъяренную толпу, читал молитвы. Семен Львов молчал, опустил гордую голову, слезы катились по его щекам, но он не просил пощады, понимая, что час его настал.

В эту ночь астраханцы переловили всех заговорщиков и пытали их с пристрастием. Они вели сыск своих врагов, которые хотели отнять у них свободу. Люди с факелами сновали по темным закоулкам, отыскивая сторонников митрополита Иосифа. Город кипел, как переполненный котел. Только один человек, отрешенный от всего, медленно брел по городу. Это была женщина, длинные волосы ее были растрепаны, глаза безумны, она что-то бормотала, брела, казалось, наугад, но путь ее неуклонно шел к Соборной площади. Люди, встречавшиеся на пути Анны, отходили в сторону, набожно крестились, старались уйти от нее подальше. Наконец женщина достигла цели. Она стала медленно взбираться на раскат, часто останавливаясь, что-то громко бормоча, а иногда был слышен ее жуткий смех.

Два казака, проходившие в это время по Соборной площади, увидев женщину, взбирающуюся на раскат, остановились. Один из них в страхе произнес:

– Видно, дьявол за душами изменников пришел, – и оба набожно перекрестились.

– Свят! Свят! – в страхе проговорил другой.

Между тем женщина поднялась на раскат, подошла к краю, что-то крикнула и бросилась вниз.

9

В Москве в эти дни было тревожно. Разные слухи ходили по городу. То люди говорили, будто вор разбил Юрия Долгорукого, то, наоборот, – Юрий Долгорукий разбил Разина. И во всех этих криво-толках трудно было определить истину. Город жил прежней жизнью. Оживленно шла торговля, так же ремесленники делали свое дело, но во всем этом чувствовалась напряженность, предчувствие каких-то больших событий. Над городом витал дух свободы. Но особенно это чувствовал бедный люд. Народ собирался кучками в глухих уголках улиц, в подворотнях, в различных закоулках, на базарах и подолгу возбужденно говорил. Истцам хватало работы.

В один из дней на базаре схватили неведомого человека, который читал и раздавал народу прелестные грамоты Степана Разина. Этот человек подбивал народ помочь атаману, когда тот придет к стенам города. Истцы на заводчика навалились неожиданно, когда он читал такую грамоту. Вмиг заломали ему руки назад, поволокли в приказ. И еще долго после того люди обсуждали этот случай, делясь своими впечатлениями вполголоса, оглядываясь по сторонам, чтобы не угодить в лапы истцам.

Наступила промозглая осень. Дороги в городе развезло, часто шли холодные дожди. Ночами дул порывистый ветер, хлеща по стеклянным окнам из цветного стекла опочивальни царя Алексея Михайловича. Оставаясь наедине сам с собой, когда не нужно напускать на себя деловую серьезность, а можно просто расслабиться, уйти в свои мысли, он обдумывал планы на будущее. Алексей Михайлович по природе был человеком мечтательным, любил поразмышлять о будущем своего государства. В такие дождливые ночи, когда на улице была непроглядная темень, за окном холод, приятно было лежать в мягкой постели, глядеть, как прогорают дрова в печи или мерцает дрожащее от движения воздуха пламя свечи. Царь Алексей любил в это время читать старые книги в кожаных переплетах или размышлять над переустройством государства. Но перестроить темную Русь было нелегко, и он это понимал. Знал и чувствовал ее противоречивые силы. Нелегко ему было править державой, удерживать в руках власть, постоянно примирять два враждующих лагеря – Нарышкиных и Милославских. Многие из того и другого рода были дороги ему. Понимал, что каждый из них стремится пробиться поближе к его трону, соприкоснуться с его властью, получить хотя бы толику от нее, чтобы повелевать людьми – и не только повелевать, но и нажить на этом немалое добро. Приходилось царю лавировать с людьми: одним он давал власть, как стольнику Василию Нарышнину или боярину воеводе Юрию

Долгорукому, у других забирал или вообще отсылал их от своего двора, как князя Львова. Все приходилось учитывать царю – и слабости, и страсти своих приближенных, дабы быть их властелином.

Хотелось государю иметь торговые суда, чтобы они плавали в дальние страны, везли туда свои товары, а оттуда привозили заморские. Да только выхода в море не было. На юге татары да турки держали выход на замке, на севере немцы да шведы прибрали все к своим рукам. А по сухому пути много ли в другие страны увезешь? Вот и скупают иноземцы по дешевке на Руси мех, лес, лен и другие нужные товары. «А если бы самим торговать?! Какой бы доход государству был?! – думал царь, глядя на мигающую свечу. – Надобно как-то именитых купцов собрать да поговорить с ними», – но, подумав об этом, царь пожалел: – «Эх, не придется пока с купцами поговорить: смута! Эх, эта смута! Разин этот проклятый все ближе и ближе идет к Москве, и остановить его никто не может: одна надежда на боярина Долгорукого», – и тревога, которая где-то смутно пульсировала в сознании, вдруг резанула по сердцу Алексея Михайловича. Царь даже поехал и еще сильнее закутался в пуховое одеяло. Подумал: «Что же это Долгорукий вестей никаких не шлет? Ох, не к добру, однако, все это! Ох, не к добру! Вот уж вчера боярин Ордын-Нащекин, что остался за Юрия Долгорукого в посольском приказе, докладывал, что татарские послы Сафер-агой и Мустафой-агой предлагали помощь в усмирении Стеньки Разина, да и польский король тоже помощь предлагает».

Алексей Михайлович встал, прошлепал босыми ногами к окну опочивальни. Долго вглядывался в ночную темень. За окном порывами шумел ветер, глухо стучали по стеклу капли дождя. Царь медленно вернулся к кровати, неотступно думая: «Дай им волю, татарам да полякам, и сам не рад будешь. Только разреши в пределы государства войти, живо повернут свои рати на Русь, начнут грабить да угонять в полон людей, тогда и вовсе худо будет. И от Разина отбиваться надо, а потом и от помощников». Тяжело вздохнув, молвил уже вслух: «Избавь меня Бог от таких помощников»...

* * *

Утро выдалось хмурое, дождливое. Алексей Михайлович, поглядев в окно, подумал про себя: «Тучи-то какие темные, никак снег скоро ляжет, все идет к тому». Царь еще долго смотрел в окно, обдумывая, чем же ему сегодня заняться. Дел скопилось много, а в первую очередь надо было решать, с каким воеводой посылать рати на подмогу Ромодановскому и Долгорукому, если на этих днях не будет от них вестей или они будут плохие. Нужно было быть готовым ко всему. Наконец Алексей направился в крестовую палату, где его уже ждали бояре для свершения государственных дел. Идя мимо опочивальни царицы, он захотел было зайти к Наталье Кирилловне, но, поколебавшись какое-то мгновение, прошел мимо. Во дворцовых узких переходах с высокими сводчатыми потолками было сумрачно, тускло горели, помигивая, свечи в бронзовых подсвечниках.

Вглядевшись в лица своих приближенных, он с удивлением отметил, что сегодня они не хмуры, как обычно, а чем-то возбуждены, ведут оживленный разговор. И даже как будто междоусобной родовой вражды незаметно, как раньше. Алексей Михайлович не спеша вошел в палату, сел в кресло, молча стал разглядывать бояр, продолжая удивляться. Отношения между Милославскими и Нарышкиными его всегда тяготили, и ему было жаль их за глупую вражду, а вот сейчас куда-то все это девалось: напыщенность, презрение друг к другу, недоступность родовитых бояр.

Царь ждал, что же они скажут. Постепенно оживленный разговор затих. С места встал Ордын-Нащекин Афанасий Лаврентиевич и стал читать грамоту от князя-воеводы Ромодановского. Слушая ее, Алексей Михайлович как бы обмяк, расслабился. Напряжение и тревога последних дней, которые постоянно были у него на душе, сразу свалились как камень. Сердце его ликовало: «Наконец-то беда! Наконец-то побили воров!»

А в грамоте воевода Ромодановский писал, что в союзе с запорожскими казаками погнал он воров и смутьянов от многих городов Слободской Украины, освободили Острожек, Ольшанск и другие города, что ведет сыск над воровскими казаками, изводит крамолу с корнем. После того как Афанасий Лаврентиевич кончил читать грамоту, бояре радостно зашумели, задвигались, а стольник Владимир Волконский, приземистый, рыжебородый, широкий в кости, густым басом крикнул:

– Надобно бы наградить верных слуг за то, что славно радели за дело!

В порыве восторга крикнул и осекся, с испугом посмотрел на государя. Именитые бояре с укором поглядели на стольника, еще более вводя его в смущение. Все ждали, что скажет царь. Алексей Михайлович долго молчал, видно, обдумывая, а может, просто хотел придать событию торжественную значительность.

Приближенные видели, как подобрело его лицо, как ожили, заискрились глаза, и не сомневались уже, что решение его будет достойным событием. Алексей Михайлович улыбнулся, веселым взглядом оглядел приближенных:

– Наконец-то господь услышал наши молитвы! Повелеваю отслужить молебен во всех церквях! Кроме того – наградить людей, верных нам и государству нашему, послать им соболей, полукармазина и доброго сукна по пяти аршин на каждого воеводу, жаловать похвальными грамотами. И отписать, что и впредь мы будем жаловать их всяческими милостями за верную службу.

Ордын-Нащекин, средних лет боярин, высокий, стройный, медленно и торжественно поклонился царю:

– Милостив к нам господь! Но еще больше милостив к нам, слугам его верным, наш государь, и милость его не знает границ! Сегодня же грамоты и дары вашего величества будут отправлены Ромодановскому. Наконец-то пробил час искупления, начали изгонять воров и изменников!

Царь встал, бояре поднялись и чинно пошли к выходу из палаты. Лишь только отстал от всех Ордын-Нащекин, как бы замешкавшись. Царь сел в кресло. Ему хотелось остаться одному, поразмыслить над свершившимся. Но, видя, что боярин о чем-то хочет поговорить с ним, спросил:

– Что, Афанасий Лаврентиевич, топчешься на месте? Коли что важное есть, говори.

– Есть вести из Астрахани, – смело ответил боярин. – Верный человек оттуда пробился в Москву, грамоты привез, – и стал разворачивать свитки бумаг.

– Грамот не читай, скажи, о чем сообщают астраханцы, – попросил царь.

– Худо там, Алексей Михайлович. Хотели верные люди во главе с патриархом Иосифом вновь привести город к нашей верности и уже извели главного атамана Василия Уса, да разузнали воры о готовящейся перемене в городе и извели всех преданных нам людей. Сбросили с раската патриарха Иосифа, князя Львова...

Царь поморщился, услышав имя опального князя:

– Мне уже сообщали люди, будто князь Семен Львов перешел на сторону вора. Я поручил проверить это Юрию Долгорукому. Но он так и не успел дознаться, сам с ратью ушел на Разина. А теперь выходит, если бунтовщики его сами извели, знать, верен он нам был, видно, кто-то просто его оклеветал.

– Скорей всего было так, – поддержал мысль царя Ордын-Нащекин. – Разин захватил его в плен и создал видимость, что боярин на его стороне, чтобы показать народу – вот, мол, и хорошие бояре с нами тоже идут.

– Жаль Львова, крепкий был воевода, – с сожалением произнес царь Алексей, – но больно был крут и горяч, за что и угодил в ссылку в Астрахань, а ведь мог бы быть при дворе, укроти он свою гордыню. Она его и сгубила. А о митрополите Иосифе надобно сообщить патриарху. Пусть во всех церквях молебен отслужат по убиенному, верному государству нашему человеку.

Царь прошелся по палате, подошел к окну, долго глядел в него, затем повернулся к боярину:

– Не забудь, боярин, о моем наказе.

Князь молча поклонился в пояс, давая понять царю, что исполнит его желание, попятился и хотел уже выйти из палаты. Но Алексей его остановил:

– Сейчас же отправляйся к московскому патриарху Иосафу, составьте грамоты и разошлите по всем городам и уездам от нашего имени и святой церкви с повелением читать их на площадях принародно. А в грамотах укажите все злодеяния Разина против государства и святой церкви. Раскройте обман перед людьми, что будто со злодеем идут царевич Алексей и патриарх Никон. Пусть анафеме злодея Степана Разина и его товарищей предадут.

10

В ночь на 1 октября 1670 года Степан Разин почти не сомкнул глаз. Только лишь ненадолго задремал он за столом в горнице избушки, где проживал.

Накануне, вечером, у атамана с есаулами состоялся нелегкий разговор. Иван Черноярец опять просил Разина отступить от похода на Русь. Он так и сказал: «Пока не поздно, Степан, давай уйдем на Дон. Видно, пересидели здесь мы, наверно, так и не возьмем Малый город. Уж и люди потеряли веру в победу».

Тут соскочил со своего места Леско Черкашин, горячась, заговорил:

– Верно, атаман, Иван говорит: надо бы нам отступить от Симбирска. Уйдем на Дон, людишками обрастем, а по весне снова вверх по Волге – бить врагов наших.

Степан сидел хмурый, опустив голову, не глядя на своих товарищей, молча слушал, что говорят есаулы. Только видно было, как на его скулах ходили ходуном желваки, да на окаменевшем лице подергивался ус. Руки не находили себе места: Степан то сжимал их, то барабанил пальцами по столу, но не говорил ни слова.

В этот раз даже Федор Сукнин – и тот, по-видимому, засомневался в походе на Москву, так как сказал:

– Степан Тимофеевич, отступить придется, не взять нам Малого города, да и Борятинский не даст: сказывают извечки, опять к Симбирску князь направился, войско свое пополняет людьми. Будет нас бить сзади. Может, и вправду, ночью тихо погрузиться нам на струги и уплыть отсюда, пока не поздно.

Разин поднял голову, пристально взгляделся в своих товарищей, глухо проговорил:

– Нет, казаки, не быть по-вашему. Верю я в победу! А верю потому в нее, что народ нас поддерживает, что многие города в наших руках. Шлют атаманы ко мне людей из Саранска, Пензы, Карамыша, Кадомы и других городов, где прогнали бояр, воевод и купчин с приказчиками. Теперь там правят всем миром, по казацкому обычаю. Раз уж началось такое дело, могу ли я, атаманы, бросить все? Ведь кругом бунтуют люди, гонят вон своих кровососов, а вы хотите, чтобы я сбежал на Дон. Что же тогда обо мне народ скажет? Видит Бог, ребята, вы давно меня знаете! Разве Степан когда-нибудь кого-нибудь бросал в беде? Или, начав какое-нибудь дело, оставлял его? Было ли такое? – спросил он в упор своих есаулов.

– Не было, атаман, – ответило несколько голосов.

– Ну а зачем же вы тогда меня на это подбиваете?! А что крепость не взяли, это еще не беда. Придет время – возьмем. Завтра же с утра!

Степан все больше и больше загорался своей речью, зажигая боевым азартом сподвижников. И вот уже никто из его есаулов не сомневался в победе, не было уже среди них тех, кто бы отказался завтра идти на штурм Малого города. Об этом говорили решительные лица есаулов, загоревшиеся глаза и возбужденные голоса.

«Убедить-то их – убедил, – думал Степан, – да и особо убеждать не надо было». Он знал, что они за ним пойдут хоть куда. Однако ему самому нужна была уверенность в своих планах, чтобы потом – в случае неудачи – не корить себя за то, что не послушался людей, не спросил их совета, а повел их на рискованное дело без оглядки. Хоть и не боялся ничего Разин, особенно того, что касалось его самого. Не страшился ни черта, ни дьявола, но тревожился за людей, боялся неудачи. Атаман понимал, что если люди начнут сомневаться в нем, значит, дело будет загублено. А для него самого очень важно было верить в себя, в свое дело, за которое ему, может быть, придется расплатиться жизнью. Таков уж был Степан. Смерть для него в битве, как и для любого казака, дело возможное, к лишениям и битвам приучены они с детства. А вот вера людей в него, та беззаветная вера, которую он видел в их глазах сегодня, вера в защитника и освободителя ему была дорога. Он ею жил, она его вела к победам. Он высоко дорожил мнением народа и гордился тем, что народ его ценит. Эта цена людская – самая высокая, дороже всех наград и богатств. Много передумал Степан в эту ночь. Думал о себе и о своих товарищах, о своем деле, которому отдавал себя без остатка, к которому шел всю свою жизнь, чувствуя свое великое предназначение.

Одолевали атамана и сомнения. Где-то в душе закрадывался холодок неуверенности в себе. И эта неуверенность отзывалась тупой болью в сердце, и сосала его щемящая тоска от понимания, что очень трудно перестроить жизнь по-новому, сломать этот несправедливый мир, установить равенство между людьми. Он еще сам смутно представлял, как это будет, но твердо верил, что люди должны быть равны. Иногда ему казалось, что задуманное им осуществимо, а иногда думалось, что затея его пойдет прахом, особенно, когда бывали неудачи, но даже в них виделась ему великая польза. Пусть люди почувствуют свою силу, а кровососы знают, что за зло нужно будет когда-то расплачиваться.

Часто грызли атамана сомнения, и тогда он до боли сжимал зубы, из груди вырывался глухой стон. Может, и правда нужно уйти на Дон до поры до времени? Распустить крестьян, а казаков и стрельцов увести в Кагальницкий городок? Может, так будет лучше?

Но когда он думал о том, что пожар восстания уже охватил половину России, что во многих городах люди уже прогнали бояр с воеводами и ждут его, мысль об отступлении представлялась ему невозможной. Главное для него сейчас было всесторонне обдумать, как действовать дальше. И стоит ли идти на Казань? А Симбирск он все-таки завтра возьмет. Не может этого быть, чтобы он его не

взял. Степан встал, поглядел в небольшое оконце горницы и увидел, что уже начало зориться. Атаман резко сбросил с себя тулуп, тронул за плечо Чернорца, который тут же спал на лавке. Есаул сразу же вскочил, протер глаза, спросил:

– На штурм поднимать казаков, что ли?

– Давай, Иван, буди ребят, корми их и с Богом на штурм Малого города. Пора Милославскому и честь знать.

* * *

Не успело еще взойти солнце, а разинцы уже двинулись на штурм стен города. Утреннюю тишину раскололи выстрелы пушек с вала. Казаки стреляли по стенам кремля. С лестницами в руках пошла на штурм пехота Разина, состоящая из крестьян, работных людей и пришедших на помощь казакам мордвы, чувашей, татар. Люди были вооружены кто саблех, кто пищальех, кто пикой, а кто и просто остро заточенным колом. Казаки шли в первых рядах. Шли они уверенно, не оглядываясь, чувствовался опыт и храбрость закаленных в боях людей. Крестьяне же двигались несмело, с оглядкой, как бы примеряясь. Башкиры, татары, чуваше шли дружными ватагами, стеной тесной и сплоченной, но готовой в любую минуту рассыпаться, как горох.

Приглядываясь к наступающим, Разин замечал все, и наблюдения его не радовали. Он понимал, что нет в его войске дружной согласованности и порядка. Сам Степан был в первых рядах, с саблех в руках, с непокрытой головой. Красная рубаха расстегнута на груди, обнажена мускулистая мощная грудь.

И вот наконец приставили первую лестницу к стене кремля. Разин первым полез вверх, подбадривая других: «Вперед! Вперед, ребята! Не робей, мужики!» Лестницы, одну за другой, приставляли к стене, и повстанцы устремлялись по ним вверх.

Защитники Малого города палили из пушек и пищалей в разинцев, сталкивали шестами лестницы. Казаки уже на стене рубились со стрельцами Милославского. Кругом слышался шум боя: металлический лязг сабель, выстрелы из пищалей и пистолей, вскрики раненых. Стены Малого города окутал едкий пороховой дым. Несколько стрельцов уперлись шестами в лестницу, по которой лез Разин, с трудом оттолкнули ее от стены, и она вместе с людьми опрокинулась назад. Атаман отпрыгнул в сторону от лестницы, чтобы не попасть под нее. Упал он удачно на кучу хвороста, который приготовили казаки, чтобы поджигать ворота кремля. После падения Степан резво вскочил, но острая боль в ноге заставила его присесть. Он заскрипел зубами. Тут же к нему подбежали Федор Сукнин, Иван Чернорец и Ефим. Подхватили под руки, увели его в избушку, усадили на лавку. Степан скрипел зубами от боли, ругал на чем свет стоит стрельцов и Милославского. Ефим быстро сдернул с ноги атамана сапог, потрогав припухшее колено, сказал:

– Не беда, атаман, это у тебя вывих, я тебе сейчас вмиг ногу на место поставлю.

Осторожно поглаживая огромными ручищами ногу атамана, Ефим вдруг резко, с силой ее дернул. Степан застонал от боли, крикнул:

– Что ты, сукин сын, делаешь!.. – и тут же, почувствовав облегчение, сказал спокойно: – И, правда, колено на место вставил.

– Ты бы, атаман, посидел тут на лавке, пока мы берем крепость. Еще немного, и мы ее возьмем, вон уже казаки на стенах рубятся со стрельцами, – сказал Чернорец, протянув руку в сторону окна, которое выходило на Малый город. – Не лезь, ради Бога, в битву, там и без тебя есть кому саблех махать! Неровен час, попадет в тебя, атаман, шальная пуля. Что мы без тебя делать будем? Посиди пока здесь, Степан Тимофеевич, пусть боль в ноге пройдет.

Казаки вышли из избы и заспешили к стенам Малого города, оставив на крыльце Ефима со строгим наказом, чтобы Разина к крепости не пускать.

– А что я могу сделать, если он пожелает идти в бой? – возразил на приказ Чернорца казак.

– Не пускай – и все тут!

Посидев некоторое время один в горнице, Степан стал метаться от окна к окну – следил за ходом сражения. Несколько раз, прихрамывая, выскакивал на крыльцо, но, увидев мощную фигуру Ефима, возвращался назад. С места битвы были слышны треск пищальных выстрелов, крики сражавшихся, гулкое буханье пушек.

Вскоре прибежал Федор Сукнин и взволнованно спросил:

– Что, атаман, делать будем?

Почувствовав неладное, Разин соскочил с лавки. Лицо его побледнело.

– Борятинский опять к городу подходит, уже в нескольких верстах отсюда!

В досаде и гнев Степан ударил кулаком по дощатому столу. От удара хрястнул и отвалился его угол. Атаман заметался по горнице, схватил лежащую на лавке саблю, закричал:

– Ефим, седлай коней! Ты, Федор, беги к Ивану Черноярцу: пусть отправит десять сотен казаков, пеших стрельцов, татар, мордву и чувашей. А остальным продолжать штурмовать крепость! И еще, приведи сюда татарского мурзу Асана Карачурина.

Федор помчался выполнять приказ атамана, а Разин опять, прихрамывая, заходил по горнице, разговаривая сам с собой:

– Ну, князь Юрий, и всыплю же я тебе сегодня за все твои деяния, будешь ты у меня ползать в ногах, пощады просить. Бил я уже тебя много раз, да не добил, а сегодня, пока не добыю – не отступлюсь!

– Будет тебе, атаман, убиваться. Одолеем мы этого проклятого князя, – стал уговаривать Степана Ефим.

Разин вдруг остановился среди горницы, поглядел с улыбкой на могучего казака:

– И правду ты говоришь, Ефим, стоит ли так убиваться! Разобьем мы Борятинского сегодня – и весь сказ! – припадая на больную ногу, Степан вышел на крыльцо. Пристально вгляделся в стены Малого города. Жестокая схватка уже шла на стенах, а на помощь дерущимся по лестницам все лезли и лезли повстанцы.

«Эх, маленько не мог подождать князь Юрий, – с сожалением подумал Разин, – да ладно, успеется, еще возьмем город».

К крыльцу лихо прискакали всадники: Иван Черноярца, Федор Сукнин и мурза Асан Карачурин.

Степан и Ефим вскочили на приготовленных лошадей, и уже на ходу атаман стал распоряжаться:

– Тебе, Иван, держать крепость, попробовать взять ее или хотя бы не дать выйти из нее Милославскому. Тебе, Асан, прихватить с собой всех татар и найти хорошего жожа, чтобы знал здесь кругом каждую тропинку и дорогу и побыстрее вывел нас навстречу Борятинскому.

Мурза Карачурин и Черноярца, хлестнув плетками своих коней, помчались исполнять волю атамана, а Разин, Сукнин и Ефим поскакали к ожидавшим их за посадом верховым казакам.

11

Степан Разин со своей конницей и пешим войском только к полудню вышел к берегам Свяги, тихой речки, спокойно несущей свои воды среди лесов и болот. Вокруг была тишина. Осенняя пора набрала свою силу. На деревьях уже почти опала листва. Леса посветлели. Только изредка в перелесках горела багряная рябина да желтела неопавшая листва осины.

Берег Свяги, по которому двигалось разинское войско, был крут, а местами обрывист. Дорога вдруг резко свернула от берега и вышла на холмистую равнину с еще зеленой травой, на которой кое-где желтел низкий кустарник.

Хотя атаман и ждал, что они вот-вот встретятся с Борятинским, но конные стрельцы появились перед казаками неожиданно из-за поворота лесной дороги. Стрельцы, по-видимому, уже поджидали разинцев, всадники помчались на повстанцев.

– Ребята! К бою! – зычно крикнул Разин, выхватил из ножен саблю и, вздыбив коня, помчался навстречу врагу, увлекая за собой казаков. Разинцы яростно врезались в ряды конных стрельцов. Пронзительно заржали лошади, раздались выстрелы и крики падающих раненых. Завертелось, закрутилось все кругом, схватились противники в жестокой смертельной схватке.

Ловко орудуя своей саблей, Степан неумоимо разил стрельцов, наводя страх на врагов. Федор Сукнин, Ефим, Еремка неотступно следовали за атаманом, прикрывали его от случайного удара.

Яростный напор казаков заставил дворянскую конницу отступить. Закрутились верховые стрельцы на месте, стали поворачивать коней назад. И уже мчитесь лавина всадников к лесу. Торжествуют казаки, радуется атаман новой победе над Борятинским.

Но стрелецкая конница вдруг разделилась на две половины и скрылась в лесу. Хотел уже Степан распорядиться, чтобы шли вперед пешие крестьяне, татары, мордва и захватили обоз Борятинского. Но тут, прямо перед собой, увидели казаки стрелецкие пушки, скрывавшиеся под ветвями деревьев, заброшенные до поры до времени травой.

Сбросили стрельцы маскировку, зажгли фитили, ожидая, когда казаки приблизятся вплотную, чтобы стрелять наверняка. Грохнул пушечный залп. Вздыбились, заржали испуганные лошади. Сме-

шались разинцы, закрутились на месте всадники. Пока одни служилые заряжали пушки, другие из пищалей и мушкетов делали меткий залп по повстанцам. Крестьяне, мордва, татары ринулись бежать назад. Попытался было Разин навести боевой порядок в своих рядах, да не тут-то было: его пехота неудержимо отступала к Свияге.

– Федор! – крикнул Разин.

Есаул, сдерживая своего горячего жеребца, рысью приблизился к атаману.

– Заверни пехоту. Нужно взять пушки и отбить обоз у Борятинского.

Не успели казаки перестроиться, чтобы вновь ринуться на стрельцов, как снова залпом ударили пушки, затрещали пищальные и мушкетные выстрелы. Неожиданно лошадь под Разиным забилась, встала на дыбы и завалилась на бок, придавив ногу атамана.

В это время конница Борятинского снова пошла в атаку. Степан лихорадочно пытался высвободиться из-под коня, но никак не мог, за что-то зацепился сапог. Пробились к Разину Еремка и Ефим. Ефим, отдав повод своего коня Еремке, быстро освободил ногу атамана. Тот с проклятиями забрался на другого коня, подождал, когда его спасители вскочили на своих лошадей, и галопом помчались догонять свое войско, спешно отступившее к берегу Свияги.

– Еремка! – крикнул на ходу Степан. – Скачи в острог к Ивану Черноярцу, пусть пришлет, сколько может, подмоги, а то нам не устоять против стрельцов.

Прискакав к реке, Разин окинул взглядом свое изрядно потрепанное войско и стал приводить его в порядок. Проехался по сотням, подбадривая конных казаков и пехоту, где шуткой, где соленым словом, а где и суровым взглядом.

– Не бойтесь, ребята! – приободрял Степан крестьян, татар и мордву. – Знайте, я с вами!

Те цокали языками, кивали головами, улыбались.

– Дадим жару нынче мясникам! – и сурово добавлял, косясь в сторону Борятинского, который медленно подтягивал свое войско к берегу Свияги: – Узнают они у нас, остра ли казацкая сабля! Будут помнить нас дворянские дети!

Наконец пришла помощь из Симбирского острога. Привел пушкарей с пушками, пеших и конных повстанцев Иван Красулин. Разин встретил прибывших радостным восклицанием:

– Молодцы, ребята, что пушки привезли! Теперь всыпем Борятинскому как следует! – и обнял Красулина.

Вглядевшись в атамана, Иван Красулин впервые заметил на его лице растерянность. Хотя слова и жесты Разина были так же тверды и уверенны, как прежде, но он постоянно подергивал усом, то и дело косясь в сторону врага, который, между тем, неотвратимо и организованно охватывал казаков плотным полукольцом, тесня их к крутому берегу реки. В это время со стороны леса стала заходить темная туча. С реки потянул холодный ветер. Она посерела, по воде побежали белые барашки. Свияга насторожилась, притихла, как бы ожидая необыкновенного события. Но вот резкие порывы ветра с силой ударили в лицо приготовившимся к бою людям. Упали на землю крупные капли дождя. Затем они стали бить все чаще и чаще и перешли в ливень. Порывы ветра стали сильнее и резче, будто старались опрокинуть стоящие друг против друга войска с крутого берега в реку. Свияга в это время пенилась и бурлила, волны, налетая на крутой берег, разбивались в брызги, лизали красную глину, словно старались достичь людей, которые лицом к лицу отстаивали в смертном, беспощадном бою каждый свою правоту, боролись за свою лучшую жизнь. Только ее понимание у этих людей было разное.

Дождь прекратился так же неожиданно, как и начался. Тучи ушли в сторону Симбирска. Облака разорвались, показалось клонящееся к горизонту солнце.

Первыми в бой пошли полки Борятинского. Рейтары, солдаты и стрельцы двигались по изумрудной, омытой дождем траве. Они двигались плотной стеной – непоколебимо, уверенно, по-хозяйски.

Степан бросился к Красулину, закричал:

– Иван, бей из пушек! Что же ты не стреляешь?!

– Нечем, Степан Тимофеевич, стрелять, намокли порох и фитили, – в отчаянии ответил Красулин.

Степан плюнул в досаде, погрозил кулаком в сторону уходящей тучи, выхватил из ножен саблю, крикнул:

– Ребята! Не бойтесь своих врагов! Они могут только убить вас, но тогда вы умрете свободными, это лучше, чем стоять на коленях с согнутыми спинами. Они нам наших битв не простят! Победим или погибнем!

Взвился конь Разина на дыбы, и помчался атаман на врагов, увлекая за собой казаков. За всадниками с оглядкой пошла крестьянская пехота. Мужики шли – кто с косой, кто с колом, кто с вилами. Вел их Ефим, громогласно подбадривая несмелых.

Раздались первые выстрелы из мушкетов и пищалей. Упали с коней сраженные всадники, лошади, завалившиеся на бок, тоскливо ржали, всхрапывали, бились копытами о землю, продолжая неоконченный бег. И вот на берегу Свияги завязалась жестокая схватка. Сошлись разинцы и государственные люди в рукопашном бою. Душили друг друга руками, рвали противника зубами, кололи оружием. Кругом стоял кромешный ад, везде людей ждала смерть.

Первыми не выдержали жестокой битвы крестьяне, мордва и чуваша. Непривычны для них были такие жаркие, беспощадные схватки. Стали они группами отходить в лес, разбегаться вдоль берега реки. И только казаки стояли твердо и отважно. Атаман рвался вперед, разил своим страшным оружием направо и налево. И поэтому далеко оторвался от своих ближних казаков.

Борятинский отдал распоряжение стрельцам отступить, чтобы заманить атамана, увести его подальше от своих и взять в плен. И вот кольцо стрельцов вокруг него стало все туже и туже сжиматься. Рубанули Степана по шапке, снесли кусочек кожи со лба, ткнули пикой в плечо. Не чувствовал боли атаман, продолжал неумолимо биться. Смахивал рукавом заливающую глаза кровь. Навалились вдруг на Разина несколько дюжих стрельцов, подмяли под себя, стали вязать руки.

В это время Ефим был уже невдалеке от Степана, он шел за ним, как разъяренный барс, разбирающая по сторонам стрельцов, спешил на помощь. Напрягшись из последних сил, Степан сбросил с себя врагов, стал подниматься на ноги. Но стрельцы с еще большей яростью набросились на атамана. Обессиленный Степан крикнул: «Помогите же, ребята! Ефим, где ты?!»

Ефим, услышав, что его зовет атаман, рванулся к Разину. Он сокрушал все на своем пути. За ним спешили Федор Сукнин и Иван Красулин. Вмиг изрубили казаки наседавших на атамана стрельцов, вытащили Степана из свалки, окружили плотным кольцом, стали пробиваться к берегу Свияги.

Степан рукавом утер лицо от крови, перемешанной с потом, оглядел место битвы, увидел, как теснят государственные ратники его людей, как бежит с места битвы пехота, и с сожалением сказал:

– Побил на этот раз нас князь Юрий. Придется отходить в острог. А ты, Федор, пошли по сотне казаков с боков нашего войска, чтобы Борятинский не мог нас окружить, а остальным – быстро отходить под стены острога.

Горек был путь отступления атамана. Много думал Разин. Он понял, как трудно ему будет устоять против преданных государю войск. Но в душе еще теплилась надежда. Он искал оправдания своему поражению, мол, побил его Борятинский случайно, дождь порох подмочил, да и пехота его оказалась нестойкой, неспособной дать достойный отпор стрельцам. Горько и смутно было на душе атамана. Сжимал он до боли зубы, сильнее страдал от душевной боли, чем от ран, которые ныли и кровоточили. Плакала и надрывалась душа у Разина, не привык он к поражениям. Жалко было зря загубленных людей, жалко себя. Проклинал тот миг, когда поторопился идти на врага. Осуждал себя за то, что долго просидел под Симбирском. Оглядывал Степан своих воинов цепким, изучающим взглядом, всматривался в их глаза, лица, видел, как люди опускали головы, избегали его, чувствовал, как колебалась вера в него, сомневался, пойдут ли они опять за ним в бой? Но по-прежнему верил он в свою победу, верил, что завтра все будет по-другому.

Тряхнул атаман головой, оглядел своих товарищей, подумал про себя: «Да что же я загоревал?! Надобно послать гонцов к Харитонову, Осипову, Иванову, пусть идут к нам, ударят неожиданно по Борятинскому, а я тем временем возьму Симбирск». От этих мыслей перестал хмуриться атаман, огляделся вокруг и с горечью отметил, что нет многих знакомых ему лиц.

– Погибли ребята, – подумал Степан. – Вечная им слава! За правое дело погибли! Достойная смерть для казака в бою!

Уже стало смеркаться. Борятинский где-то отстал, а может, и вовсе перестал преследовать, зализывал свои раны, готовился к новому наступлению на повстанцев.

Молча, понуро двигались разинцы в темноте. Не было слышно соленых казацких шуток, одни лишь стоны раненых. Тяжел был обратный путь разинцев. Оставила удача атамана, приближались для него тяжелые дни.

Продолжение следует.

Виктор СЛАВЯНИН

Свой крест

Повесть

Продолжение. Начало в №3-5.

4 мая.

Я проснулся от частого грубого стука в палатку. Начался дождь. Откуда-то долетали слабые раскаты грома. Но с каждым новым взрывом дождь усиливался. Вдруг сквозь оранжевую ткань палатки пробилась яркая серебряная змея молнии и с оглушительным грохотом разломила чёрное полотно неба, накрыв дождём лес, озеро и нас, шрапнель которого пыталась пробить ткань палатки.

Павел Митрофанович размеренно посапывал во сне.

«Во, нервы...» – позавидовал я.

Старик заворочался, шмыгнул носом и сказал:

– Не спите тоже?

– Не получается.

Павел Митрофанович глянул на светящийся циферблат часов.

– Два часа... Через час начнётся...

– Кто?

– Гром, как говорится, наваял... Налёт через час начнётся...

– Не понял?!

– Сколько лет ни с кем не вдавался в воспоминания, и казалось, что обо всём счастливо забыл. А сейчас само из меня прёт... Немец начнёт в три часа...

Старик встал, ушёл в предбанник, зажёл керосиновую лампу и вынырнул из палатки.

Молния рассекла небо длинным огненным кнутом, громко выстрелив, словно небесный пастух прогонял над землёй непослушное стадо.

– Приглашаю на кофе, – Павел Митрофанович заглянул в палатку. – Поливает крепко! Люблю неожиданную непогоду. В ней есть что-то необходимое для человека. Заставляет держать себя в нужных нервных рамках. Завтра щука будет жировать. После грозы особенно наглеет. Готовьтесь.

– А вы что делали в ту ночь? – спросил я. – Ни в одних мемуарах никто не описывает первой ночи...

– В какую? – Павел Митрофанович отвернул крышку термоса.

– Первую...

– Женщина не способна описать первую ночь, – рассмеялся старик, наливая кипятка в чашку. – А мужчина тем более...

Косаревский мотался по штабному автобусу, как медведь по клетке. Метр – вперёд, метр – назад. Реагировал на каждый телефонный зуммер и писк радиостанции. Выходил на двор несколько раз, слушал...

– Немца слушали по радио? – спросил я.

– Наивный народ подрастает, – хмыкнул старик, передавая мне чашку с кофе. – Это вы сейчас всякие «Голоса Америки» можете слушать. А тогда радиостанция могла соединяться только со штабом дивизии... И на выделенной частоте... Чуть отвернул ручку вправо или влево – треск и шипение. А он слушал время...

Я сидел на командирском стуле и гадал, как на ромашке: начнут – не начнут? Соврали поляки или сказали правду? Ждал... В мозгу стучало: «Когда? В три начнут?... В четыре?... В пять?» Слава Богу, Слизикий оставил протоколы допросов тех двух несчастных, которые перебежали... Если не начнут, а припрутся особы, то будет чем отбрезаться, почему сменили место дислокации...

Вышел из штабного автобуса. Часы показывали половину одиннадцатого. Запад сверкал светло-стальным закатом. С востока на нас выкатилась полная луна и повисла как фонарь. Её неяркий свет отбеливал редкие, лениво движущиеся, серые облака. Ветра не было. И мелкий кустарник вокруг молчал. Умиротворённая картина...

Косаревский беспрерывно связывался с командирами батальонов. Но вдруг сорвался и, запрыгивая в броневику, крикнул:

«Телефону не верю! Надо поглядеть...»

Время тянулось медленно, высасывая последние силы. Было такое впечатление, что я грузну в

топком болоте. Пытаюсь выдернуть из грязи ноги. А сил уже нет.

Но тяжелее было с мыслями:

«Если начнут, то как? Побегут с шашками наголо? Или, как каппелевцы в «Чапаеве» – чётким строем, не опуская головы? Может, как в Белостоке на параде – начнём обниматься с бутылками шнапса в руках? А если не начнут?..»

– Получается... – сказал я, – вы себя загнали в ловушку?

– Получается... И чем дальше к утру, тем тошнотворнее...

– Единственное – молить немца начать войну, – рассмеялся я.

Павел Митрофанович глянул на меня колючими глазами, но ничего не сказал. А я почувствовал, что снова вступил во что-то вонючее. И, чтобы подсластить разговор, спросил:

– А что делал Слизикий?

– Читал газету...

Я глянул на часы. Большая стрелка упёрлась в единицу, а малая подпёрла одиннадцать.

Вышел ещё раз из автобуса. Тишина. Разогретая луна на южном склоне...

Из открытой двери на улицу вылетело рычание телефонного зуммера... Выскочил телефонист.

«Товарищ командир! – крикнул он. – Начальник караула... До нас гости!»

Я взял трубку.

«Товарищ майор, тут из корпуса приехал капитан ... – он сделал паузу. – Госбезопасности. Вас требует».

«Вот и началось», – подумал я. И приказал: «Проверь документы и проводи!»

В темноте мелькнул свет фар. Он то шарил по сторонам, подпрыгивая, то внезапно гас, исчезая под землёй. Автобус вдруг осветил яркий свет. В лучах возникла маленькая тёмная фигурка человека в военной форме с портфелем в руках.

Он подошёл к вагончику и чуть слышно, точно пропел, спросил:

«Кто командир?»

«Я... С кем имею честь? И выключите фары. Здесь военный объект».

Гость вернулся к машине. Свет исчез.

Капитан вошёл в автобус, положил на стол толстую полевую сумку, похожую на книгу в кожаном переплёте, раскрыл и долго в ней рылся. Достал из кармана френча очки, набросил на уши дужки, педантично укладывал стекляшки на нос, пока не нашёл им нужное место. Вынул лист бумажки, заглянул в него и спросил:

«Начальник штаба Кур-Косаревский где?»

«В батальонах, товарищ капитан...»

«Госбезопасности, – добавил гость, сосредоточенно ковыряясь взглядом в листочке. – Вызовите...»

«А вы, собственно говоря, кто?» – нервно спросил я, чувствуя недоброе.

Коротенький, упленький человечик, больше походивший на пятнадцатилетнего недокормленного подростка, оторвался от листочка, глянул на меня из-под лба. И родилось ощущение, что смотрит он не снизу вверх, а сверху вниз.

«Вам доложили, кажется, что приехал сотрудник Особого отдела корпуса... – Капитан снова стал разыскивать что-то в листочке. – А товарищ Слизикий? Или как вы его тут называете на иностранный манер?.. Гер...»

Комиссар сделал шаг вперёд и протянул руку капитану.

«Доложите по уставу», – чуть слышно попросил коротышка.

«Батальонный комиссар Слизикий...»

Капитан уселся на командирский стул вполоборота к столу. Выудил из полевой сумки чистый листочек, положил его перед собой. Выдернул из кожаной петли в боковине толстую авторучку, свинтил колпачок и, забросив ногу на ногу, спросил, как спрашивает старушка-язва провинившегося ребёнка:

«Расстрелу захотелось?» – По уверенной наглости, с которой этот человек хозяйничал в штабном автобусе, было ясно, что приехал он с особыми полномочиями.

Я стиснул зубы и сжал губы. Отвечать мне было нечем. Но я смотрел не на капитана, а на калоши, надетые на его сапоги. Не было сил оторвать взгляд. Мне казалось в тот момент, что в них моё спасение.

«Расстреляю!» – крикнул капитан, не встретив моего виноватого взгляда.

Но я не услышал его. Мой мозг лихорадочно искал ответ: «Зачем в июньской жаре калоши?» Они меня занимали больше, чем скорая расправа.

Капитан наклонился над столом и принялся писать, пряча сапоги под столом.

«Как называется место, где я нахожусь?» – спросил нервно он.

«Качиное болото», – опередил меня комиссар.

«Ка-чи-ное, – пропел счастливо проверяющий, – бо-ло-то... Ко-то-рый час?»

«Половина второго, товарищ капитан», – снова выскочил Слизкий.

«А вы где должны находиться по стратегическому плану командования Красной армии?» – И не получив ответа, повернулся лицом ко мне.

А я смотрел на калоши. И вдруг ясная мысль:

«Комиссар настроил донесение, что полк без приказа командования передислоцируется в район Качинового болота... Это его право и обязанность... А этот экзекутор, отправляясь в карательную поездку, надел калоши, чтоб не испачкать сапоги в болотной грязи!.. Конечно! Качиное болото!

«Вы – глухой? – выпалил особист. – Отвечайте на вопрос!»

В моем сознании калоши вдруг выросли до огромных размеров и накрыли собой капитана. Я с трудом стал сдерживать себя, чтобы не рассмеяться... Мне бы морду набить своему комиссару, а из меня хохот, как пена из эпилептика... Приступ какой-то вдруг... И откуда этот дурацкий смех?... Тут самое время рыдать...

В двери автобуса мелькнул свет фар. И через минуту долетело гудение броневика. Вошёл Косаревский и, увидев на месте командира полка незнакомого человека, заинтересованно спросил:

«Что здесь происходит, товарищи командиры?»

«Проверка из Особого отдела корпуса», – ответил я, всё ещё давясь молчаливым смехом.

«Представьтесь и предъявите предписание», – попросил Ку-Ка.

Капитан выдернул из сумки маленький листочек и протянул майору.

Косаревский внимательно прочёл, подошёл к телефону и потребовал приехать в штабной автобус полкового оперуполномоченного. И оставил предписание у себя.

«Цель вашего приезда?» – спросил он строго.

«Вы – враги народа, – пропел капитан мягко. – Без приказа покинули назначенное вам место обороны государства. И у меня есть полномочия... расстрелять вас на месте...»

«И после расстрела командира и начальника штаба, – Ку-Ка заглянул в предписание, вы займёте их место... на этом же месте? Может, пока потренируетесь? Тем более что уже сидите на стуле командира полка».

Особист оторопел. Снял очки и начал перекладывать их из руки в руку. Он, должно, никогда и подумать не мог, что, убив человека, взвалит на себя самую страшную ношу в жизни – принимать ответственные решения...

«Этого в предписании нет!» – словно отталкиваясь от чего-то грязного, с брезгливостью сказал капитан.

«Так и про расстрел тоже ничего не сказано... в предписании», – грубо отрезал Косаревский...

Молния над лесом снова разорвала небо на три больших куска.

– Нет человека – нет проблемы, – сказал Павел Митрофанович, отставив пустую чашку. – Любимое правило всех времён... А тут стрельни двух командиров, и что делать? На ускоренных курсах борьбы с врагами особисту не рассказывали, как командовать полком... Да ещё боевое охранение не выпустит без приказа командира полка... А то и пристрелит...

– И что же капитан? – не скрывая волнения, спросил я.

– Косаревский взял табуретку, придвинул к столу и сказал:

«Пересядьте, пожалуйста, товарищ капитан... Вы сидите на месте командира полка... По уставу это не положено».

Я подумал, что коротышка сейчас же возмутится и обязательно напомним, что он – госбезопасность. Но проверяющий пересел и принялся что-то писать.

Писал неспешно. Откладывая в сторону исписанный лист один за другим...

Как-то вдруг я забыл о проверяющем. И калоши выветрились из сознания. Ко мне вернулся страх, который привёз с собой капитан.

Вышел из автобуса и поманил за собой Косаревского.

«Что будет? – нервно спросил я, чувствуя, что у меня дрожит голос. – Этот... Сучонок с полномочиями... уже три страницы надрал... Так просто мы не отделаемся... Понимаете?.. Мы нарушили планы командования...»

«Будем молить Бога, чтобы немец пошёл», – спокойно ответил Ку-Ка.

«Как?!» – вырвалось у меня. – Молить о войне?!»

В кровь мне вдруг проникла ядовитая мысль, которая ждала своего времени в потаённом уголке души, как змея в засаде:

«Выходит – сам себя приговорил!.. Какая разница, где ждать войну?!» Дождались! Этот особист имеет приказ нас расстрелять! Получается... немец если пойдёт – он наш спаситель!.. А если не пойдёт?.. Мы – враги народа! И никакие статьи в журналах, кусты с танками и «сорокапятками» в кустах не спасут!..»

«Либо мы дураки... – так же спокойно ответил майор, глядя мне в глаза, улыбаясь, – либо нас таковыми делало командование Красной армии... Посмотрим. – Он глянул на часы. – Два часа сорок пять минут... Я думаю – ещё час... До полрассвета... Да, кстати... Наполеон тоже перешёл Березину двадцать второго июня...»

Появился полковой оперуполномоченный. Ку-Ка отдал ему предписание корпусного особиста со словами: «Проверь, как следует!»

Когда опер ушёл, я спросил, не скрывая нервозности:

«А если не начнут?»

«Особист будет у нас харчеваться под конвоем! – ответил Ку-Ка раздражённо. – До потери пульса... пока не начнут... И попрошу вас, товарищ майор... – Он, сделав паузу, добавил уже тихо и доверительно: – Не дуйте в муку, не делайте пыли, товарищ комполка! Начнется... к сожалению... Или я полный дурак...»

Небо на востоке стало чуть светлеть, а запад ещё накрывала ночная темень. И из этой черноты вдруг долетел монотонный скребущийся гул... И, словно испугавшись его, куда-то исчезла луна...

Мы с начальником штаба посмотрели на небо, потом друг на друга... И догадались...

Нам нужно было улыбаться, радоваться и пинком пнуть капитана из штабного автобуса...

В дверной дыре появился коротышка и, стараясь быть злым, приказал:

«Соедините меня со штабом корпуса! И пусть сюда прибудет ваш начальник караула! Вы оба арестованы...»

И душа вдруг взорвалась...

Я вскочил в автобус, вывернув локтем проверяльщика-расстрельщика из дверного проёма. Ку-Ка вбежал следом и, схватив трубку, крикнул:

«Лебедь-один, лебедь-два! Всем! Готовность!»

Небесный гул захватил всё пространство вокруг и заполнил автобус... Он падал с неба, как назойливый дождь.

Особист, прилипший к металлическому шкафу, служившему сейфом, задыхаясь, крикнул возмущённо:

«Это что?..»

«Скворцы! – огрызнулся Ку-Ка. – На вишнёвые сады летят кормиться!»

Я повернулся и, сделав шаг навстречу капитану, рывкнул, точно спущенный с цепи пёс:

«Это война!..»

Павел Митрофанович взял термос и спросил:

– Ещё кофе? Я себе чуть позволю...

– Тогда и мне...

– А в три часа гаубицы начали обстрел... – сказал старик, запуская ложку в банку с кофе. – Слышим, как над головами шуршит, точно шмели огромные пролетают... И из-за спины, из далёка до нас докатывалось эхо взрывов... – Он протянул руку воде, которая стекала с тента. – Двадцать второго в три часа уже светало. Дождя не было. Но гудело и взрывалось кругом, как сейчас...

Косаревский переговорил ещё раз с батальонами.

– А особист? – спросил я.

– Исчез куда-то, – с некоторым безразличием сказал Павел Митрофанович. – За гулом гаубичного обстрела я даже не услышал, как уехал его автомобиль...

– А как же боевое охранение?

– В тот момент, наверное, было не до проверяльщика, Юра...

– Вы испугались?

– Испугался? – переспросил старик. – Признаюсь... Не помню. Было что-то... Какая-то каша... Особист, комиссар, начштаба с кустами обороны... Но не страх... Я много читал героических вояк... Без всякого стыда пишут: «Увидел немца и тут же в душе порыв – умру, а не пропущу врага!» Тьфу! Чувь собачья... Я так не думал. И за войну таких не встречал... Первая мысль, которая меня скрутила: «Боже, сделай так, чтобы всё было, как Ку-Ка рассчитал...» Что танковый полк? Ерунда. Сомнут и в грязи утопят... Ведь ни разведки у нас, ни донесений. Как слепые цуцики. Только ожидание... вчерашнего дня! Самое страшное – не знаешь, кто против тебя... Полк, дивизия, а может, целая армия?.. Потом взял себя в руки и построил привычную для себя схему...

– На бумаге? – спросил я.

– В голове... Для меня всегда главное – что с людьми делается... Война – не игра детей в песочнице... Тут смерть! Куда людей отводить, если нас сомнут?.. Приказал соединить меня с санбатом. Мы оставили его в старом лагере... Дал команду приготовить все автомашины и броневики...

– А страх? – донимал я. Был уверен, что старик просто выказывает браваду.

– Страх на войне... он особый. Всегда с тобой, – сказал Павел Митрофанович. – Отделаться от него нельзя и привыкнуть невозможно. Он, как гнусная бацилла, грызёт тебя изнутри...

Телефонист крутит ручку на аппарате, непрерывно вызывая санбат: «Дванадцатый, дванадцатый?» И виновато говорит:

«Не отвечают, товарищ командир...»

И вдруг за моей спиной что-то зашевелилось тяжело. Я обернулся.

В углу, в полутьме стоял Слизкий и трясущимися руками крутил газету, как шею гусю. Меня подмывало подойти и крикнуть в лицо:

«Что с тобой сделать, сука! Вот она, война!»

Но почему-то стало жаль комиссара. Взгляд его блуждал. Было такое впечатление, что он вдруг ослеп...

«Филимон Кузьмич! – кричу. А он меня не слышит. Толкаю в плечо – Очнитесь!»

Слизкий упал на табурет. Газета выпала из рук...

Павел Митрофанович налил в чашку воду и передал мне термос.

– А в половине четвёртого что-то на нас поползло, – сказал он, отхлебнув кофе. – Ну точно чёрные жуки.

Глянули в трубу – танки.

Косаревский снял телефон:

«Лебедь-один!», «Лебедь-два!» Приготовиться! Отворот – сорок градусов. Дистанция – пятьсот!..»

Немец шёл, точно косяк журавлиный по небу. Кто-то вырывался вперёд, кто-то отставал...

Ку-Ка подошёл к стереотрубе, глянул направо, налево. Поманил жестом телефониста, требуя телефонную трубку... И вдруг громко сказал, приложив её к уху:

«Сорокопятаки! Обозначьте огонь».

Что-то пукнуло слева и справа. И через мгновение танки, словно по команде, разделились на четыре группы и полезли на нас, как вилы в стог.

«Лебедь-один...», «Лебедь-два...» – говорил в трубу Ку-Ка. – Отворот сорок... Бронебойными и зажигательными. По бортам... – и вдруг как крикнет: – Огонь!»

Земля рыкнула из пятидесяти орудийных стволов справа и пятидесяти слева, как огрызается из подворотни напуганная собака.

После второго, ещё более злого огрыза, Косаревский прокричал в трубку:

«Лебедь-три! Приготовиться к атаке!..»

– А «Лебедь-три» кто? – спросил я.

– Неполный батальон тяжёлых «кавэ»¹, – объяснил Павел Митрофанович. – Я вам скажу, Юра... – Голос старика вдруг помолодел, зазвенел. – Если бы вы видели! Это вам не кино! В кино такой песни не споют! Я забыл про комиссара, про все напасти, которые висели на мне, как ранец на спине у школяра...

Всё вышло, как говорил Косаревский...

После первого залпа из чёрных вил кто-то вырвался вперед в роли жожака. Но вторым его уры-

ли. Пламя как будто из-под земли вырвалось струёй и охватило танк... Весёлая картинка... На фоне чистого утреннего неба в поле в километре справа и слева горят какие-то непонятные чёрные предметы... В линию стоят, как будто кто копёнки поджёт. Дым застилает горизонт...

Старик глянул на дно пустой чашки.

– Но это минутная радость, Юрий Василич... Как вдруг поцеловал зазнобу... – с ненаигранной пафосностью произнёс Павел Митрофанович. И вдруг его голос угас. И он добавил ядовито: – Которая тебя не любит...

Что будет дальше? Ведь это мой первый настоящий бой. А я не могу представить, предположить, что случится через минуту, полчаса, час. А для командира – это смерть. В сознание снова вернулись те двое поляков, которых расстрелял комиссар...

А Косаревский от трубы к телефону и назад, как будто на кухне яичницу готовит. Мне показалось, что он даже насвистывает какую-то мелодию...

«Свяжитесь со штабом дивизии!» – командует Ку-Ка радисту.

Тот крутит ручку на панели радиостанции. Внутри что-то хрипит, свистит. А связи нет.

«Передайте телеграфом!.. – приказывает он. – Нас атаковали в три часа двадцать минут. Отдал приказ на уничтожение... – Взялся за телефонную трубку. – Разведка... Ау!.. Комендантскому взводу прибыть на «капэ». Две бронемшины в штаб дивизии. Доложить... что мы атакованы! И две – к соседям!..» – И поглядывает на радиста...

Но в железном ящике только змеиное шипение.

Звонит «Лебедь-один». Спрашивает, что делать? Перед ним танки горят, а остальные ушли.

Приказываю ждать.

Слизкий, как проснулся. Стал тяжело дышать. Но двинуться с места не может. Зыркает на Косарева испуганно и на меня с мольбой.

«Разведка! – закричал я в трубку. – Быстро к танкам. Попробуйте там что-нибудь раздобыть. Какого живчика. Хоть полуживого... Лишь бы языком ворочал...»

Ку-Ка разбирается с телефонными трубками, а комиссар, как замороженный, наблюдает за его движениями, точно боится что-то пропустить.

Косаревский вдруг заметил комиссара.

«Всех в ружьё... Быстро! – отдал он распоряжение Слизкому. – Всех! Зенитный дивизион и артиллерию на прямую наводку... Под командование артиллеристов поступает понтонно-мостовой батальон. Хлебозавод в нормальном режиме... Это за вами, товарищ комиссар!»

А тот точно ждал этого. Выскочил из автобуса.

И уже Косаревский ко мне:

«Отправь Амвросия с командиром комендантского взвода в полк. Пусть все документы из штаба привезут. Всё! И всех, кто остался, – сюда!»

Я весь покрылся испариной. Ведь злосчастный мешочек с конвертами находился в сейфе моего кабинета. Подозвал Амвросия и шепнул на ухо:

«Сейфы... Всё... Сюда... Мой привинчен... к стене. Вместе с кишками... со стеной!»

Танк ушёл в Берз...

Молния разрезала небо далеко за лесом. Гром лениво покотился куда-то в сторону, продолжая нас пугать по привычке...

Старик отставил пустую чашку в сторону.

– У меня приятель воевал во Вьетнаме, – сказал он. – Зенитным полком командовал. Рассказывал, что там есть время дождей... Это когда у нас Новый год... Среди бела дня, когда солнце сияет и на небе ни единой тучки, вдруг дождь, как из ведра. И через десять минут прекращается... А нас уже второй день эта напасть в палатке держит...

– Чем закончилось утро двадцать второго? – спросил я.

– Через два часа атака повторилась, – сказал старик. – Но теперь уже с огнём. Болванки рыли брустверы, как будто чирьи лопались. Но и эту атаку мы отбили...

Посчитали. На поле остались тридцать две машины...

Выло над головой. Это возвращались самолёты, которые на рассвете вылетели...

А потом тишина. Только справа и слева долетала редкая канонада. Но и она умолкла к полудню.

Благодать. Солнце яркое. Малиновки садятся на ближние ветки укрытия. Только не весело щебечут почему-то...

В автобусе командиры батальонов докладывают о своих геройствах. Слушаю и смотрю в трубу на поле, не отрываясь. Мне казалось, что отойди, отвернись... и вдруг из-под земли вырастет ещё атака, я её прозеваю.

Ох, как не хотелось!

Привезли штабной обед.

«Вот сюда б стопочку, – сказал радист, глядя на телефониста. – По случаю победы».

«Не получится, – съязвил телефонист. – Товарищ комполка и товарищ начштаб нас не очень понимают. Они токо по-немецки разговаривают... И як называется горилка по-немецки, нэ знают...»

«Разговорчики, – сказал Косаревский. – Ещё не известно, кто победил. А вам бы только выпить».

«Так сидим же без дела, – сказал радист, облизывая не спеша ложку. – Надо или вперёд, или назад...»

«А вы как думаете, товарищ сержант?» – спросил Косаревский.

«Нам думать не положено, – ответил, хрипя, радист. – В газете напысано, што за меня у Москве думают. Вчера поллитрук про это читал».

«Кто читал?» – переспросил Косаревский.

«Политрук...»

«Ты, кажется, по иному его назвал».

«Может, у кого и политрук, а у нас – поллитрук...»

«А если бы ты был командиром?..» – хотел о чём-то спросить Ку-Ка.

«Когда буду, – резко перебил радист, – подумаю».

Примчался Амвросий. На броне привезли два сейфа. Командирский волокли тросом.

«Товарищ майор, разрешить доложить! – запыхавшись, выпалил командир комендантского взвода взволнованно. – В расположении полка нашлы две свини. Мы привезлы сюда. Дюже верещалы, як мы их грузили на броню... Спужались. Два раза пылюку смывали... А в городе никого нету...»

«Что свиньи делали?» – спросил Косаревский, не сообразив, о чём докладывает разведка.

«Верещалы... А мы гермáна бачылы. У биноклю. Идэ мимо нас. На роверах»².

Это сообщение смутило начальника штаба.

Он отозвал меня и сказал:

«Дай команду разведчикам... Пусть прочешут левую и правую стороны. Только не на броневиках, а на танках».

«Мы же послали связь, – возразил я. – Должна вернуться...»

«Не вернётся, – уверенно сказал Ку-Ка. – Ни справа, ни слева не слышно боя».

Над нами снова повис рой самолётов. Он сыпал с огромной высоты на землю ноющий гул...

Павел Митрофанович поднялся.

– Я, как тот пёс голодный, – сказал он. – То спать, то есть. Пойду лягу. Может, засну. Если не пьёте, то гасите лампы.

Я задул пламя. Пространство под пологом заполнил запах угарного керосина.

За лесом – отблеск отдалённой молнии. А гром где-то задержался.

* * *

Старик долго укладывался.

– И что разведка? – спросил я, натягивая на себя одеяло.

– Разведка вернулась к вечеру, – сказал Павел Митрофанович. – Новости не утешительные. Машины прошли в тыл около пятидесяти километров в полосе пяти-шести. Левый маршрут умудрился заглянуть в штаб дивизии...

– И где она? – спросил я.

– Наверное, отступила, – ответил старик, ухмыльнувшись. – Я до сих пор не знаю... Разведчики сказали, что только бумага ветер по двору гонял... Косаревский тут же отдал приказ... Стали готовиться уходить...

Павел Митрофанович повернулся на бок ко мне лицом.

– Да! Голова садовая! – сказал он. – Совсем с памятью плохо... Наш комиссар ещё одну штуку упорол. Пока мы ждали двадцать второго, он на броневике проехался по батальонам и скрытно от нас запретил включать радиостанции.

– Почему? – удивился я.

– Чтоб командиры не слушали немца. Они же за год крепко выучились шпрехать.

– Так это же вредительство какое-то...

– Глупость, а не вредительство, – рассмеялся Павел Митрофанович. – Рации только в танках командиров рот и батальонов... Настроены на одну волну... Все. Да и те не работали с самого первого дня...

– Зачем он это сделал?

– Чтобы бойцы и командиры не сорвали начало войны. Потому-то Слизкий и стрельнул так поспешно тех несчастных поляков.

– Сорвать начало? Какая-то параноя...

– Совсем даже нет. Вот вы, Юра, узнали секрет врага – двадцать второго война! Что вы будете делать?

– Во все двери ломиться, – ответил я. – Крик бы поднял!

– Абсолютно правильно. Комиссар обязан был немедленно отправить шифротелеграмму. Срочно! Совершенно секретно! По инстанции... В корпус. Из корпуса она должна улететь в округ. Оттуда – в Кремль. А потом... Через час-другой... «ТАСС уполномочен заявить, что Германское правительство готовит вторжение на территорию Советского Союза...» Приводятся войска в полную готовность. Особенно вторые эшелоны обороны... Вторжение супостата отражается... А Слизкий возглавляет список награждённых, как первый, кто спас страну от долгой и кровопролитной войны...

– А если бы немец не пошёл? – спросил я. – Ни двадцать второго, ни двадцать пятого... Ни через год...

– Это была бы еще большая катастрофа, – объяснил Павел Митрофанович. – Зачем тогда голодомор? Зачем – индустриализация? Вместо индивидуальных домов – землянки и подвалы... Вместо швейных машинок – танк. Вместо сатина и ситца – армейское сукно. Вместо модельных башмаков и туфель – только армейские сапоги. Вместо игрушек детям – дуля и та без мака... Поэтому, Юрий Васильевич, двадцать второе июня, – для народа несчастье, а для кого-то... праздник!..»

Дождь усилился. Капли зло стучали по крыше палатки, стараясь разорвать ткань. Складывалось впечатление, что стихию кто-то обидел, и она готова была мстительно надоедать...

– Послали меня в октябре сорок второго на Урал получать танки для корпуса, – сказал Павел Митрофанович. – Чтобы прямо с завода на платформы и к Сталинграду. Завод – громадина – за неделю не обойдёшь... Рядом с проходной – засыпные бараки... Если бы бараки, куда ни шло... Их на пальцах одной руки пересчитал. А вокруг завода, как теперь говорят, город танкостроителей: одни трубы из земли дымятся. Блиндаж, который сапёры рыли для меня – хоромы на фоне тех землянок. Справа от заводского забора люди в земле, как кроты, а слева – лагерная зона... С собаками... Только кладбище одно на всех... А народ – в основном дети и бабы. Чёрные, чуть живые... Даже вспоминать не хочется... Спрашиваю у главного военпреда³: «Вас откуда эвакуировали?»

«Ниоткуда, – с удивлением ответил полковник. – Мы тут с первого дня... Как котлован для фундамента рыть стали...»

Павел Митрофанович плюнул в сердцах в темноту.

– Вот вам, Юра, и вся индустриализация... Да, – радостно воскликнул он. – Помню... Днепрогэс построили. Газеты соплями захлёбывались от радости. «Свет в дома простых советских граждан!..» – Вдруг яркая вспышка молнии озарила небо и палатку внутри. Я увидел, что старик свернул кукиш и ткнул им в сторону озера. – А вот вам свет, граждане!

Гром рухнул на нас, подминая крышу палатки.

– Подсоединили алюминиевый завод! – сказал старик. – А люди остались под керосинкой... Каховскую ГЭС сдали в пятьдесят пятом... Сам видел. Каждый год на рыбалку к той станции ездил... А свет народу соседних деревень в дома провели только через десять лет. Паспорта выдали по сёлам и лампочку Ильича под потолок подвесили... Натё... и заткнитесь... Давайте спать, Юра...

* * *

Завтракали холодными котлетами.

– Наши окуни уже все уснули, – предположил Павел Митрофанович. – На обед заварим уху. Дождь монотонно сыпал. Вода напитала землю и стояла мелкими лужами вокруг лагеря.

– Немец больше не атаковал? – спросил я, наливая старику и себе кофе.

– В тот день не лез, – ответил Павел Митрофанович. – Разведка видела немца справа, слева. Мы оказались, как в чулке. Связи ни с кем нет. Соседей уже нет. По обочинам размолоченные пушки и

пахнущие гарью танковые остовы. На вторую ночь стояния Косаревский предложил сниматься.

Ушли ранним утром двадцать третьего.

Колонна длинная. Впереди пятерка «кавэ», за ними зенитики, артиллерия попеременно с «тридцатьчетвёрками»... Сзади зенитки артдивизиона и три «кавэ». Колонна – колбаса в добрый километр.

Разведчики на «бэтэшках», как сеттеры, шныряли, разнюхивая дорогу...

Подшли на место нашего бывшего лагеря. Там оставался полковой тыл...

Павел Митрофанович долго пил кофе. Молчал.

– Что там?

– Ни-че-го, – сказал Павел Митрофанович и тяжело выдохнул. – Поваленные сосны, воронки метра два шириной. И уложены точно пчелиные соты... Вместо палаток серо-зелёное рваньё ветер шевелит. Развороченные машины санитарного батальона... Ремонтная база – одни обломки... Понтоны – кто специально поставил на дыбы...

– Чтобы так точно, – сказал я, – нужен корректировщик... Знали, куда целили.

– Наверное, был... – сказал Павел Митрофанович. – Я остановил колонну. Приказал обойти весь лагерь... Собрать и похоронить... Двух раненых подняли. Медсестру с перебитой осколком ногой... как у меня... И контуженного оружейного мастера...

Ведь слышал гул гаубичных снарядов над головой и эхо взрывов за спиной. Я даже и подумать не мог – мой тыл месят.

Павел Митрофанович набросил плащ и пошёл к озеру. Вернулся, радостно улыбаясь.

– Можно целый день сидеть... Окуни все живы. И ваша щука на кукане, как собака на цепи...

Он уселся. Достал из кармана пластмассовую коробочку, вынул оттуда таблетку и проглотил её. Запил глотком кофе.

– Как ваша пани Фира? – спросил я. – Что с ней?

– Только хотел о ней сказать. Повёз нас Амвросий на «эмке» в город... Улицы пусты. Хоть бы какая собака гавкнула. Молчок. А чувствуем – на нас глядят множество глаз из-за оконных стёкол. Площадь у ратуши мёл какой-то человек. Увидел нашу машину, снял кепку, принялся кланяться. Я опустил стекло в двери и спрашиваю:

«Товарищ, немец был?»

Человек напялил картуз, плюнул в сторону машины и скрылся в здании ратуши.

Подъехали к дому, в котором квартировали. Нашли ключ от входной двери в условном месте.

Дом пуст. Следы скорых сборов. На полу несколько фотографий... Они скорее всего выпали и остались незамеченными.

Искали хоть какую записку от Эсфирь Григорьевны. Увы...

Старик сбросил плащ и принялся нарезать хлеб.

– Косаревский сложил в солдатский вещмешок... Да, забыл сказать, – Павел Митрофанович трогательно указал рукой в мою сторону, словно извинялся. – Мешочек с конвертами Ку-Ка из сейфа переложили в противогазную сумку. Повесил её себе через плечо. Знамя, печати и прочие бумаги сложили в вещмешок. А сейфы утопили в речушке, которую переезжали. Ключи выбросили в придорожную пыль...

Ку-Ка взял фотографии своих девочек, пару белья и несколько книг...

А у меня в этом доме ничего своего и не оказалось. Нет, снова соврал. Привезли в Берз, в книжный магазин книгу «О вкусной и здоровой пище». Я её зачем-то купил. Двенадцать рубликов отдал. Хотел, чтобы жена научилась кулинарить по высшему разряду... Повертел книжку в руках. Большущая, тяжёлая. Куда с ней? Оставил на столе...

– Так ничего о хозяйке и не знаете? – спросил я.

– Ещё раз встретились. Но об этом чуть позже...

В Берзе постояли пару часов. Связи никакой. Но нутро подмывает... Не может, чтобы немец не появился...

Косаревский скомандовал трогаться...

Идём. Не быстро. Куда идём? На восток...

Попадались деревушки. Разведка докладывает – немец был вчера. А сегодня утром прошла наша пехота.

Вдруг подлетает командир разведроты.

«Товарищ комполка! – Дышит и хрипит открытым ртом. Глаза на выкате – Гроши!» – И разводит

руками, точно слона обнимает.

«Какие деньги?» – недоумеваю я.

«В кувети! Машина цельная! Вся в грошах!.. Километр по дороге».

Амвросий обогнал колонну.

И точно. Лежит перевернутый «ЗИСок». Двигатель и кабина разворочены. Два тела. Или то, что от них осталось... Шофер и какой-то интендант. Задняя дверь распахнута... Мешки... Один разорван. Из него вывалились на пыльную обочину красные пачки.

«Остановите колонну!» – приказал разведке Косаревский.

«Что будем делать?» – спросил я.

«Нада спалить!» – тут же сказал Слизкий.

«Неделю гореть будут, – недовольно ответил Ку-Ка. – Грузовик подгоните. И взвод охраны с ним. Филимон Кузьмич, пожалуйста, организуйте. Амвросий, смотайся».

Они уехали.

«Что вы задумали, Игорь Аркадьевич?»

«Перекинем в грузовик...»

«Разворуют...»

«Каждому бойцу по пять пачек. И незачем воровать».

«А комиссар?...» – с опаской спросил я.

«А ему – шесть, – рассмеялся Косаревский. – Наш народ никогда таких денег не видел. Да и в мыслях представить не мог, что когда-либо будет держать в руках. Раздадим, и пусть хоть сейчас эти червонцы послужат людям... Почувствуют бойцы себя не нищими рабами, а свободными гражданами... Уже будет, что защищать... А остальное сдадим... Если будет кому...»

Я слушал и не принимал слов майора. Боялся даже понять, что они означают.

Подъехал грузовик. Принялись перегружать. Слизкий зачем-то срывал сургучные печати с мешков, заглядывал в каждый и делал какие-то пометки в блокнотике. На этом потеряли битый час.

Но Косаревский не вмешивался.

Я отдал приказ готовиться к ночи. Разожгли костры. Стали кашеварить побатальнно.

Собрал комбатов. Объяснил ситуацию. Приказал после еды привести личный состав к грузовику...

Павел Митрофанович сходил в палатку. Принёс жестяную коробочку. Принялся точить крючки.

– Раздавали всю ночь, – сказал он. – Амвросию поручил. Как самому надёжному.

– А как комиссар? – спросил я.

– На удивление, равнодушно смотрел.

Утром снялись... Несколько раз отбивали фланговые удары немецкой пехоты. Днём въехали в какое-то большое село. Козин или Гозин... Сразу наткнулись на боевое охранение. Разобрались. Остатки танкового полка нашей дивизии. Как сейчас помню... Подполковник Виноградов. Доложил, как положено. Поведал – от штаба дивизии ни черта не осталось. Его смели в первые часы авианалётом. Штаб корпуса, кажется, в Шепетовке. Ждут оттуда связи...

«Много тут народу?» – спрашиваю.

«Стрелковая дивизия... что осталось... И мы... А командует дивизионный комиссар. Ты к нему слетай, майор. Для порядку доложишься... Он на противоположном конце села».

Я так и сделал. Приказал полку втянуться в село. Рассредоточится... чтоб пожрать чего... А сам к начальству на доклад на «эмке».

Уже издали у крайней хаты разглядел «кавэ». Действительно, в хате сидит дивизионный комиссар... Вспомнить бы фамилию... Какая-то немецкая...

– Каппель? – съязвил я, вспомнив почему-то фильм «Чапаев».

– Лучше скажите – Деникин, – недовольно ответил Павел Митрофанович. – Краус!..

Я доложил по все форме.

Комиссар порылся в бумагах, что лежали на столе, и, подняв несколько листов, спросил:

«Это ты передислоцировал полк на Качиное болото?»

«Я»

«И чего?»

«Две атаки танков отбили... Штук тридцать подожгли...»

«Вот и получай по заслугам, Илья Муромец! На тебя донос, дорогой майор! – Он затряс листочками в воздухе. – Ты же своим самоуправством спровоцировал войну! Ты это знаешь?»

Меня после таких слов как льдом сковало. Стою и моргать не могу.

А комиссар выскочил из-за стола и, гудя мне в ухо: «Дай я тебя обниму!» – принялся тискать и целовать.

Сам огромный, ручищи, как противотанковые мины. Помял меня, точно мы с ним друзья закадычные, и давай тыкать мне в нос бумажку.

«Ты погляди сюда! Почитай! – говорит, непрерывно улыбаясь, и нервно потирает руки. – Это донос на тебя! Вчера принесли... За такое – расстрел! А ты молодец! Немцу пенделей навешал!.. И очень вовремя, дорогой товарищ майор! – И, перехватив мой беспокойный взгляд, сказал: – Ты не гляди, что я сам из немцев. Я воюю с теми, кто против меня. А что ты немец или какой другой австрияк – мне нету разницы. Их немецчина там... – он ткнул пальцем в окно, – а моя там» – Указал большим пальцем себе за спину.

Комиссар унял радость и уселся за стол.

«Мне бы карту... – говорю. – И полный грузовик денег у меня... Чего с ним делать?»

«Деньги? Плюнь на них... – А сам в какую-то бумажку смотрит. – Лучше раздай людям... Тут почти дивизия собралась... – Вдруг вскочил с табурета и с грохотом ударил ладонями по столу. Как только стол не развалился. – Бегут суки! – Стал трясти листочком в воздухе. – Как немец пошёл, все сразу стали ненавидеть советскую власть! Вон, сколько доносов... – Он отшвырнул от себя листочки с презрением. Какие-то упали на пол. – До сих пор все были правильные, высокобленные, как те брёвна, что в стену сложены, припасованные. А за два дня сразу дом и развалился... И ты, наверное, тоже?! – И, не дождавшись ответа, успокоил: – Но это ничего! Не до любви теперь! Сейчас воевать надо!.. Морду этой суке немецкой сквасить, чтоб и глаз не было видно! Чтоб штаны не успел спустить! Пусть с дерьмом и бегает!.. Земля горит!.. А карт у меня нету, дорогой товарищ майор! Жрать хочешь? – И, не ожидая ответа, встал из-за стола, порылся в кованом ящике, что стоял у стенки. Выложил на стол буханку хлеба, два стакана, сулею, на дне которой колыхалась белая жидкость. Две миски и котелок. – Я хоть выпью с тобой по-людски. А то мне все эти трусливые заячьи рожи надоели... – Глянул на содержимое сулеи. – Нам хватит... И сало у нас с тобой есть и огурцы...»

Я хотел отказаться, но улыбчивая свирепость, с какой дивизионный комиссар предложил с ним пообедать, остановила.

Он налил из сулеи в стаканы спирт, развёл водой.

«Во! Хозяин ср...й! – выругал он себя. – Даже ложку гостю не дал! Лейтенант!..»

В хату вбежал худощавый паренёк с петлицами старшего лейтенанта.

«Принеси нам ложки. И намешай какой запивки. Чем тут местные запивают?»

Мы выпили. Я долго кривился, пересиливая жжение в пустом желудке. Комиссар даже не поморщился.

Когда выпили по второй, Краус сказал уверенно:

«Карты ты у немца захватишь. Только толку от них, майор, никакого, скажу я тебе...»

«Почему?»

«Никто ни черта не может по-немецки!.. А я за всех тоже не могу... Хоть собственную бабку с того света выписывай, царство ей небесное, чтоб она переводчиком тут... А кто чего-то кумекал – шпионы, мать их!.. Ох, мне бы сейчас сюда этих шпионов!.. – Комиссар снова развёл по полстакана. – До чего дожили! Вчерась привели мне немчика. Языка. И во всей дивизии не нашлось ни одного грамотея... Не то чтобы допросить сопливого фельдфебеля, а чтоб просто поговорить... Какой же это язык, если на пальцах вопросы поясняют? Ты – настоящий командир? Ты и допроси, и дай свои соображения, а не к дивизионному комиссару бежать, если он немец от отца с матерью... Никто по-немецки ни бэ, ни мэ...»

Краус отодвинул от себя кружку. Взял со стола толстенную книжечку в сером переплёте и положил передо мной.

«Полюбуйся. Русско-немецкий разговорник. Приказано в роты раздать. А я эту гадость видеть не могу! Месяц назад привезли... Читай и разговаривай!.. А на самом деле?! Ты только глянь! Ни черта там нету! – И вдруг заговорил по-немецки: – Was für ein Dienstrang hast du? Aus welchem Bataillon bist du? Aus welcher Division bist du? Wie heißt dein Kommandant? Welche Aufgabe bekam dein Bataillon für die nächsten vierundzwanzig Stunden?»⁴ Вот о чём нужно писать в этом разговорнике...

Мы снова выпили.

Комиссар вытер губы тыльной стороной ладони и, поморщившись глазами, продолжил:

«А там чёрт чего налепили! «В какой партии состоите?.. Где живут члены вашей партии? Сколько у тебя коров?.. Где живёт бургомистр?.. Собирайтесь все на политинформацию!..» Я тебя спрашиваю, майор... зачем мне бургомистр на войне? У нас председатель райсовета, а не бургомистр! И какие члены, какой партии?.. У нас есть другие партии?.. Филькина грамота, а не разговорник! Вот и допрашивай языка с такими вопросами...»

Краус отрезал кусок хлеба, положил на него ломоть сала и протянул мне.

«Ешь, майор. Сытому воевать сподручней. – Он переложил левой рукой несколько листочков с места на место, продолжая жевать. Проглотил и добавил по-немецки, как-то между делом, то ли жалуюсь, то ли соглашаясь с собой: – Herr Major, wenn du nur wüsstest, wie schwer ist es zu kämpfen, wenn alle um dich herum nicht gegen die Deutschen kämpfen, sondern die Feinde der Sowjetischen Regierung fangen...»⁵

«Jawohl, Herr Divisionkommissar! – ответил я, откусывая кусок от молодого огурца. – Brot und Speck sind die beste politische Information».⁶

У комиссара во рту застряла ложка. Глаза вдруг погасли в неудержимом испуге. Взгляд упёрся в дверь, словно хотел заглянуть в сени: не подслушивают ли разговор. И через минуту молчания спросил:

«Ты немец?»

«Нет».

«А откуда знаешь? – Краус плеснул на дно кружки спирт и выпил. – Правда, говорить можешь?»

«У меня все командиры могут. – Я последовал его примеру и плеснул в свою кружку. – Целый год учились. Каждый день... – Спирт мял меня изнутри. – Deutsche Soldaten und die Offiziere ...»⁷ – пропел я.

«А вот об этом не пой. Сейчас придут двое. С ними поосторожней. Суки. Вот для них главное – политинформация. – И добавил: – Du bist ein guter Mann, Herr Major!..»⁸

Через полчаса появились артиллерийский полковник и капитан госбезопасности. Краус указал им жестом на пустую лавку у окна.

Полковник мне не был знаком.

Зато капитан... Он глянул на меня и сделал вид, что мы друг друга не знаем, хотя еще позавчера он грозил мне расстрелом за предательство... В одной руке капитан держал полевую сумку, а в другой – солдатский вещмешок. И по контуру предмета, который прятался в нём, угадывались калоши.

Комиссар сбросил остатки еды в ящик.

«У меня приказ из штаба корпуса, – сказал он. – Утром нужно вклиниться в бок дивизии из одиннадцатой армии фон... – заглянул в листочек, – фон Клейста. Он сейчас в Дубно... И разломать её, мать её. Пополам! Майор, – Краус кивнул в мою сторону, – прибыл с боеспособным полком. Не то, что ты... – Он ткнул пальцем в сторону капитана-особиста, – Драпал с поднятой юбкой, точно за тобой десяток насильников гнались. И чего спужался!? Вшивого фашиста! Ты запомни до конца своих дней, защитничек... Баба с поднятой юбкой бегить куда быстрее, чем мужик с опущенными штанами. Понял? Надоел ты мне здесь... Пойдешь комиссарить к майору в полк...»

«У меня свои политработники на месте», – сказал я.

«Видишь. Нету тебе места на войне... Ты сколько шпионов поймал? Чего молчишь? Ты по-немецки шпрехатъ умеешь? Я, хоть и немец, а твой язык знаю! А ты мой – шиш! – Краус озадаченно рылся в бумагах, что лежали на столе перед ним. – А вот майор – русский, а по-немецки даже песни спевать... Да, вот! – выдернул из кучи какую-то бумажку и, положив руки-мины на неё сверху, сказал: – Придаём ему ещё два батальона «тридцатьчетвёрок». Пусть считается дивизией для солидности. И в шесть утра вперёд... – И, приподняв ладонь, глянул мельком в бумажку. – В это же время на Дубно со стороны Шепетовки выдвинется дивизия пятнадцатого корпуса...»

«Товарищ комиссар, – перебил я. – Мне бы сюда моего начальника штаба...»

Краус посмотрел на меня внимательно и говорит: «Беги за ним. Только быстро».

Я выскочил из хаты и запрыгнул в «эмку».

Только и успел спросить у Амвросия: «Ты ел сегодня?»

«А як же, товарищ командир. Пока вы там обсуждались, я по хатам сбегал. А вы? Я припас и для вас...»

Мы ехали по вымощенной улице села. Навстречу пара лошадей тянула «сорокопятку», обогнал броневик, истошно сигналя. Мимо нас длинной вереницей брели люди с сумками, мешками за пле-

чами. Кто-то тянул двухколёсную тележку, нагруженную пожитками. Лица людей были обреченно-сосредоточенными. На снующих военных никто не обращал внимания.

Я заметил, что в толпе не плакали дети, хотя их было много.

«Стой!» – крикнул я Амвросию.

Увидел среди бредущих Эсфирь Григорьевну. Она медленно шагала, почти волоча по земле большую сумку и замата длинной чёрной юбкой камень улицы. За ней, тяжело ступая, плёлся Ефрем Сабельсон. На нём был тёмно-бежевый костюм, на голове – канотье, в руке маленький саквояж. Было впечатление, что этот старый доктор возвращается после самого неутешительного визита к пациенту, которого он не смог спасти.

«Пани Фира! – крикнул я, выскочив из машины. – Вы куда?»

«Нам тут нельзя», – сказала женщина.

«Вы ели?»

Эсфирь Григорьевна улыбнулась через силу, давая понять, что моё беспокойство здесь лишнее.

«Амвросий! – крикнул я. – Принеси поесть!»

Амвросий выпрыгнул из машины с противогазной сумкой в руке. Подошёл к старикам и протянул сумку.

«Тут хватить на неделю».

«Спасибо, пан командиг, – сказал Ефрем, принимая еду. – Ваши гизета писал, что ви буите воивать токо на чужой тегитоги.... Так ви же на чужой... Так почему не воюите? Мы уже не можем идти. Нету никаких сил».

«Как можем...» – ответил я и уехал.

* * *

Косаревский сидел в штабном автобусе и писал. «Как вовремя, – сказал он. – Подпишите».

Я читаю выведенное завидным писарьским почерком.

«Донесение.

Совершенно секретно.

Деревня Козьин.

25 июня, 13 ч. 30 м.

Командиру корпуса...

«22 июня в 3 часа 18 минут позиции танкового полка в двадцати пяти километрах западнее г. Берз со стороны немецкой границы были атакованы группировкой до пятидесяти танков. Атака была отбита. В 6 часов 11 минут атака повторилась и была снова отбита. Выведены из строя и уничтожены двадцать восемь единиц техники противника.

Огнём гаубичной артиллерии со стороны немецкой границы был уничтожен тыл полка.

Связи со штабом дивизии установить не удалось. Было принято самостоятельное решение: отойти по направлению Каменец-Радехув.

Потери личного состава – пятьдесят два человека. Оставили расположение полка сто тридцать два бойца.

Командир полка майор...

Начальник штаба, майор...

Батальонный комиссар...»

«Откуда сведения о сбежавших?» – спросил я.

«Пересчитали».

«Из каких подразделений?»

«Из хлебозавода. Из артдивизиона...»

«Экипажи все на месте?»

В автобус вошел Слизкий. Косаревский протянул донесение.

«Подпишите».

Комиссар долго читал, а потом, швырнув листок на стол, крикнул:

«Як это?! Бойцы Красной армии оставылы родную часть?! Дэээртиры! Да нас расстрэляють за такое!»

«Он прав, – сказал я. – Запиши всех погибшими».

«Як это?! – возмутился Слизкий.

«Тогда напишите свое личное мнение и отправьте доносом... – нервно сказал Косаревский. И поправился: – Донесением... как вы это сделали по поводу передислокации полка в район Качинового болота...»

«И позаботьтесь заранее, чтобы прислали кого поважнее, – добавил я, – и только без галош».

Дождь неожиданно припустил. Ветер стал рвать тент.

– Налейте, Юра, коньячку, – попросил Павел Митрофанович. – Не запаслись мы дровами на такой случай. Огонь не греет...

Мы выпили.

– С тех пор во всех донесениях я писал только об убитых и раненых.

– Почему?

– После застолья с Краусом сложилось ощущение, что вокруг меня две разных войны. У командования одна, а у бойцов другая. Оно приказывает бежать умирать, а люди делают что-то своё и остаются живы. А живой человек на этой войне – злейший враг командования.

– А если человек раненый, контуженый? – сказал я. – Попал в плен... Как с ним быть?

– Я всё равно писал – погиб.

– Почему?

– Погибшему... Детям и жёнам хоть какая пенсия... А пропавший без вести – предатель. Один из моих комиссаров, когда на Дону стояли в сорок втором, так мне и заявил: «Все специально под пули лезут, чтоб к немцу в плен попасть. А мы их детей в тылу кормить обязаны!»

Переписал Косаревский донесение. И поехали к Краусу.

– По документам – мёртвый, – сказал я. – И вдруг оказался живой?

– Так это же хорошо, – ответил старик. – Живой – писарь ошибся. В суматохе перепутали... И боец в строю... А для детишек большая польза. Пока бумага, что мёртвый воскрес, до тыловиков дойдёт... Пока суть да дело... Глядишь – в полуголодный дом лишние денежки... В добавку к аттестату⁹ лишний кусок хлеба... А радости дома сколько?! Живой!

Павел Митрофанович нервничал. Безделье его угнетало. Оставил коробочку. Потом снова взялся за неё.

– Люди спиваются от безделья. Налейте, Юра, ещё...

Он выпил, заел кусочком котлеты.

– Полковники в штабе Крауса требовали выступить немедленно.

Косаревский возразил:

«До Дубно двадцать километров. Примчимся и по тёмным улицам будем кататься. Вроде как в мешок сами полезем».

Но дивизионный комиссар принял решение – заправить нас, организовать тыл. Выступить так, чтобы на рассвете быть в Дубно».

«Они нас в три часа, – хрипя, сказал он, – и мы их!

* * *

– К моему полку добавили остатки полка Виноградова, – сказал Павел Митрофанович, – и ошмётки какой-то танковой дивизии, которые выскочили со стороны... Горохова... кажется. Там было десять или пятнадцать «бэтэшек».

Договорились: я с танками – впереди, а Косаревский с тылом – сзади. На расстоянии пяти-шести километров. Вышли в два часа ночи. И с первых же минут неприятности. «Бэтэшки» из Горохова оказались без экипажей.

– Почему?

– Ушли. Взяли харчи и... в ночь...

Слизкий собрался бежать докладывавать. Но Косаревский запретил.

«После Дубно, – сказал он. – Сейчас некогда разбираться».

Я посадил в танк на место заряжающего Амвросия и... двинулись. С ним мне было спокойней.

Пехота сидела на броне. Предупредили – привязываться, чтоб не потеряться и не попасть под гусеницы...

Через час влетели на окраину городка...

Павел Митрофанович набросил плащ и вышел из-под тента. Медленно побрёл по лужам к озеру. Долго стоял на берегу, ворочая головой. Вернулся.

– Скоро кончится, – как-то невесело сказал он. – На западе светлеет.

Сбросил плащ, принялся разгребать золу.

– За какое дело ни возьмись, – всё чужое. Проклятый дождь. Давайте сварим уху... Что-то со мной творится... Был у воды, а рыбу не принёс.

Снова накинул на плечи плащ.

– Я схожу.

– Сидите, Юра. Вы при деле. Слушаете чужую исповедь. А я, как медведь в клетке. От одной стенки к другой. Мне вредно сидеть...

Окуней чистили молча. Они, полусонные, даже не шевелили хвостами. Несколько раз старик ходил к озеру за водой. Мне казалось, что он это делает специально, чтобы просто двигаться.

– Как вы разделились с немцами? – спросил я.

– Никак, – ответил Павел Митрофанович. – Там не было никакого фон Клейста уже. Мы стали ломать тылы какой-то танковой дивизии или полка.

– А куда же она девалась?

– Пошла наступать на Шепетовку...

Павел Митрофанович разжёг костёр. Сложил чищенных окуней в кастрюлю и долго мыл их на берегу. Вернулся. Взял ведро и снова ушёл к озеру.

Я принялся за картошку. Крошил неспешно лук. Старательно нарезал сало на мелкую шрапнель.

Дождь сыпал медленно и надоедливо. Старик ходил от костра к озеру и назад.

– И что же дальше? – спросил я.

– Остановились, – сказал Павел Митрофанович. – Немец драпанул. А мы пошли мародёрствовать по немецким складским машинам. – Он громко рассмеялся. – Целый день гуляли вместе с местными... Я читал в романе каком-то... То ли Суворов, то ли Меншиков отдавали города на откуп. Не верил. А тут само вышло. Ведь пошли на Дубно почти голодными. А народ жрать хочет. Ну и натаскали себе...

– Сосиски немецкие как? – спросил я.

– Бумага туалетная, – с нескрываемым презрением сказал старик. – Вот тушёнка – класс. И кроме вкуса ещё одно достоинство у неё было. Паковали в длинные рифленые банки. Одна на троих фрицев на день. Наши танкисты их в качестве горшка использовали...

– Это как? – спросил я.

– Знаете, что главное в танке?

Я задумался. Но ответа не нашёл и сказал:

– Пушка.

– С трёх раз, – засмеялся Павел Митрофанович.

– Двигатель.

– Ещё раз...

– Трансмиссия?

– Наши танки так устроены – врагу не пожелаешь! Я, как командир, давал команду, куда рулить... ногами. – И поймав мой недоумённый взгляд, старик пояснил. – Механик-водитель сидит как раз подо мной, под командиром. Когда стоим – водитель слышит команды, а на ходу... кричи, не кричи... Без толку. Когда нужно повернуть направо...

– Цоб, – сказал я, смеясь. – Или цобе...

– Ну, Юра, вы уж совсем механика за вола держите, – рассмеялся Павел Митрофанович. – Направо – ногой в правое плечо жму, налево – в левое. Стоп – двумя ногами сразу. Назад – два раза по плечам своими сапогами...

– А банка из-под тушёнки?

– На войне – не в санатории. Можно утром поесть, а можно потом пообедать... Если успеешь...

– По расписанию ели?

– На войне одно расписание, дорогой вы мой, – деловито объяснил Павел Митрофанович. – Можешь не дожидаться. А народ ел всё, что мало-мальски съедобно. Ну и... Сами понимаете... Желудку не прикажешь. А в танке очень пить хочется...

– Вы в них воду возили?

– Писали. Для этой нужды машину в бою или на марше останавливать не будешь. А на ходу сделал своё дело – передал наверх, чтобы вылили.

– А если на броне пехота?

– Не повезло, значит, пехоте, – рассмеялся старик. – Но лучше обтереться и постираться, чем с пулей повстречаться... Послушайте, Юра, я с вами поэтом стану... А самое главное в танке – не портить воздух после калорийных харчей...

– А вентиляторы?

– Какие вентиляторы, Юра?! – Он снова рассмеялся. – Для советского танкиста вентиляторы? Как говорит мой внук – много хотите, дорогой мой. Была привинчена в каждой машине крутилка. Но работала только три дня. Потом начинала дымиться... А кто хочет сгореть? Я таких среди танкистов не встречал. Выбрасывали... Оттого и глотали всякий там перегар... Так от этого никуда не денешься. Он всегда при танке. А тут своё в придачу... – Старик развел плечами. И добавил деловито: – Так войну можно проиграть... Если про танк не очень думали, то про человека в нём приказано было не думать...

– Вы что имеете в виду?

– Самое больное место в танке – воздушный фильтр. Двигатель забивался пылью и клинил... Этих фильтров не хватало катастрофически. А вы говорите о человеке...

Павел Митрофанович забросил в кастрюлю рыбу. Потом сало с чесноком. Выставил миски.

Разлили уху. Выпили. Откат снова был нормальный.

– Вот, Юра, вы уже знаете, что главное в танке, – сказал Павел Митрофанович.

– А как фон Клейст?

– Не знаю. Родовались мы не долго. К вечеру тыл не пришёл. Я очень переживал. Что Склизкого потерял – туда ему и дорога. А вот Косаревский... Без него чувствовал себя почти калеккой. Как будто без руки или без ноги. Спотыкаюсь случайно, и кажется, что это он меня в спину толкает шутя. Оборачиваюсь – пустота...

За нашей спиной к вечеру какой-то бой. Артиллерия стала работать. По звуку – противотанковая... «Сорокопятаки»... Что на самом деле – можно только гадать.

Отправил разведку. Она привезла печальную весть. Нас от тыла отрезали немецкие танки... Выходило... Сзади, справа, слева – немцы. А что они впереди – мы об этом сами знали. Вот и попали в мешок...

Павел Митрофанович медленно хлебал уху.

– Собрал я комбатов. Приняли решение – идти вперёд... – Он отложил ложку. Мы снова выпили. – Забили едой пустоты в танках. Бойцы нагрузили вещмешки. Кто сколько хотел. Отыскивали целых пять связок чёрных трусов... На всех всё равно не хватило... Какой-то политрук предложил поджечь, что осталось... Но местный народ встал стеной. Не дали... Амвросий нашёл какой-то безрессорный прицеп. Примотали его проволокой к моему танку. Накидали туда еды и всякой немецкой дряни...

«Зачем?» – спрашиваю.

«Кто-то устанет... А плохо ехать лучше, чем добре плестись...»

Старик подлил себе уху.

– Да! Совсем забыл... – сказал он. – В Красной армии фляги ведь были стеклянные. Чуть неосторожное движение – вместо стекла дребезги. Попади пуля в такую флягу – и фляге и бойцу конец. А если пуля задела – стекляшки, как шрапнель – разрывали живот на куски. И сукно не спасало. Вот я и приказал сменить наши фляги на алюминиевые немецкие... Всем! Хотя польза какая-то от нашего налёта на Дубно... И ещё... Поставили в этот прицеп пять бочек с растительным маслом... Зачем? До сих пор не знаю...

Павел Митрофанович с сытым видом отставил миску. Ушёл к озеру с чайником.

– Выехали из Дубно... – продолжил он, когда вернулся. – Нас – человек пятьсот. И танков штук семьдесят. Десяток броневигов... Двигались медленно.

– Почему? – спросил я.

– А как быстро, если в никуда? – развел руками Павел Митрофанович. – Правда, спасала немецкая карта. Подробнейшая, скажу я вам, Юра. Все лесные тропинки, ручейки, бугорочки с точным указанием высоты. А село какое на пути... Так чуть ли не количество собак в каждом дворе... Спасибо разведчикам, что пошарили в складской машине. Только заканчивалась она около Новоград-Волынского...

В первый вечер оставили все броневики на дороге. Бензин кончился. Я в душе проклинал штаб комиссара Крауса, который обещал отправить вслед за нашим рейдом тыл с горючим. Был уверен, что именно дивизионный комиссар приложил руку к нелепости, в которой мы оказались. Косаревский не мог не пойти за нами...

На следующий день бросили половину танков. Горючее слили. Клинья затворов выдернули. Прицелы выломали. Пулемётные стволы погнули. Снаряды... Что с ними делать? Так и оставили. А дисков пулемётных пропало – не сосчитать... На каждый танк по сорок шесть штук полагалось. Бросили...

Павел Митрофанович приладил чайник над костром и подбросил охапку сушняка.

Когда вода закипела, он засыпал в свою чашку щепотку чайного листа и залил кипятком.

– Горючее кончилось, – сообщил он. – Последний танк остался стоять на дороге у леса. С привязанной к нему телегой. И пять бочек с маслом...

Устроили совещание.. Кто-то предлагал остаться в лесу и ждать, когда вернутся свои. Политруки всё долдонили про войну на чужой территории. Но большинством приняли решение идти в сторону старой границы.

«Дальше немца не пустят, – высказался кто-то из них. – А если пойдёт, так только до Ирпеня. Возле нашего села доты огого какие в берег вкопали...»

Раскидали по бойцам провизию. Хлам оставили в телеге.

Старались идти кромкой леса, заглядывая в карту. Но скоро и она оказалась бесполезной.

– Ночевали в деревнях? – спросил я.

– Ночевали в лесу. Найдём низинку. Разведём костры, банки вскроем... Кто-то умудрялся даже кашу перловую варить из немецких брикетов...

И спать... В шинель завернёшься и кемаришь нервно. Благо, ночи не холодные...

А утром с первыми лучами шли дальше... Каждую ночь человек десять-пятнадцать сбегало. Я делал вид, что не замечаю. Жил единственной уверенностью – уже завтра мы выйдем к своим. Не можем же мы отступать вечно...

Павел Митрофанович отхлебнул несколько глотков.

– Шли уже неделю... Вдруг подбежал Амвросий. Сбросил к моим ногам свой вещмешок.

«Постойте тут», – сказал и умёлся куда-то.

Народ присел отдохнуть.

Я решил переложить мешок в сторону. Он оказался увесистым и имел странную форму. Выпирал острыми углами – казалось, туда вложили ящик.

Сержант вернулся через час.

«Там эло... Немэцъ заехал. Велосипедов коло крайней хаты наставили целый гурт. Надо забирать влево. Лесом...» – выпалил он.

Долетели далёкие выстрелы. Два, три.

«Собак стреляют», – пояснил сержант.

«Ты что накидал в мешок? – спросил я у него, когда углубились в лес.

«Деньги», – тихо ответил он.

«Зачем?!»

«Не шумить, товарищ майор. – Он осмотрелся по сторонам. – Харчей, может, хватить на неделю. А сколько нам идти? Бог знает. А то и он не знает. В какое село зайдём... Хотя не сильно нас любят, а за гроши накормят и напоют...»

«Ты как их припрятал?» – спрашиваю, соглашаясь с доводами сержанта.

«Як, як? А от так! – стал шептать Амвросий, озираясь. – Раздавал бойцам. Сами же приказали... По три пачки каждому.... И себе одну. Я вроде тоже боец Красной армии».

«Так три пачки было велено...»

«Три – mine. Вам, товарищу Косаревскому.... И товарища комиссара нельзя забывать».

«Где они? Косаревский и комиссар?»

«Не они, так другие будут...»

«Ну ты жулик... Это какая тяжесть?...»

«Ничего, товарищ командир. Хлеб, конечно, носить лучше... Его быстро съесть... А скажи кому про денежки... Всякий согласится нести...»

Павел Митрофанович подлил кипяточку в кружку.

– Амвросий вроде как за главного разведчика при мне был, – сказал старик. – Вдруг прибегает...

И без вещмешка.

«Товарищ командир, боевое охранение чьё-то! – сообщил взволнованно.

«Веди!»

«Давайте обойдём, – настороженно предложил сержант. – Если б на ночь остаться, то можно... А токо утро... За день далёко отойдём...»

«Может, это наш корпус?

«Там не танкисты... Кавалерия».

«Откуда знаешь?»

«Слушал, про чего балаболять. Про подковы и сено».

«А где твой мешок?»

«Спрятал, товарищ майор. – И попросил: – Может, не пойдём?»

«Пошли!»

Нас остановил секрет. Я назвался. Вышел сержант. Долго осматривал всех, а потом махнул кому-то. В лес убежал боец.

Через полчаса появился старший лейтенант с шашкой на боку.

Проверил мои документы. Но не вернул.

«За мной!» – И повёл всех в глубину леса.

В полукилометре вокруг маленького озера был разбит большущий палаточный городок. У каждой палатки свежая, только-только поставленная, коновязь. По двенадцать лошадей привязаны. Бойцы сновали между палаток деловито, не обращая внимания на нас. Кто-то чистил коня. В дальнем углу дымилась кухня...

Солнце яркое. Лесная тишь. Только издали долетало монотонное позвякивание – работали кузнецы. Показалось, что кавалеристов вывели в летние лагеря и забыли, и они о войне слухом не слыхивали.

Лейтенант подвёл нас к трём палаткам, стоявшим в сторонке. Вокруг, как мне показалось, часовые.

Меня втокнули в одну.

На сене лежали двое.

Я поздоровался и представился.

«Старший лейтенант Вейцель», – ответил один из лежавших.

«Майор Гриднев», – лениво произнёс второй.

«Что это такое?» – спросил я, обводя взглядом стенки палатки.

«Александровский равелин¹⁰, – ответил Гриднев. – А ты кто?»

«Командир танкового полка...»

«Везёт нам на танкистов. Хотя бы кто из своих попался. С ними помирать веселей».

«А вы кто?»

«Семьдесят третий противотанковый дивизион, – хмыкнул Вейцель. – Точнее... То, что от него осталось».

«Как вы оказались у кавалеристов?»

«Как и ты. Набтели».

«А палатка почему для двоих?»

«Уже для троих... – хмыкнул Гриднев. – Потому что после трибунала».

«Смертники? – спросил я с опаской, понимая, что неспроста меня отделили от моих бойцов. – А за что?»

«Лейтенант за родину воевать захотел, а ему не позволили», – просипел Гриднев.

«А майор врезал по морде батальонному комиссару, – рассмеялся Вейцель. – Кстати, комиссар из ваших, из танкистов».

Я сел на сено, ничего не понимая. И спросил:

«А что кавалерия делает в этом лесу?»

«Ихний генерал уверен, что скоро наступление начнётся, – сказал лейтенант нервно, словно хотел найти у меня поддержки и защиты. – Генеральное... Вот и ждёт, когда свои подбегут».

«У тебя, майор, пожрать что есть?» – спросил Гриднев.

Я достал из вещмешка банку и протянул Вейцелю. Тот повертел её и передал Гридневу.

«Возьми назад, – лениво сказал тот. – Толку, если нечем открыть».

Я вытащил нож и вскрыл консервы. Достал ложку.

Командиры ели одной ложкой по очереди. Сперва – майор, за ним – лейтенант.

Вдруг полог палатки открылся, вбросив язык яркого солнечного света внутрь. И чья-то рука поманила:

«Эй, жидяра, выходи!»

Вейцель поднялся. Вытер губы, застегнул ворот гимнастёрки.

«Если доберёшься до Киева, Серёга, – сказал он Гридневу, – или вы, товарищ майор... Забегите на Фёдоровский переулок. На Лукьяновке. Дом двадцать... Вы его сразу узнаете... Перед парадным крыльцом две огромные тумбы гранитные вкопаны... Там моя мама... Передайте ей, что я всегда был честным... И что я её люблю...»

Гриднев встал. Они обнялись.

Вейцель вышел. Полог упал, украв свет.

«Что всё это означает?» – спросил я.

«На расстрел повели. Чего ещё?»

«За что?!» – возмутился я.

«За антисоветскую агитацию и пропаганду. Я же говорил.... Он за родину воевать решил, а с комиссаром не посоветовался. Предложил командиру этих кавалеристов партизанский отряд организовать, а не сидеть в ожидании, как на паперти... Назвал комдива предателем... Так особист и комиссар из танкистов к расстрелу приговорили. Глупый лейтенант, – Гриднев махнул рукой в отчаянии. – Я доем?»

Майор молча скрёб ложкой содержимое банки.

«Так в чём тут агитация?»

«Партизанские отряды у нас запрещены», – объяснил майор.

«Почему?»

«Если без разрешения особистов и комиссаров партизанишь... – Гриднев облизал ложку и вернул. Улёгся на спину. – Значит, против советской власти... Партизанить – значит, как Махно, против советской власти... Это комиссар танковый объяснил».

«А комиссара за что побил?» – спросил я.

«Было за что», – нехотя ответил Гриднев.

Долетело эхо ружейного залпа. Гриднев вздрогнул, закрыл уши ладонями и отвернулся к матерчатой стене.

Прошло часа два. Сидел я и думал, что ждёт меня?! Лейтенанта расстреляли, майор-артиллерист дожидается расстрела... «Почему командира танкового полка посадили вместе с приговорёнными?...» Перспектива рисовалась не самая весёлая... Настроение гадкое. Попросился по нужде. Окликнул часового. Думал, огляжусь и что-нибудь придумаю. Главное – под шинелью пистолет... «Так просто я вам не дамся!»

«Там скидай свою галихву!» – с явным презрением ответил часовой.

Еще через час в палатку заглянул знакомый старлей. «Эй, майор, выходи!»

Вышел я на свет Божий. Огляделся – моих танкистов нет.

Лейтенант толкнул в спину. Захотелось заехать в рожу... Но оставшийся в палатке Гриднев словно шептал: «Иди и не огрызайся».

Подвели к зелёному шатру. У входа – два бойца с карабинами. Лейтенант махнул рукой. Пропустили внутрь. Большой стол. Из матерчатого окна, перехваченного крестом, падал косой столб света, в котором плавала пыль. За столом сидел круглолицый лысый генерал-майор. Нос подпирали кубик седых усов. Тень от креста перерезала столешницу пополам неодолимой чертой.

«Кто таков?»

«Командир девяносто шестого танкового полка, сорок второй дивизии двадцать седьмого танкового корпуса...»

«Где твои танки?» – с небрежением спросил генерал.

«Остались под Дубно».

«Ну и почему ты бросил оружие?»

«Ждали, что привезут горячее. Но прочему-то не привезли. А тащить на себе двадцать шесть тонн – и армии не хватит...»

«Где твои люди?»

«Пришли сюда все, кто остался, – ответил я. И хотел сказать, что народ разбегается. Но вовремя сообразил: «Ляпну – и приговорю себя к расстрелу». – В бою погибло много. Похоронили. А некоторые до сих пор в танке своей очереди дожидаются...»

«Что у тебя в мешке?»

«Полковые документы».

«Знамя с тобой?»

«Так точно!»

«Сдать в особый отдел! – приказал он и спросил: – Давно командуешь?»

«С мая сорокового».

«Небось на параде вместе с фашистами маршировал? Да?!» – зло спросил генерал.

«Никак нет, товарищ генерал, – соврал я. – Был переведён в кадрированный полк в тридцать девятом...»

«Где до этого служил?»

«В танковой школе в городе Борисове».

«Сам откуда?»

Я назвал село, волость...

«Яшка! – крикнул генерал. В палатку влетел старший лейтенант. – А ну приведи того длинного... Из шорного эскадрона».

Через пять минут полы палатки распахнулись и чей-то голос сказал:

«По вашему приказанию прибыл...»

Я чуть было не присел от неожиданности. Не верил своим ушам. Но повернуться не посмел.

«Ты знаешь, майор, этого?» – спросил генерал, тыча в моё лицо короткими пальцами.

«Со спины, похоже, командир девяносто шестого танкового полка, товарищ генерал», – сказал Косаревский.

«А ты в каком служил?» – всё с тем же небрежением спросил генерал.

«В девяносто шестом, товарищ комдив».

«Это – твой командир?»

«Так точно!»

Генерал встал. Он оказался маленького роста, гнул крутую спину. Вышел из-за стола. За ним тянулся чуть слышный малиновый перезвон шпор.

«По всем нашим сведениям, – сказал он, заложив руки за постромки портупеи, – наступление Красной армии должно начаться через несколько дней. Я про это знаю. Потому что много раз принимал участие в совещаниях высшего командного состава в округе. И самое главное сейчас, скажу я вам, – сохранить личный состав перед решительным наступлением Красной армии. Нами принято решение – оставаться в этом лесу... Будем дожидаться главных сил. По этому... Ты майор, – он ткнул пальцем в мою грудь, – назначаешься командиром шорно-седельной мастерской. Твоим заместителем будет твой майор. Ты мужик деревенский. В конях должен понимать... Следить – чтоб кони накормленные, кованные... Чтоб уздечки и подпруги надёжно держали кавалеристов... Можете идти... Всех ваших командиров я уже поставил на должности...»

Павел Митрофанович вышел из-под тента. Задрал голову, глядя в небо.

– Теперь так не встречаются, – сказал он, возвращаясь и садясь к столу. – Сейчас сразу за бутылку хватаются. Лишь бы выпить... А мы неспешно отошли от генеральского шатра. Шли вальяжно, словно прогуливались.

За озером Косаревский положил мне руку на плечо и сказал, радостно задышавшись:

«Счастливые мы с тобой, Паша. Не потерялись по дороге... Я уже решил бежать... А тебя, если честно, похоронил...»

«Что здесь творится?» – спросил я.

«Людей стреляют. Вчера двоих. Сегодня уже одного убили, сволочи!»

«За что?»

«Что думают по-своему. И не молчат...»

«Как вы тут оказались? – спросил я, стараясь жаться к Ку-Ке, точно боялся, что он вдруг исчезнет. – Давно в этом лесу?»

«Вы ушли на Дубно, – Косаревский заговорил торопливо, нервно глядя по сторонам. – А мы за вами. Как уговаривались. Прошли километров десять. Вдруг налетела кавалерия. Кричат, что за ними

немец на танках... Я генералу объясняю – горючее для своих танков везу. А этот гриб: «Следовать за мной!» Под угрозой расстрела...»

«А машины наши где? Штаб весь?»

«Где? – Косаревский скосил на меня свой колющий взгляд. – Бросали на дороге, товарищ комполка. Бензин кончился... Мы же вам соляр везли...».

«Генерал – командир дивизии?»

«Командир – да. Только от дивизии осталось не больше полка».

«Давно здесь?»

«Уже неделю в этом лесу торчим. И, кажется, никуда не собираемся двигаться... Посылали искать штабы... Никто не вернулся... Генерал указаний только из округа ждёт. Остальное не для него... Скоро только особистом и прокурорами командовать будет. Ну и нами за компанию...»

«У него своих командиров не осталось?»

«Каждую ночь уходят... – сказал Ку-Ка, оглянувшись. – Я уже выучил закономерность... Если приводят перековать коня – ночью сбегут».

«Меня с двумя расстрельными держали, – сказал я. – Там майор-артиллерист... Его за что?»

«Генерал всех командиров на должности поставил. Меня уздечками и сёдлами командовать... Теперь – тебя... А артиллериста назначили командиром эскадрона. Утром стали пересчитывать его кавалеристов. У него двадцать человек сбежало. И десяток коней увели... Здесь народ, как и у нас... в основном из местных. Особист и комиссар обвинили артиллериста в сговоре с фашистами... чем способствовал передаче конского состава врагу... Майор вышел из строя и прилюдно заехал в рожу Слишком...»

«Он тут?!»

«Комиссарит. В дивизии свой комиссар погиб. Так наш вовремя под руку подвернулся. Дивизионным замполитом здесь. Правят вместе с главным особистом...»

«Где наши пакеты? Мы с вами, Игорь Аркадьевич, подписку давали».

«Приказали сдать».

«У особистов?»

Косаревский молчал.

«Мне генерал тоже приказал полковое знамя и документы сдать, – сказал я, понимая, что Косаревский выполнял приказ, который не мог не выполнить. – Вы Амвросия видели?»

«Нет... А он с тобой?»

«Сейчас найдём... Где кухня?»

Продолжение следует.

Примечание:

¹ КВ – тяжёлый танк «Клим Ворошилов».

² Ровер – велосипед (польск.).

³ Военпред – представитель армейского заказчика вооружений на промышленном предприятии.

⁴ Какое звание? Какой батальон? Из какой дивизии? Кто командир? Какое задание получил твой батальон на ближайшие сутки? (нем.).

⁵ Гер майор, если бы ты знал, как тяжело воевать, когда вокруг тебя не с немцем воюют, а только ловят врагов советской власти... (нем.).

⁶ Так точно, Гер батальонный комиссар!.. Хлеб и сало – самая лучшая политинформация (нем.).

⁷ Немецкие солдаты и офицеры... – начало популярной песни времён Первой мировой войны.

⁸ А ты молодец, Гер майор! (нем.).

⁹ Аттестат – форма денежного довольствия во время войны.

¹⁰ Александровский рavelин – часть Петропавловской крепости, где содержались декабристы, приговорённые к повешению.

Виктор ПАНЬКО

Вздох облегчения

Рассказ

Мужчина, на вид старше среднего возраста (чтобы не утруждать себя и читателей какими-то экзотическими именами, назовём его – Иван Иванович), шел по вечерней деревенской улице.

Направился он к одному своему приятелю, школьному товарищу, чтобы решить пару вопросов, которые возникают ежедневно у каждого сельского жителя. Теперь Ивана Ивановича, например, волновала следующая проблема: чем опрыскивать помидоры, начинающие неожиданно сохнуть, хотя совсем недавно они выглядели вполне нормально? И хочет он узнать, что приятель думает: может быть, это следствие небывалой жары? Уже середина августа, а в тени на термометре 32 градуса. А может, помидоры подтачивает какой-нибудь

вредитель наподобие проволочника? Или завелась в корнях серая гниль?

Это – первая проблема. А вторая – значительно более важная: сохранилось ли еще у школьного товарища прошлогоднее доброе вино, напоминающее по цвету подсолнечное масло, и не имеет ли он желания осушить вместе со своим другом пару бокальчиков, хотя бы в связи с уходящим сегодня в историю воскресным днем? Ведь известно, что вино у Евгения Петровича всегда сохраняется до нового урожая, что оно превосходного качества и что надо же для нового вина когда-нибудь освободить бочку! Ведь если этого не сделать, то куда же Евгений Петрович будет наливать свежий муст нового урожая? Как раз бы тут и своевременно (кто же это сделает, если не школьный товарищ!) предложить помощь в ее опустошении!

Переполненный этими раздумьями, наш герой неспешно шагал по указанному адресу, не обращая особого внимания на окружающее: нескольких ребятишек-дошколят, устроивших соревнование на велосипедах, на собачонку, перебежавшую дорогу далеко впереди, и какого-то незнакомого человека, идущего ему навстречу.

Возможно, в это время по улице проходил еще кто-либо, но когда голова занята такими важными размышлениями, неудивительно, что за всем не уследишь.

Так или иначе Иван Иванович не только пропустил нечто важное, происшедшее на этой пыльной сельской улице, но и был весьма разочарованным неисполнением своих воскресных планов. Евгения Петровича почему-то дома не оказалось, а значит, и первый, и, особенно, второй вопросы остались без ответа, как говорится – повисли в воздухе. Пришлось нашему герою проглотить набежавшие слюны и ограничиться по поводу жидкости, напоминающей подсолнечное масло, одними воспоминаниями. Расстроенный таким неожиданным поворотом событий, Иван Иванович сделал от ворот поворот, пробурчав что-то неопределенное, наподобие одной украинской поговорки, в которой употребляется слово «гоп».

Обратный путь по той же улице был для Ивана Ивановича довольно скучным. Мысли его витали далеко, голова из-за расстроенных чувств опустилась на грудь, а взгляд его был устремлен себе под ноги.

Вот тут-то и произошло событие, послужившее кульминацией для нашего небольшого, но весьма поучительного повествования. Дело в том, что никогда не знаешь, что тебя ожидает. Думаешь об одном, получается совсем другое. Ждешь неприятностей, и вдруг – радость. И – наоборот. Так вот и у Ивана Ивановича. Совершенно неожиданно его грустный взгляд, направленный под ноги, вдруг натывается на некий сверточек, или, точнее, рулончик, конечно, можно сказать и «сверточек», если его производными являются глаголы «свернуть», «сворачивать». Короче – он видит нечто свернутое в рулончик. Что-то такое цветное, блестящее, художественное, на котором угадываются контуры некоего мужского портрета. Сердце у Ивана Ивановича начинает биться интенсивнее, а из памяти мгновенно стираются все неприятные переживания. Мозг еще не определил, но интуиция подсказала безошибочно: деньги.

Гамлетовского вопроса: «быть или не быть», то есть поднять или не поднять, перед ним не возникло. Не потому, что Иван Иванович не читал Шекспира, он был довольно начитанным человеком, а потому, что пройти спокойно мимо не принадлежащего тебе свертка с деньгами – разве не было бы в нынешних условиях величайшей глупостью всех времен и народов! Правда, в четвертом веке до нашей эры в Древней Греции действовал закон Солона, гласивший: «Чего не клал, того не бери,

иначе – смерть!» Но Иван Иванович об этом законе не знал. Да к тому же времена давным-давно поменялись, и у нас совсем другие законы. А если бы и знал, – что общего у нас с Древней Грецией и каким-то Солоном?! Да и всем известно, что каждому человеку присуще такое свойство, которое называется любопытством. Если бы человек не обладал любопытством – не было ни научных открытий, ни изобретений!!! Жили бы мы до сих пор в пещерах и не едали бы бананов эфиопских, помидоров израильских и чеснока, завезенного в Молдову из далекой Индии!

Так вот. Несмотря на свой почтенный возраст, Иван Иванович, воровато оглянувшись по сторонам, медленно наклонился, будто бы завязать шнурок, осторожно поднял сверток и сунул под рубашу, придерживая его дрожащими от волнения пальцами. «Никто не заметил. Посмотрю, что такое, а там видно будет», – подумал он и прибавил шагу, стараясь быстрее скрыться за поворотом, не будучи на все сто процентов уверенным, что его поступок остался незамеченным.

Выбрав укромный уголок на соседней улице, он приступил к обследованию своей находки. В свертке оказалось штук двадцать крупных ассигнаций – российские рубли и украинские гривны – все большого достоинства. «Десять тысяч гривен... Это же сколько будет на наши леи?.. Когда-то за гривну давали три лея. А теперь? – подумал он. – Пусть даже один к одному. Десять тысяч ... это почти моя годовая пенсия. А еще – российские рубли... Да тут целое состояние! Банки теперь принимают и рубли, и гривны. Купил бы себе угля на зиму, закончил бы ремонт сарая...»

Но радость его была не слишком продолжительной. Если бы за ним в это время кто-то наблюдал, то на фотографиях или видеокдрах, запечатленных секретными агентами, можно было бы увидеть все оттенки эмоций – от бурного веселья до глубокого уныния, причем, чем дальше – тем уныние становилось глубже. Видно было, что в душе у него происходила нешуточная борьба. Его личность как бы раздвоилась, и вместо одного Ивана Ивановича стало двое. Появились два внутренних голоса, две логики, два советчика, каждый из которых нашептывал третьему, действительному Ивану Ивановичу, свои мысли и чувства, своё понимание ситуации.

«Что же ты еще раздумываешь, – убеждал его первый голос. – Прячь деньги в карман и шагай быстрее домой. Завтра поезжай в райцентр в банк и поменяй на леи. Закажи два листа шифера для ремонта крыши сарая, пять банок краски и купи килограммов шесть толстолобика по десять леев, он как раз теперь дешевый и пригоден для приготовления селедки».

«Заткнись! – возмутился на эти слова второй голос. – Селедка – это порода рыбы – «сельдь». А толстолобик – совсем другая рыба. Он никак не может быть сельдью точно так же, как вор и обманщик не может быть честным человеком!»

«При чем тут вор и обманщик? – обиделся первый Иван Иванович. – Ты что, не видишь, что вокруг делается? Кто в наше время может отличить вора и обманщика от честного человека? Разве что – «Антикоррупция», но и ту народ почему-то, забывая частицу «анти», называет «Коррупция». Стоишь в очереди, время затягивается. Хочешь узнать причину, а люди говорят: к начальнику зашел какой-то чиновник из «Коррупции».

Я уже не говорю о бонах народного достояния или о лопнувших сбережениях в Сбербанке, после которых твои четыре бычка Борька, Мишка, Тарзан и Гоша общим весом в три тонны мяса стали равноценны одной буханке хлеба весом в шестьсот граммов отрубей. А тут человек нашел какие-то пустяковые деньги и не знает, что с ними делать. Пусть бы спросил Абрамовича...»

«Какого это Абрамовича?»

«Мало ли в мире Абрамовичей?! Пусть спросит одного из них...»

«А где же совесть? Где честное имя человека, который, за исключением нескольких килограммов черешни в далеком детстве и пары центнеров яблок из колхозного сада, ничего не украл... Всю жизнь учил школьников быть честными и примерными во всем, а теперь – не знает, что делать с найденными деньгами. И – такая большая сумма! Если бы несколько десятков леев, то было бы еще ничего. А тут – тысячи! Обязательно кто-то хватится. Начнет искать. Поднимется шум. Заявят участковому. Как после этого смотреть в глаза окружающим?»

«Что ты выпендриваешься? Некоторые люди занимают высокие посты в государстве и гордятся тем, что когда-то в детстве крали у соседей черешни и яблоки! Не стесняются говорить об этом по радио и телевидению, подтверждая тем самым, что они тоже кое-что читали о детстве Иона Крянгэ. А тут что – смотрит на тебя телекамера? Или ты находишься не брифинге перед микрофонами желтой прессы? Никто ничего не видел – и слава Богу. Народная мудрость живуча столетиями. Какой глубокий смысл таится в пословицах: «Не пойман – не вор», «Что упало – то пропало». Из этих перлов

народной мудрости делай вывод: виноват не тот, кто украл, а тот, кто не поймал вора или – потерял имущество, или – не смог его сберечь. Об этом же говорят и другие пословицы: «Пиши – пропало»... «На то и щука, чтобы карась не дремал»...

«Может быть, ты и прав, говоря о народной мудрости, – парировал второй, – но почему ты тогда не вспомнишь такую пословицу: «Раз укравший – вор на всю жизнь». И разве не понятно, что если кто-то неожиданно для всех за одну ночь сильно разбогател, то другой в это же время должен сильно обеднеть. А быстро разбогатеть можно, если не считать выигрышей в лотерею, только в трёх случаях: надо или что-то продать, или – кого-то предать, или – кого-то обокрасть.

Может быть, ты думаешь, что деньги из этого свертка выиграны тобой в спортлото? Или ты отгадал правильно несколько букв в «Поле Чудес» и заработал своими усилиями столько денег, сколько не зарабатывают двадцать комбайнеров, убирающих на полях пшеницу в сорокаградусную жару? А может быть, ты стал известным футболистом и тебя купили за двенадцать миллионов долларов или у тебя зарплата – один миллион в месяц? Или ты – автор хитроумной финансовой пирамиды, облапошившей десятки тысяч подобных тебе пенсионеров, а также домохозяек и мелких торговцев, в которых превратился наш некогда могучий и грамотный рабочий класс, а заодно и социалистическая интеллигенция?»

– Ну хватит! – вскрикнул Иван Иванович, сунул сверток в карман и поспешил к тому месту, где совсем недавно нашел деньги.

Улица была пуста. Впереди гоготали гуси. Справа пару раз твякнула маленькая собачонка. Пахло жареной картошкой с луком.

Иван Иванович беспомощно оглядывался вокруг в надежде увидеть хоть кого-нибудь, но – тщетно. Он уже потерял всякую надежду исполнить задуманное, как вдруг из соседнего огорода выглянула девчушка лет пяти с маленьким велосипедом. За нею шел юноша лет двадцати.

– Девочка, тут были ребята недавно, вы ничего не потеряли?

– Нет, дядя, мы тут играли...

– А у вас не было таких цветных бумажек... с портретами?

– Бумажек?..

– А-а-а, это – деньги, – вступил в разговор парень. – Были. Наверно, они выпали у тебя, Света, из кармана, когда ты ехала на велосипеде.

Девочка стала искать деньги в заднем кармане джинсов, но, не обнаружив там ничего, развела руками.

– А что за деньги там были? – спросил с надеждой Иван Иванович. – Сколько?

– Сорок тысяч русских рублей и восемнадцать тысяч украинских гривен, – стал припоминать юноша. – Большими купюрами... Целый пакет...

Все сходилось.

– Так что же вы так неосторожно... Ездили на заработки?

– Да, пришлось...

– А чего же дали ребенку... Такую сумму...

– А, – махнул рукой парень, – их много, но они все – недействительны. Деньги поменялись и в России, и в Украине. Так что с ними теперь – только играть?!

– Да ведь они не так давно выпущены. 1993 год. Можно подумать – еще ходят.

– Если бы ходили...

– А не лучше ли их сдать в школьный музей? Все-таки интересно.

– Посмотрим.

– Ну, мне главное – я вам их вернул!

Иван Иванович сказал эти слова с большим облегчением, вздохнул и улыбнулся.

Как будто он благополучно донес домой из ларька полученные им на две земельные квоты двадцать килограммов сахара. И как будто настала пора снять с плеча этот, в общем-то не такой уж и большой, но для его возраста – приличный, груз и расправить уставшие мышцы.

Георгий КАЮРОВ

Монах Прокопий

Рассказ

Всю долину реки Днестр, как молоком, заволокло густым туманом, в котором утонули и мохнатые ели, и крыши домов села, присоседевшегося на правом берегу. Прохладная ночь лениво выбеливалась в тумане. Свод стылого солнца уже показался над холмами, выкрасив округу в кармазинный цвет. Лесные тропинки сонно змеились в ожидании ранних ходоков. Над гладью, казалось, застывшей реки тянулась туманная перелина. Она оседала на поверхность воды и тут же пропадала, выхваченная случайным всплеском стремительного течения.

В селе заскрипели калитки, замычали уставшие от ночного зстоя коровы, продрали голоса проспавшие рассвет петухи. Где-то храпнула лошадь и глухо ударила копытом.

Собирая туман в завихрении, к реке торопно приближался, грузный человек. Его плоские сандалии, сплошь состоящие из швов ручной починки, подшаркивая, мягко ложились на землю. Это спешил за рассветом неопределенного возраста монах Прокопий. Одной рукой он отклонял попадающиеся на пути ветки, а другой прижимал к брюху густую чёрную бороду, исходящую от самых глаз. Он не высматривал прохода, а уверенно, обходя топи, пробирался к огромному камню, который отделялся от берега узеньким ериком, сквозь утыканным пиками молодого камыша. Подобрал ряску, монах лихо перескочил на камень, придерживавшись за густые ветви ивы, ниспадающие в воду. Потоптавшись на огромном валуне, монах повалился на колени и, пригнувшись грудью к самому камню, жменей зачерпнул из реки и, довольно крикнув, сполоснул руки, растирая водную прохладу. Потряхивая кистями, Прокопий осмотрелся. Оба берега густо закрывались гигантскими ивами. Его пристальный взгляд остановился на огромном дереве, на том берегу, в который крутым изгибом врезалась река. Старая ива улеглась на воду, словно многочисленными локотками оперевшись ветками о поверхность реки. Монах многозначительно покачал головой. Когда-то это было самое высокое и могучее дерево. Но берег, годами подмываемый течением, отступил, и ива завалилась, удерживаясь от затопления корнями, которые еще крепко сидели в земле и спасали. Могучая её крона распласталась по воде и струилась, заигрывая с течением.

– Только бы с местом не прогадать, – не отрывая взгляда от реки, пробубнил Прокопий. – Тума-ан, – довольно протянул он. – Хороший день будет, – взгляд монаха прояснился, и он коротко улыбнулся, лукавинка так и заискрилась в уголках глаз. Несколько раз он подавался вперед, пытаясь заглядывать за завесу ивовых ветвей, которая перекрывала обзор берега.

Густой ивняк надёжно скрывал монаха от любопытных глаз, но и мешал обзору. Прокопий примерился, покачивая головой, и, недолго раздумывая, навязал из ветвей кос, собирая ивовую лозу в пучки. Затем, потоптавшись с ноги на ногу, поприседал, раскачиваясь массивной спиной, с разных сторон примериваясь – хорошо ли будет видно. Оставшись довольным проделанной работой, скинул с себя телогрейку и, подмостив, уселся на нее. Прореженная косами крона открывала обзор для зоркого глаза, а для случайного – продолжала служить завесой, скрывая наблюдателя.

Не прошло и четверти часа, как на другом берегу послышались бабьи голоса. Говорили тихо, но по руслу полноводной реки даже тихие звуки расходились громким эхом. Прокопий насторожился, пригнул голову и замер, всматриваясь в плотную зелень. Туман еще держался, но день брал свое. Ивовый шатер с той стороны стоял стеной, а где-то в его недрах говорили, и слух Прокопия улавливал все новые и новые голоса. Многие из них будили плутовские искорки в глазах монаха. Он наставил ухо, по голосам угадывая, кто же из знакомцев пришел.

Вчерашняя его задумка сработала. От радости Прокопий даже сжал кулаки и потряс ими, скривив восторженную гримасу.

Сегодня был день Ивана-Купалы. Еще накануне ночной службы Прокопий предложил игумену объявить прихожанам, что церковь приветствует последователей Ивана-Купалы, которые, следуя примеру святого, обряд омовения совершают в естественных водоемах.

– Таким водоемом могла бы служить и река, – заканчивая проповедь, возвестил игумен.

Во время причащения чуткое ухо монаха ловило разговор сельских баб. На паперти, когда прихожане расходились, Прокопий специально искал себе занятий у входа, подслушивая разговоры и желая удостовериться в том, что бабы и правда собираются утром отправиться на реку.

Прокопий ликовал! Его задумка удалась. Всю ночь он ворочался в келье. Даже брат Семен пришёл с молитвой к его двери.

– Аминь, – сквозь зубы недовольно процедил Прокопий.

– Брат Прокопий, с тобой всё ли в порядке? – и, не услышав голоса соседа, тихо поинтересовался брат Семён.

– В порядке. Ступай, – отрезал вчера Прокопий, а сегодня, вспомнив ночное происшествие, даже потер руками: «Еще как в порядке!»

За такими размышлениями монаха и раскинулись на противоположном берегу ветви ив. Несколько женщин, прикрывая обнаженные груди руками накрест, вышли на кромку берега. Одна из них резво ступила в воду.

– У-ух! – раздалось её глухое по всей реке, и она тут же повернула обратно, вздрагивая плечами и бедрами. Прокопий сразу узнал ее – это была Ленка Семакова, тридцатилетняя прихожанка церкви монастыря, в котором обитал Прокопий. Ему приходилось исповедовать молодую бабу, и не однажды. От сладостных воспоминаний Прокопий даже прикрыл отекавшие веки.

– Норовиста кобылка, – похотливо испустили толстые губы монаха, но Прокопий недолго пребывал в блаженном состоянии. – Давненько не зааживала. Не вышла ли замуж? – Прокопий быстро открыл глаза и, беглым взглядом осмотрев стоящих женщин, вперился в Ленку, которая порывистыми движениями натирала льняным полотенцем продрогшее тело, согревая.

– У-ух! – снова голос Ленки разнесся по всей округе. – Бабы, не робейте! – и она звонко заржала своим прекрасным контральто.

Плюхнула волна, и Прокопий, с силой отрываясь от слегка располневшей, но от этого ставшей еще привлекательнее, фигуры Ленки, перевел взгляд на голые тела остальных селянок. К первым, самым смелым, присоединялись и другие женщины. Кучный ряд икрстых, высушенных тяжелой работой ног выстроился на берегу. Звонкая бабья разноголосица разносилась по всей реке. Собравшись в большую компанию голых, бабы уже не стеснялись и не прикрывались, бесстыже разглядывая друг дружку.

Выделялась в толпе рослая Ольга. Приближался её двадцать первый год. На протяжении уже трех последних лет от случая к случаю она заглядывала к Прокопию. Поначалу это случалось, когда на пути юной девицы ставал почтенный монах. Мягким баритоном увещевая на ушко девки различные срамности, Прокопий долго обаживал созревающую селяночку, пока одним вечером она не выпорхнула из монашеской кельи зардевшей курочкой. Так и повелось – при каждой встрече с монахом Ольгу не миновало посещение кельи, а случалось, и сама забегала. В такие приходы Прокопий встречал девицу восторженно:

– Ах, озорница!

Сидя на камне и пожирая взглядом Ольгу, Прокопий даже носом потянул, вскинув его в сторону бабьих омовений.

Ольгины груди, словно два розовых шара, светились в лучах восходящего солнца. У Ольги были длинные русые волосы, которыми можно было обвиться, но она даже не старалась ими прикрыться. Носком вперед наступив в воду, Ольга от холода втянула живот и вытянулась во весь рост. Как цапля, высоко поднимая колени и потрясая локотками, она дробными шажками вошла в реку по пояс, быстро присела три раза, загребая на груди воду, и поспешила на берег. Прокопия резко качнуло вперед, так ему захотелось вцепиться в розовеющие от холода Ольгины ягодички, разделяемые мощными бедрами, но обнаженное тело Ольги скрылось в ивняке.

Прокопий перекрестился и зачем-то поплевал через плечо, задержав взгляд на темнеющих зарослях за спиной. Новые голоса с реки вернули его обратно. Снова перекрестившись, Прокопий принялся за прежнее лукавство. Уже несколько баб приседали в воде и вразнобой зазывали остальных.

– Ой, как хорошо! Ой, как хорошо!

– Давайте, бабы! Пусть Ивана-Купалы порадует за нас!

Один голос Прокопий узнал и даже поморщился – это Люськин фальцет. Ядовитая стала, до умыры. Была славной, приветливой. Монах тяжело вздохнул. Его глаз мигмом выхватил голый Люськин зад. Прокопию даже показалось, Люська нарочито неспешно выходила из воды, чтобы вся округа оглядела. Её мощные ноги, не знающие усталости ни на покосе, ни на току, медленно переступали, с силой высвобождаясь из ила, а руки были прижаты к груди накрест, уцепившись за плечи. Прокопий следил за Люськой, не отрывая взгляда. С каждым её шагом казалось, что она вот-вот упадет, но Люська проворно держала равновесие бедрами, широко их расставляя и тем самым выставывая напоказ чернявый зад. Прокопий даже отвернулся и собрался сплюнуть на бесстыжесть поведения

бывшей подруги, но удержался. Выбравшись на берег, Люська принялась стирать с себя воду. Только теперь для Прокопия прояснилось, зачем Люська держала руки на груди. От былых красот девицы ничего не осталось, вдоль потрепанного многочисленными родами живота спадали до самого пупка двумя чулками груди. Люська подобрала брошенный ею бюстгальтер, свернула то, что осталось от груди, по одной укладывая в него, и, виляя голым задом, скрылась.

Прокопий так увлекся своим занятием, что едва не свалился с камня в воду, схватившись за сплетенные косы, всей своей тучной фигурой потряхнул прятавшую его иву.

– Ой, бабы! Кто это там? – неожиданно крикнула одна из баб и показала в сторону успевшего спрятаться Прокопия. Вмиг все замерли и усталились, куда указывала соседка. И если бы в это время одна из запоздавших женщин не выскочила из зарослей и не плюхнулась в воду, то внимательное бабье око рассмотрело бы в ветвях «непорядок из кос» и тогда Прокопию бы несдобровать, но женщины завизжали из-за окативших их брызг и кинулись в реку следом. Что тут только ни началось. Те, что помоложе, принялись плескаться в разные стороны. Их пытались осадить зрелые бабы, но, не совладав с озорницами, сами затеяли плескотню. Прокопий, с облегчением выдохнув, расплылся в улыбке. Уж больно приятно ему было видеть такой «святой вертеп».

– Топнет! Топнет! Бабы, кто-то топнет! – истерично закричала, оставаясь еще на берегу, одна из баб и заметалась, тыча рукой на реку.

Дружным визгом и ором голые бабы повалили из воды на берег. Прокопий привстал, всматриваясь к глади реки, ища, на кого указывает истеричная баба. Дрожащие от холода сгрудившиеся бабы загудели. Их тревога и страх разлились по реке.

– Кто же это?

– И правда тонет!

– Помогите же кто-нибудь!

Но никто из баб не шелохнулся. Только жались друг к дружке коченеющими телами и не мигая следили за водой. Всеми обуюла оторопь ужаса. Наконец Прокопий заметил бултыхавшуюся в воде бабу. Она то пропадала с поверхности, то выскакивала её рука и следом появлялась голова, чтобы захлебывающейся глоткой попытаться крикнуть:

– Па-ма... па-ма, – захлебывалась и снова пропадала под водой.

Течение медленно тащило женщину на середину. Она билась изо всех сил. Прокопий нервно топтался на валуне, решая, что предпринять. У него сильно колотило в висках, а по спине просекал холодок, когда в голове мелькала мысль, что его греховное занятие раскроется. Прокопий повалился на колени и, хватаясь за холодный камень, ткнулся в него лбом. Губы сами читали молитву.

– Па-ма... – раздалось совсем рядом, и Прокопий вскочил на ноги, хватаясь за ивовые косы, отыскал тонущую.

Течение, медленно затащив беспомощную бабу на середину, поворачивалось и несло борющуюся с ним женщину в сторону завалившейся старой ивы.

– Там ей и придет конец, – тихо пробубнил Прокопий и в то же время рванул с себя подрысник, в разные стороны полетели сандалии.

И уже в следующее мгновение толпа голых баб с надеждой ахнула, увидев как какой-то огромный бородатый мужик прыгнул в воду и широкими взмахами погреб на помощь.

В несколько гребков Прокопий догнал тонущую у самой кроны притопленного дерева. Монах схватил вынырнувшую руку и попытался рвануть на себя, не давая течению затащить в погибельные заросли ослабевшее тело. Почувствовав опору, женщина уцепилась за монаха, едва не утопив того. Прокопию ничего не оставалось, как поднырнуть, чтобы избавиться от цепких объятий утопающей. Уже путаясь в кроне ивы, он снова настиг вынырнувшую руку. С силой рванул за неё и, едва показалась голова, огрел её что было мочи. Вмиг обмякшее тело Прокопий подхватил и, размашисто гребя одной рукой, сам подтапливаясь на бок, тащил беспамятную бабу к берегу, стараясь обогнуть гиблое место. Прокопий едва справлялся с течением. Видимая часть дерева оказалась куда меньше той, что залегала в речных глубинах. Прокопий ощущал, как путаются его ноги в огромном месиве притопленной лозы, предательски спрятанной под водой. Бабы толпой кинулись помогать, и уже несколько пар рук тянулись с берега, чтобы схватить стылое, но живое тело утопленницы. Еле-еле передвигая запутавшимися в ивовой лозе ногами, Прокопий пробирался к берегу. Сил едва оставалось, чтобы подать обмякшее тело женщинам. Бабы подхватили его, а Прокопий, ослабевший, прерывисто дыша, сник с опущенной головой, едва удерживаясь

на ногах. Монах переводил дыхание, пока бабы уберутся, чтобы он смог высвободиться от природных пут и выйти на берег.

– Бесстыдник!!! – неожиданно раздалось над его головой. – И еще несколько голосов подхватили и над рекой грянуло:

- Бесстыдник!!! Бесстыдник!!!
- Бабы! Так это же наш Прокопий!
- Прокопий! Бесстыдник!

Обессиленными ногами, едва перебирая по илистому дну, Прокопий приближался к берегу, боясь даже головы поднять. Бабы не унимались. У самого берега, едва Прокопий собрался зацепиться за землю, как на него обрушилось полотенце и одна из баб принялась охаживать незадачливого монаха. Она с такой силой колотила по голове Прокопия, что тот попятился назад, запутавшиеся в ивняке ноги оступились и...

В этот момент раздался страшный грохот, от которого толпа голых баб, забыв и о подруге, нуждающейся в помощи, и о Прокопии, застыла с обезумевшими глазами. И, словно огромный корабль спустили со стапелей, в реку сорвалась с корней старая ива. Могучее дерево завалилось в воду, затянув удавкой на ногах Прокопия свою лозу. Прокопий мгновенно исчез под водой, накрытый затапливающейся мощной кроной. Сбрасывая в воду комья глины, ощерившись оборванными корнями, ива отходила от берега и уносила с собой всё, что попадалось в ее могучие объятия. Толпа голых сельских баб так и стояла с застывшими физиономиями. Обезумевшими глазами они высматривали на поверхности монаха Прокопия, ожидая, что это шутка и монах вынырнет где-нибудь на том берегу, но Прокопий не выплыл, а могучее дерево, выглядывая из воды рваными корнями, уносилось течением все дальше и дальше.

Виктор БЕРДНИК

Родился в 1956 году в Перми. С раннего детства до эмиграции жил в Одессе. Там же окончил мореходное училище. В Лос-Анджелесе с 1990 года. Пишет прозу, и публикуется в США, Канаде, Германии, на Украине и в России.

Lost opportunity

*Великаном не станешь,
даже надев башмаки Гулливера.*

Меня позвала к себе в гости одна давняя приятельница. Срок нашего знакомства давно уже перевалил отметку в двадцать лет, что давало ей и мне заслуженное право обходиться в разговоре без долгих вступлений и реверансов. Собственно, изначально я дружил с её мужем – моим сокурсником по институту, и когда та стала его женой, мы с ней быстро нашли общий язык. Нина оказалась девушкой лёгкой по натуре и совершенно незанудливой, а такие качества не могут не привлекать окружающих. Нетрудно догадаться, что впоследствии, встречаясь с Ниной и её мужем, я уже просто отдыхал в их компании, и мы не раз с удовольствием вместе проводили время, отыскав друг в друге весёлого и жизнерадостного собеседника.

Так сложилось, что я перебрался в Америку, но наша связь отнюдь не прервалась. Мы продолжали перезваниваться, и уже через год с небольшим я встречал своих друзей в аэропорту Лос-Анджелеса. Они решили обосноваться в Калифорнии, и, естественно, их выбор меня чрезвычайно порадовал. Что может быть лучше, чем возможность сохранить за границей бывшее общение?! Пожалуй, подобному стоит лишь позавидовать...

Теперь Нина, не вдаваясь в подробности, туманно намекнула, что у неё в доме будет некий занятый человек, которому ей непременно хотелось бы меня представить. Я живо откликнулся на приглашение и пообещал обязательно быть в назначенное время. Не в моих привычках ломаться, тем более что на этот вечер у меня всё равно не намечалось никаких планов. Слова Нины звучали интригующе, заставляя теряться в догадках...

– Конечно же, буду! Однако, милая, к чему столь таинственное предисловие?

Я давно и слишком хорошо успел изучить её повадки. Если далеко неспроста женщина собирается в будний день посвятить драгоценное время приготовлению ужина для гостей, пусть даже и малочисленных – значит, в том, несомненно, должен присутствовать её какой-то очевидный интерес. Тем более, дальновидная особа, которая хорошо себе на уме и именно та, что не упустит ни малейшей возможности или даже самый слабый и едва пульсирующий шанс в здешней жизни. Для Нины, как и для очень многих наших соотечественников, период былых беззаботных посиделок ввиду неограниченного свободного времени безвозвратно канул в прошлое, уступив место встречам полезным и нужным.

– Ну и замечательно! Обещаю, скучать тебе не придётся, – с удовлетворением заключила Нина, прекрасно помнив об обязательности их пунктуального друга. Она явно добивалась моего присутствия, но, не желая лишиться себя удовольствия произвести впечатление, тем не менее продолжала скрывать, с кем мне доведётся сидеть за её гостеприимным столом.

Этим загадочным кем-то оказался мужчина в летах, но очень живой и подвижный. Когда я появился у Нины, он находился уже там в обществе девушки до двадцати лет. Как выяснилось чуть позже – его дочери.

– Познакомься, это Алексей Петрович.

Нина подвела меня к своему гостю, и мы подали друг другу руки. Ладонь того была по-бабски холёной, а рукопожатие вялым и безразличным. Таким в советское время обменивались профсоюзные активисты с многочисленными случайными людьми на собраниях, забыв уже через секунду, кого приветствовали. Никакого особого впечатления этот человек на меня не произвёл. Вполне обычный мужик, разве что одет не по-здешнему. Значит, приезжий. Впрочем, у Нины в доме я навидался разного народа. Она относилась к тому типу людей, которые любят новизну абсолютно во всём, включая и объекты собственного расположения. Встречал я у неё и эмигрантов-долгожителей, и вновь прибывших. Если первые много и усердно работали, а в оправдание тому старались активно отдыхать, почти позабыв уклад прошлой жизни в СССР, то те, кто подтянулся недавно, совершенно не спешили впрягаться в потогонную систему, а больше присматривались к чужому опыту, проявляя плохо понятные замашки представителей уже неведомой мне страны. И те и другие, несмотря на разный возраст, сохраняли в себе одно общее свойство, что делало их всех хорошо узнаваемыми. Стоило лишь едва прислушаться и чуть приглядеться к Ниночкиным визитёрам, чтобы тотчас распознать систему ценностей, что каждый из них привёз с собой. В меру образованные люди, чтобы легко сориентироваться по необходимости в любой ситуации, и настолько же непритязательно-находчивые, чтобы использовать непредвиденные обстоятельства к собственным нуждам. Вот она – генетически унаследованная и самосовершенствующаяся наука выживать.

Похоже, что и Алексеем Петровичем Нина пополнила круг своих друзей совсем недавно. Во всяком случае его я здесь раньше не встречал и ничего о нём не слышал. Ниночкин гость оказался диковинной птицей. Что мне сразу же бросилось в глаза, едва мы успели представиться, так это крупный загадочный орден на лацкане его пиджака. Постеснявшись пристально пялиться на приметную цацку, я то и дело бросал осторожные взгляды в сторону заинтересовавшего меня знака отличия и никак не мог отделаться от впечатления, что он явно не настоящий. К подобному выводу нетрудно было прийти по причине его дешёвого блеска – неестественного для благородных металлов, не говоря уже о заваленных гранях всей литой поверхности. Одним словом, плохая бижутерия.

Стоило обратить внимание на странный аксессуар в одежде Алексея Петровича, как тут же начали бросаться в глаза и все остальные детали его забавного гардероба. Под выдавшим виды и слегка помятым пиджаком наискосок, поверх кремового жилета висела шёлковая муаровая голубая лента. Очевидная претенциозность в костюме наверняка могла быть по-разному истолкована, окажись гость моей приятельницы среди людей консервативных и немолодых. Подобным образом, к примеру, мог одеться афроамериканец, но ни в коем случае не белый: и не потому, что у кого-то меньше вкуса. Как раз в этом случае белые чаще всего проигрывают и не всегда способны на импровизацию в умении наряжаться.

Мы перекинулись с Алексеем Петровичем какими-то незначительными фразами, и меня не замедлили представить молодой девушке, явно скучавшей в сторонке. Она равнодушно следила за нашим разговором, думая о чём-то своём. Совершенно просто было запомнить её имя – Ариша. Среди всех так часто встречающихся имён её звучало не столь распространённым, а даже редким и сразу оставалось в памяти.

Хозяйка дома излучала само гостеприимство и, не желая попусту томить собравшихся бесплодным созерцанием аппетитных яств на тарелках, уже вскоре начала всех рассаживать. Алексей Петрович почему-то занял место по центру стола, принадлежащее главе дома, который пока по не объяснимой причине уступил ему эту привилегию, а сам скромно приземлился возле меня.

– Я хочу выпить за нашего московского гостя, – в наступившей предтрапезной тишине Нина торжественно подняла бокал и победоносно оглядела присутствующих.

– За светлейшего князя, Алексея Петровича!

Она произнесла тост вполне серьёзно, и я не уловил в её тоне ни тени шуток. Внутренне я даже горячо поддержал Нину по той причине, что был очень голоден.

Настоящего носителя голубой крови мне ни разу в жизни не доводилось видеть и тем более выпивать с ним.

«...Ну, Нинок, ты даёшь», – мне ничего не оставалось, как мысленно между делом удивиться словам так постаравшейся хозяйки, потому как глаза уже давно примеривались, с какого блюда начать. Первая рюмка водки приятно освежила нёбо и обласкала горло. Я с благоговением гурмана прочувствовал языком хорошо охлаждённую глицериновую вязкость напитка и как нельзя кстати обнаружил возле себя малосольную селёдочку, припорошенную зелёным лучком. Её нежный вкус немного напо-

минал незабвенную одесскую «Дунайку» с легко узнаваемым специфическим душком тины и прелых водорослей.

«...Хороший продукт, – подумал я про себя. – Да уж, правильный. Ничего не скажешь...»

Пока Нинкин муж опять наполнял рюмки, моё внимание наконец смогло переключиться с гастрономических изысков на личность важного соседа.

«...Интересно, где она выкопала этого потешного вельможу с игрушечной медалью? Светлейший. Ну надо же!..»

Тот тем временем с соответствующей его персоне значительностью весьма бодро оперировал ножом и вилок, с энтузиазмом накладывая в тарелку холодные закуски.

«...А ведь, пожалуй, я не один здесь такой, кто сегодня только завтракал...»

Мой взор невольно переместился в сторону князя, и я поймал себя на озорном желании, что непроизвольно пытаюсь уловить в его движениях особые великосветские манеры, не присущие остальным людям.

– Алексей Петрович и Арина прибыли в Калифорнию с важной миссией и пробудут здесь, вероятно, несколько недель, – заметила Нина, стараясь постепенно ввести присутствующих в курс дела. Не уверенный в том, как следует себя вести, я решил на всякий случай воздержаться от лишних вопросов. Впрочем, расспрашивать о чём-либо не было никакой необходимости. Нина, как умелая распорядительница, старалась не упустить ни одной существенной детали.

– Князь здесь, в Америке, представляет людей благородного происхождения, и мне выпала честь с гордостью отметить, что именно он является главным учредителем «Ордена Международного Дворянского Сословия».

Что-то мне почудилось подозрительным в Ниночкиной замысловатой тираде. Да и весь облик орденоносца со сценических подмостков совершенно не вязался с дворянской породой.

«...Зачуханный какой-то его сиятельство. Уж не прощелыга ли часом?..»

Меня охватывало стойкое ощущение фальши каждый раз, когда глаза случайно останавливались на ленте под его засмоктанным пиджаком. Не знаю почему, но я нервничал, чтобы Алексей Петрович, не дай Бог, не посадил на неё масляное пятно. Ну, вдруг ненароком капнет, подхватив на вилку кусочек селёдки – вон она, какая жирная.. Тот, кого беззастенчиво величали князем, словно уловив мои переживания, заложил без всякого стеснения за ворот салфетку и продолжал неспешно жевать. Единственное, что я никак не мог пока уловить – каково здесь моё предназначение? То, что оно существует в природе вещей – в этом факте не приходилось сомневаться: Нина не относилась к тем женщинам, кто делает что-нибудь без дальнего прицела или просто так.

«...Ах, Нинок-Нинок, ну и какая же для тебя от всего этого будет выгода?..»

Вторая рюмка водки незаметно внесла в атмосферу застолья естественное оживление. Хозяйка стола не сутилась, а с видом светской львицы уже предлагала очередное блюдо.

– Князь, не изволите ли отвесть икорки?

– Спасибо, голубушка!

Он подхватил из её протянутой руки небольшую розетку с деликатесом местного производства из «русского» магазина. Я едва сдержался, чтобы не прыснуть. Обстановка начала напоминать ужин у старосветских помещиков. Какая-то невероятная метаморфоза. Начало третьего тысячелетия, Америка, а тут – чистый водевиль!

Впрочем, Алексей Петрович был не так прост, как могло показаться с первого взгляда. Он, вероятно, привык пользоваться вниманием к своей персоне и на сей раз не ожидал ничего иного. Это стало заметно уже после получаса общения с ним. Князь уверенно принимал знаки расположения к себе, не конфузился и вообще вёл себя так, как будто цель визита у всех присутствующих заключалась побывать на высочайшей аудиенции и отдать дань уважения незаурядной персоне. Хорошо, когда у человека есть основание для подобного поведения, но как раз именно такие люди отличаются заведомой скромностью, а то им и вовсе наплевать, на виду они или нет.

Отпив неторопливо воды из фужера, Алексей Петрович созрел к тому, чтобы все ему с почтением внимали.

– Ах, как всё замечательно! Так приятно находиться среди достойных людей. Вы знаете, господа, поскольку мне довелось представлять наш Орден, я с радостью могу ответить на ваши вопросы.

«..Похоже, что этот ряженный привык брать быка за рога. Ну-ну, – промелькнуло у меня в голове понимание момента. – Впрочем, чтобы иметь успех – с аудиторией нужно работать. А господа – это мы, что ли?..»

Я никак не могу привыкнуть к подобному обращению. Оно всегда ставит меня в тупик.

«...Если в обществе есть господа, стало быть – существуют и холопы?! И где же эта грань?..»

Пока я безуспешно соображал по поводу месторасположения социальной границы между антагонистическими классами, Нина с видом профессионального журналиста задавала своему гостю наводящие вопросы:

– Ваше сиятельство, вы позволите мне называть вас по имени-отчеству?

Князь не без тайного удовлетворения осклабился.

– Ниночка, дорогая, будьте проще. Я не люблю церемоний.

«..Угу. Не любит, а самого так и распирает от самодовольства...»

Почти всё мне уже стало кристально ясно, и я с облегчением вздохнул. Терпеть не могу непонятки.

«...Ну а теперь, когда хозяйка и её гость обменялись любезностями, наверное, и остальные имеют право голоса», – я положительно захотел поучаствовать в происходящем спектакле и тоже ощутить себя, хотя бы ненадолго, героем представления, где действие развивается в прошлые столетия в какой-то помещицкой усадьбе. Оставалось только выбрать подходящий момент и половчее пристроиться в светскую беседу. Наконец образовалась короткая пауза, и мне тут же удалось проявить личную заинтересованность в вещах исключительных и благородных.

– Уважаемый князь, я так полагаю, что все члены вашего общества – дворяне? Как вам удалось разыскать этих людей?

Вопрос не казался мне праздным. Я действительно с трудом мог себе вообразить воистину титанический труд. Шутка ли: взять на себя такую серьёзную ответственность и объединить осколки знатных семей, рассеянных по всему свету. Столь масштабная задача требовала по меньшей мере завидного терпения и крайней одержимости, не говоря уже о возможности доступа к государственным и частным архивам. Алексей Петрович, оценив мой интерес, даже отложил свою вилку с надкусанным кусочком буженины.

– Представьте себе, их немало, и я даже могу поделиться секретом, что мы собираемся здесь, на западном побережье Соединённых Штатов, открыть Дворянское Собрание.

Он аж зарделся от важности столь волнительного сообщения.

– Губернское или уездное? – вырвалось у меня нечаянно. По правде говоря, я не большой знаток всех этих светских тонкостей, но как раз накануне я перечитывал. Писемского и некоторые детали и термины той жизни ещё не успели полностью выветриться из памяти. В романе вскользь упоминалось, как один из персонажей посещал подобное заведение. Наверное, по причине того, что князь говорил на русском языке, я и предположил российскую принадлежность его поля деятельности. Алексей Петрович заёрзал на стуле как бы от неудобства и, холодно посмотрев на меня со всей строгостью царедворца, невозмутимо заметил:

– В настоящее время этот орган сословной дворянской корпорации имеет несколько другой устав и не подразделяется по территориальному признаку. Туда для его официального открытия должно входить не менее двадцати человек, но, я думаю, они наберутся.

Откуда он взял эту цифру – было загадкой. По-моему, с потолка. Тем не менее, нисколько не смущаясь, князь продолжал говорить со знанием дела. Впрочем, опровергнуть правомочность его утверждений всё равно было некому. Ну кто кроме специалистов может разбираться в организационной структуре высшего государственного сословия позапрошлого века? Где князь собирался отыскать такое фантастическое количество продолжателей старинных родов в Калифорнии – об этом можно было только догадываться. К тому же я так и не удосужился получить ответ на свой первый вопрос. Алексей Петрович его просто проигнорировал. То ли по причине высокомерия, коим отличаются некоторые россияне к нашему брату эмигранту в Америке, то ли из соображений ненужности вступать в полемику с каждым встречным-поперечным.

«...Ну, чо ты суёшься куда не надо. Сильно грамотный выискался», – безошибочно читалось во взгляде именитого гостя.

– Князь, а скажите, что – все члены Ордена дворяне?

Я как раз успел пропустить третью рюмочку водочки, пока стол готовили к горячим закускам. Моё безобидное замечание тоже не поставило Алексея Петровича в тупик.

– Наш Орден сам даёт дворянство. Его присуждают решением совета под председательством магистра.

«...Ну, да... А магистр – это, конечно, ты. Хорошенький расклад...»

Тот факт, что титул передаётся по наследству или присваивается источником дворянской чести и содержанием сословия, только! – это как-то само собой не принималось во внимание. Мне даже было неловко заикнуться о таком «пустячке», чтобы ненароком не смутить вельможную особу, а то и навлечь на себя её гнев и немилость.

– И какой же титул, скажем, могут получить соискатели и что для этого нужно?

Всё стало на свои законные места. Откуда дует ветер – знать не столь важно, главное, определить – куда.

Князь приосанился, расправил плечи, вполне удовлетворённый проявленным вниманием со стороны публики. Только теперь я заметил на другом лацкане его пиджака небольшую букву «К» в виде стилизованного вензеля.

– Магистр может пожаловать титул графа или барона. Присуждают его в зависимости от заслуг и выдают соответствующую грамоту, подписанную лицами, входящими в совет Ордена.

– И что, среди этих избранных людей может найтись место и для такого человека, как я?

Мне было небезынтересно узнать, насколько организация князя – массовая и кто всё-таки туда входит. То, что Алексей Петрович мастак наводить тень на плетень общими фразами, уже стало вполне очевидным. Он словно ожидал такого рода любопытства и немедленно назвал несколько громких имён. Среди них присутствовали эпатажный эстрадный певец, знаменитая спортсменка и очень влиятельный чиновник, известный мне по русскоязычной прессе. Я допускал, что названные особы – заслуженные и уважаемые люди, но крайне сомневался, что те могли оказаться наследственными представителями господствующего сословия, права которых носить титул юридически подкреплялись когда-то монаршей милостью.

– Как видите, господа, всех, кого я упомянул, теперь дворяне, и любой из вас может доказать своё право быть вместе с нами.

Мы незаметно приблизились к тому, ради чего, собственно, сиятельство так усердствовал в неутомимом красноречии.

«...Доказать чем? – чуть не вырвалось у меня. Впрочем, мой вопрос не имел в настоящий момент смысла. – Доказать кому?..»

Понемногу ситуация начала проясняться, и каждое княжеское слово я уже воспринимал как попытку коммивояжёра всучить лысому средство против перхоти, причём, по неслыханно высокой цене. Единственное, что мне не давало покоя – это желание непременно выяснить до конца уровень профессиональных навыков охотника за дураками, который таким необычным образом ловит наивных лопухов в свои хитро расставленные сети.

По натуре я человек совестливый и всегда стремлюсь оправдать те надежды, которые на меня возлагают. Вот и теперь я изо всех сил старался быть благодарным за угощение и не перебивал Алексея Петровича. На него, как видно, нашло необычайное вдохновение, и он стал немного заходиться в рассказах о собственной исключительной персоне и о жизненном пути праведника. Вскоре князь поднялся и принёс пухлый, изрядно потёртый портфель, очень похожий на тот, с которым интеллигенты ходили в общественную баню. Однако там вместо мыла, мочалки и смены нижнего белья его сиятельство припас всё необходимое для своей благородной миссии. Лихо щёлкнув металлической застёжкой, он как новогодний Дед Мороз стал доставать оттуда удивительные и волшебные для моего понимания вещи.

Первой на свет Божий появилась роскошная грамота. Наверху блистали золотые буквы: «Святой Орден Международного Дворянского сословия». Я с почтением взял в руки ценный лист довольно большого формата. Бумага была отменного качества. Не какая-нибудь занюханная промокашка, а настоящая – мелованная. Чуть потоньше картона, но достаточно плотная, чтобы сохранять форму и не мяться. Вверху под титульной шапкой располагался герб наподобие регалии, украшавшей мятый пиджак Алексея Петровича, и далее уже шли незаполненные строки. Внизу находились несколько размашистых подписей, очевидно, соратников князя, облечённых властью и духовным правом милостиво возвышать имя счастливого до сиятельного уровня.

Алексей Петрович неторопливо давал пояснения:

– Всё зависит от заслуг претендента и его моральных качеств. Людей отличают друг от друга такие несоизмеримо важные черты, как милосердие или меценатство. У человека могут быть высокие заслуги перед Отечеством. Критерии неограниченны. Уверен, что во многих из вас возможно найти прекрасные стороны характера.

Я слушал с неослабевающим вниманием, нетерпеливо ожидая самого главного. Все эти отвлечённые рассуждения имели поверхностный смысл, и не хватало лишь основного звена.

«...Почём графство или баронство? Ну какие мы, на хрен, миротворцы или благодетели? Я и мои приятели – Нинка с мужем? Ведь чистой воды потребители, которые думают только о собственном благополучии. Те, кому глубоко наплевать на всё и на всех, лишь бы самому устроиться получше и потеплее. Прошедшие «Вэлфер»¹ и не побрезговавшие «Фудстемпами»². Расчётливо-меркантильные в получении всех возможных социальных льгот. Да и где наше Отечество, именем которого, по логике вещей, благословляется ему служение в таком почётном звании?

Нет, Алексей Петрович слишком умен, чтобы так безалаберно тратить своё драгоценное время. Ну, не пришёл же он сюда, чтобы хряпнуть водки с малознакомыми людьми или, тем более, обсуждать с ними задачи своего Ордена? Однозначно можно дать отрицательный ответ. Он хорошо знает, с кем имеет дело. Именно таким, успешно выплывшим из дерьма, как раз и не хватает для полного счастья звания дворянина, пусть даже в виде откровенной туфты. Наверняка найдутся среди нас такие, кто сам попросит и захочет заплатить. И будет потом безмерно благодарен приобрести титул в угоду даже не своему самодовольному тщеславию. Нет, подобное было бы слишком просто... А сделают соискатели липового дворянского звания это потому, что беспардонно дурацкая акция станет спасительным путём прочь от собственной никчемности».

Я посмотрел на Ниночку. Она успела принести из кухни огромное блюдо с бараньей ногой, обложенной молодой картошкой, и остановилась со всем этим великолепием на пороге столовой, с замешиванием сердца внимая словам вельможного гостя. А тот разливался сладкоголосым соловьём, пока мне ничего не оставалось, чтобы остановить поток княжеского красноречия и, не теряя времени, приступить к аппетитно пахнущему мясу.

– Алексей Петрович, вы не против, если мы на минуту прервёмся. Хозяйка уже почти всё подала на стол, и мне кажется, будет несправедливым не оценить по достоинству её труды. Да и водочка киснет, – добавил я тоном заговорщика.

Князь как-то нехорошо на меня глянул. Надо полагать, что дирижировать ситуацией он привык единолично и не допускал, чтобы кто-то вот так бесцеремонно вмешивался не в своё дело. Я тотчас заметил его реакцию, но не посчитал для себя нужным усомниться в правильности оказать Нине содействие.

«...А ну тебя на фиг! Нинка старалась, и это будет свинство, если всё остынет...»

Впрочем, я напрасно беспокоился. Едва выпили и успели разложить поданное по тарелкам, как Алексей Петрович опять взял в свои руки бразды правления.

– Членами нашего Ордена являются многие уважаемые люди, – произнёс он отработанно-поставленным тоном оратора, прожевав первый кусок.

Перечень лиц, входящих в список новых дворян, получился довольно внушительным. Помимо уже названных, он упомянул с десяток других. Правда, утверждение о проистекающей в их жилах потомственной голубой крови прозвучало явно неуместно. В прошлом, оглядываясь на их сегодняшний статус, они наверняка состояли в рядах КПСС, но я предпочёл не касаться столь щекотливой темы, понимая, что нынешнее положение жалования привилегий родовитости, тем более организацией во главе с Алексеем Петровичем, вполне может не соответствовать моей логике. В одном я испытывал недоумение – что могло прельстить людей подобного полёта стать дешёвыми комедиантами?

«...А может, сиятельство бессовестно врёт?...»

Подозрение закралось само собой, стоило мне пораскинуть мозгами.

«...Ведь некому опровергнуть и некому подтвердить...Ох, дядя, что-то вы темните...»

Судя по месту, занимаемому этими людьми в общественной жизни, они сумели хорошо преуспеть, обладая от рождения недюжинным умом и завидной хваткой. То, что все титулы примерно такого же качества, как и самодельный орден его обладателя, сомневаться не приходилось. С подобной продукцией мне довелось познакомиться уже очень давно, в годы полулегальной деятельности одного моего приятеля в благословенные брежневские времена. Мой знакомый делал и продавал ремни из кожаных заменителей. Изготавливал он их кустарно, но использовал в качестве машинного труда ручной пресс для пробивания дырок. Несколько несложных подготовительных операций, шлёп и готово! Слушая сейчас эту титулованную особу, во мне проснулось то же самое ощущение, которое я испытывал, спускаясь в полуподвал, где находилась контора моего приятеля. Вот-вот раздастся знакомый шлепок прессы, и очередной ремешок будет готов для невзыскательного вкуса потребителя, не избалованного продукцией советской лёгкой промышленности.

Я даже автоматически прикинул накладные расходы на изготовление дворянских регалий и документов. В них входили стоимость не крупного заказа какой-нибудь литейной мастерской, специализирующейся на ширпотребе, и затраты на сотню грамот, отпечатанных артелью сообразительными исполнителями и современным оборудованием. Плюс моральные издержки, естественно. Общаться с людьми, полагающими, что родовитость и дворянская честь покупается, – это серьёзное испытание.

Вообще, всё вместе взятое, по большому счёту, производило впечатление маскарада. Мне и самому доводилось участвовать в похожем. Правда, тот намного масштабней и интересней и называется «Ярмарка Ренессанса». Это мероприятие проводится ежегодно в окрестностях Лос-Анджелеса, привлекая многочисленных зрителей и участников. Мне доставляет неопишное удовольствие раз в сезон обрядиться в костюм эпохи королевы, последней из династии Тюдоров, натянуть на голову традиционный берет со сколотый крупной брошью страусинным пером и в таком наряде появиться на традиционной встрече чёрт знает где. К слову сказать, в последнее время я вместо берета предпочитаю шлем конкистадора. Его специально для этой цели я привёз себе из Толедо. Можно было, безусловно, такой же приобрести в Америке, но моё сердце принадлежит изделиям испанских умельцев, тем более из города, некогда овеянного славой единственного в Европе, который выделял сталь не хуже дамасской. Нарядившись вот так и навесив на пояс шпагу в ножнах, мне ничего не стоит незаметно для самого себя провести там целый день среди таких же чокнутых, как и я сам. Впрочем, нет. Я чувствую себя там иначе. По-другому. Свободней от гнетущей иногда современности. Меня окружают загадочные женщины, скрывающие улыбку за раскрытым веером, и я могу только наблюдать их любопытные взгляды, обращённые на иностранца в испанском шлеме.

– Spanier! Spanier!

Ах, как начинает стучать в висках кровь! И хотя я вовсе не подданный испанской короны, во мне мгновенно просыпается волнение от неподдельного внимания прекрасных дам.

Наверное, с подобным ощущением туда устремляются такие же романтики духа, не идеализируя далёкое прошлое, а лишь всецело погружаясь ненадолго в его атмосферу, придуманную ими самими. Спасительное бегство от ежедневных обязанностей в возвышенный и благородный, как нам кажется, мир, несмотря на то, что всё это – балаган.

Я вспомнил о ярмарке и тут же слегка огорчился, что Ниночка не предупредила меня о возможности покрасоваться в средневековом шлеме.

«...Эх, жалко, что не надел его сюда, а как бы пришлось кстати. Его сиятельство со своим орденом и я в железной шапке. А!..»

Алексей Петрович, сам того не ведая, растревожил в моей душе волшебное настроение. Я даже подумал прихватить его однажды с собой на «Ярмарку» и познакомить белокожую, рыжеволосую американскую актрису – почти настоящую королеву с русским проходимцем – с почти настоящим князем. Он мог бы смело вписаться в представление. Костюм, правда, плохонький, но зато есть кураж его носить, а это в таком деле – главное.

Мы как раз закончили с горячей закуской, и Ниночкин гость опять потянулся к своему заветному портфелю. Теперь настал черёд фотографий с запечатлёнными моментами посвящения в рыцарское достоинство. Я глядел во все глаза, изумляясь изобретательности Алексея Петровича.

«...Сам себе режиссер», – вспомнилась тут же популярная телепередача, стоило мне только взглянуть на фигуру магистра в бордовом плаще-накидке и каком-то невообразимом головном уборе, держащим меч над головой потенциального дворянина, то бишь в недавнем прошлом – гражданина СССР. При виде таких впечатляющих аксессуаров, о которых раньше я и не подозревал, мои мысли опять вернулись к своей шпаге и шлему.

«...О! Наш человек! Это уже значительно лучше! Что же он молчал? С такой сабелькой его сиятельство вполне впишется в компанию моих друзей на «Ярмарке Ренессанса».

Фотографий князь заготовил немало, и на каждой из них он непременно присутствовал. Впрочем, не понимать всю необходимость таких бесценных свидетельств зарождения новой элиты мира было бы непростительно.

«...А вот, безусловно, важный и торжественный момент – скрепление подписью святейшей грамоты. А это, очевидно, сиятельные члены Ордена...»

Я передал фотографии Нине. Она буквально стала их пожирать глазами и очень тихо делилась впечатлениями со своим мужем. Напрасно я искал у неё или у него в глазах смешинку – они были предельно серьёзны и даже растроганы.

«...Общество меча и орала. Я дам Вам Парабелум...»

Эта фраза героя любимого литературного призыва буквально зависла на кончике моего языка, стоило мне взглянуть в их застывшие лица. Тем временем в руках у Алексея Петровича появились новые диковинки. На этот раз ими оказались латунные значки, подобные тому, что был вколот в лацкан его пиджака. Стилизованные буквы «Г» и «Б». Они тут же вызвали в моей памяти чёткую ассоциацию. Так выглядели символы родов войск на погонах офицеров советской армии. Танки, пушечки, крылышки, молнии... Уставные знаки отличия, которые когда-то, в лучшие времена, в ассортименте лежали под стеклом на витрине военторга и стояли, если мне не изменяет память, по тридцати копеек за штуку.

– Вот. Обратите внимание, – князь пустил по рукам мелкие железки. Отказать ему в умении работать с клиентом – означало не признать одно из его выдающихся достоинств.

– С титулом и грамотой граф или барон получают вот такие отличия, – продолжал он. – Человек, обладающий подобной символикой, может требовать, чтобы к нему обращались в соответствии с его статусом «Ваше сиятельство».

Услышав слова князя, я подумал о двух вещах: первое – хорошо бы выпить ещё водки, а вторых, задал себе вопрос: что произойдёт, если я не подчинюсь требованию такого, с позволения сказать, вельможи? Наверное, он должен будет приказать меня выпороть, поскольку я не являюсь субъектом для дуэли?!

– Ниночка, а как насчёт водочки? Простите великодушно, ваше сиятельство, не изволите ли присоединиться?

Алексей Петрович опять как-то недоброжелательно зыркнул в мою сторону. Я явно выпадал из ряда последователей его идей возрождения дворянского сословия, сформированного из бывших пионеров и комсомольцев. А может, ему тон мой не понравился?! Так я вовсе и не собирался иронизировать над княжеской манерой изъясняться благородно и витиевато, как то подобает отпрыску древнейшего аристократического рода. Боже упаси! Во всём виновата моя не всегда уместная черта характера...

Стоит мне только попасть в чьё-либо общество, я тут же подхватываю настроение и манеру говорить. Я по своей натуре – обезьяна и поэтому с лёгкостью перенимаю ужимки, жесты и даже интонации голоса. К счастью, Нинин муж был не прочь составить мне компанию, и я, желая немного переменить тему, попытался незаметно перевести разговор в другое русло. Водочка прояснила мозги, и мы постепенно отвлеклись.

– Алексей Петрович, а что вы думаете по этому поводу? – Я из самых лучших побуждений пригласил князя высказать свою точку зрения. Мне безумно надоели глупые расшаркивания, тем более что я уже ни грамма не сомневался, что все его рассказы – это стопроцентная липа. Какие-то самопальные грамоты, дурацкие значки... Общество фалеристов! Полный бред! Ну, не выдаю же я себя за рыцаря Круглого стола, хотя мой костюм не хуже того, что носили когда-то отпрыски королевских фамилий. Князь всё это время, насупившись, молчал и теперь словно очнулся.

– Меня пригласили сюда, чтобы я рассказал о нашем Ордене.

Алексей Петрович был явно раздосадован моим непочтением к его особе и к той лаже, с помощью которой он беззастенчиво старался произвести впечатление человека, облечённого полномочиями божьего помазанника. У него даже немного съехала лента на сторону.

– Если не угодно, я могу не продолжать.

Нина постаралась сгладить возникшую шероховатость.

– Ну что вы, князь! Нам всем безумно интересно.

Она многозначительно стрельнула в меня глазами.

«...Нет проблем. Уже молчу», – я виновато улыбнулся Ниночке, как бы пообещав вести себя прилично. Собственно, в моих же интересах было не мешать князю выговориться. Его стоило дослушать до конца, чтобы выяснить самое основное – сколько?

«...Ну не за красивые же глаза он здесь распинается...»

Где-то ещё с полчаса князь распространялся о своих корнях, ухивившись чуть ли не к Рюрику, когда вдруг осторожно заметил:

– Многие дворяне нашего Ордена жалуют некоторые суммы на благодеяния.

Я предусмотрительно не стал уточнять, в каком направлении их благородия тратят денежки. Благоприятность – она и в Африке благоприятность, главное – не задумываться, кому она выгод-

на. Ну, не на страждущих же и убогих направлены заботы и чаяния богатеев, решивших расщедриться во спасение души. То, что передо мной человек сообразительный и не лишённый способности играть на не самых лучших чертах человеческого характера, рисовалось очевидным.

«...А ведь этот московский виртуоз отнюдь не дурак...»

Я отчего-то вспомнил Николая Васильевича Гоголя и его роман «Мёртвые души», несправедливо затасканный в своё время школьной программой.

Тщеславие – пожалуй, самая дорогая людская слабость. Однако оно не только опустошает карманы, но и, к сожалению, делает свою жертву слепой. Всегда найдётся кто-то, кому покажется, что, надев башмаки Гулливера, тотчас вырастешь из лилипута в великана...

Его сиятельство сегодня был в ударе. Надо отдать ему должное: несмотря на малочисленную аудиторию, он отработывал по полной программе. Мне даже стало неловко от сознания, что вдруг никто не откликнется и столичный гастролёр так и останется с пустыми руками. Я с надеждой посмотрел на Ниночку, её мужа и остановился на себе, безуспешно прикидывая, какие же из наших помыслов в последние годы можно было бы назвать благородными.

«...М-да... Увы-увы...»

Оставалось только плюнуть в сердцах, проследив с сожалением весь наш незатейливый список желаний и довольно низменных устремлений. Я ещё раз перешерстил свои и Нинкины порывы и деяния, вздохнув от неуместности притязаний на роль носителей бессмертных идей.

«...Ну какие, к бесам, из нас графья? Тьфу! Одна срамота. А может, мои понятия чересчур идеальны? – я уже было начал сомневаться в заниженной самооценке, но тут же спохватился.

«...А могли бы мы все, включая этого пройдоху в несвежем жилете, стать гордостью нации? Не в этом ли заключается главный и основополагающий принцип дворянства, дающий неоценимое право быть обязанным больше других? Вот то-то и оно, что тот, кто сегодня претендует на столь высокое звание, совершенно не задумывается о подобном...»

Познания Алексея Петровича в области генеалогии царственных особ и порядка жалования ими всевозможных титулов выглядели, мягко говоря, недостаточными. Стоило мне затронуть эту тему и спросить у него, какое законодательство о присвоении дворянства из существующих в истории того или иного государства он считает наиболее приемлемым к своему Ордену, и князь благоразумно не стал вступать в полемику. Вообще, моё присутствие, как мне показалось, стало действовать ему на нервы. Как хороший психолог, он уже давно вычеркнул меня из перечня возможных кандидатов. Рассчитывать на людей самокритичных, обладающих элементарным знанием в делах такого рода, было бы глупо, и он больше не строил праздных иллюзий.

Увлёкшись, мы все как-то даже позабыли о дочке Алексея Петровича. Та не принимала участия в разговоре, и, судя по её отсутствующему взгляду, мысли девицы находились запредельно далеко от папенькиного выступления. Скорее всего, витала она в мечтах на дискотеке или в клубе, среди своих сверстников, где и говорят на другом языке, и тусуются с большим проком.

«...Если её папаша князь, то, значит, она, по логике вещей, княжна? – я автоматически проследил их титулованную родственную цепочку. – Княжна Арина! А что, вовсе неплохое звуковое сочетание. Как, интересно, относятся к особому статусу девицы её ухажёры или она скрывает от них, этих юных нигилистов, свою родовитость?..»

Мне даже удалось представить на минуту разговор её товарищей-сверстников.

– Представляешь, дёрнул вчера тёлку, а у неё мамаша – княгиня!

– Что, в натуре или она просто тебе лапшу на уши навесила?

– Ну, что я похож на лоха, блин?! Говорю тебе, настоящая княжна...

Далее диалог мог развиваться по разным сценариям в зависимости от намерений его участников.

Я приподнял графин с приветливо плескавшейся уже на самом дне водкой и передал его Нинкиному мужу. Ну не оставлять же там «кошачьи слёзы»?!

– Алексей Петрович, ещё рюмку?

Тот в знак отказа замотал головой.

«...Оно и к лучшему. Чем меньше нас, тем больше наша доля», – я не без удовлетворения встретил отказ нашего собутельника. Встреча заканчивалась, вернее сказать, аудиенция с его сиятельством подходила к завершению. Он уже немного подустал и равнодушно, по-простецки хлебал чаёк. На сладкое Ниночка подала «Киевский» торт.

– Ещё чаю, князь? – она буквально источала предупредительную внимательность к своему гостю. Тот о чём-то задумался, но, миг очнувшись, тут же продолжил.

– Так что, каждому из вас предоставляется уникальный случай.

– Opportunity, – подсказал я услужливо.

– Что? – не понял Алексей Петрович.

– Я говорю, счастливая возможность, стечение благоприятных обстоятельств, удобный шанс – opportunity. В английском языке это очень ёмкое определение. Наверное, жители объединённого королевства лучше других ощущают важность судьбоносных моментов.

– Да. Совершенно верно.

Алексею Петровичу понравилось иностранное слово, пусть даже и не исходившее от него самого. Оно имело прямой смысл к его проповедям. В моём замечании князь не почувствовал и тени иронии, он лишь старался запомнить красивый звучный термин, собираясь взять его себе на вооружение. Опять-таки блеснуть при случае знанием чужого языка.. Наверняка сегодняшний визит не был первым в его гастрольной поездке и уж совершенно точно не будет последним. Я покосился на выдавший виды переполненный портфель.

«...Ну чем не грандиозные планы современного великого комбинатора? Нет, не оскудела земля русская...»

Рекрутировать двадцать человек, которые должны будут заполнить вакантные места в Дворянском собрании на западном побережье, – это серьёзная работа...

Их сиятельство сделал небольшую паузу и подытожил:

– Пожертвовав на нужды нашего Ордена, можно стать дворянином. Титул графа – семь тысяч долларов, баронство может быть пожаловано за пять...

* * *

Нина позвонила мне через несколько дней.

– Ну что? Ты надумал?

– Ты о чём?

Я слегка растерялся, судорожно пытаюсь сообразить, что конкретно она имеет в виду.

– Неужели ты не понял, что тебе представился редкий шанс.

– Какой шанс? Ниночка, золотце, объясни, пожалуйста!

– Господи, да всё очень просто. Ты помогаешь дочке Алексея Петровича. Ты же говорил, что хочешь сдать внаём свой кондоминиум, а ей как раз нужна квартира на полгода. Ариша там поживёт, а князь тебе за это пожалует титул графа.

– Он!

Я рассмеялся в трубку.

– Мне титул?

А на фиг, я сильно извиняюсь, он нужен мне – потомственному пролетарию? Ниночка, я тебя обожаю! Окстись! С таким же успехом и точно такой же титул я могу пожаловать своему коту! Та же правовая и юридическая основа. Ты что, действительно поверила во всю эту белиберду?

Я, откровенно говоря, не ожидал такого развития событий. Мне показалось, что Алексей Петрович не лишён проницательности, во всяком случае, на мой счёт. По- моему, я не подал ему ни малейшего основания считать меня законченным идиотом.

«...Или он стрижёт всех под одну гребёнку?..»

Был у меня подобный приятель, предлагавший из самых лучших побуждений переспать каждой девушке, встречавшейся на его пути. Получится-получится, а нет – так тому и быть.

«...Уж не та ли самая тактика и у этого родителя новых дворян?..»

Честно признаться, Нина меня немного шокировала. Ей-Богу, я думал о ней лучше.

– Прости, моя дорогая, но твоей княжне и её разлюбезному папаше придётся поискать кого-то другого, если, конечно, найдётся подходящий клиент и прельстится его предложением.

Нина на минуту примолкла, всё ещё не решаясь окончательно поставить крест на моей персоне как на потенциальном заседателе дворянского собрания. Я, вероятно, её жутко подвёл. Мне стало это вдруг понятно со всей очевидностью. Она думала обо мне как о серьёзном мужчине и до последней минуты лелеяла надежду, что её давний друг будет более сговорчивым.

– Ну, дело твоё.

Как мне показалось, Нина обиделась. Вернее, была раздосадована поведением человека, на которого явно рассчитывала. Только теперь я понял, в чём заключался её интерес. Обеспечив пару вот таких соискателей, готовых деньгами или услугами купить себе липовый титул, она сама станет графиней! Ей сделают скидку за заработанные комиссионные!

«...Господи, прямо дворцовые интриги! Только на уровне "Джонса"»³.

Я, право, не знал, как и реагировать. То, что Алексей Петрович сумеет отыскать среди эмигрантов последней волны подходящий человеческий материал, мне не приходилось сомневаться. Бывшие советские граждане редко меняются внутренне. Что оставшиеся в России, что перебравшиеся в Америку. И вообще, люди есть люди. А если кто-то теперь влечёт жизнь во всех удовольствиях, ему следует вовремя подсказать, какими эти удовольствия могут быть, и направить страждущего в нужном направлении..

«... Ай да удалец – Алексей Петрович! Отец родной! Благодетель, явившийся как спаситель в нужную минуту!»

Как не снять шляпу перед таким дарованием?! Я преклоняюсь перед подобными индивидуумами, овладевшими тайной философского камня, заключающейся в знании точного рецепта превращения неосязаемой людской глупости во вполне ощутимую денежную массу. Они всегда добиваются своего при любых формациях и неважно, где эти люди обитают. В натуре Алексея Петровича я вдруг увидел не только признаки личности лидера и холодный расчёт тонкого психолога, но и ироничную уверенность Люцифера, достойную всяческого восхищения.

«...Но зачем Нине вся эта половина?! Вроде бы умная женщина?!»

Я чувствовал, как уважение к ней постепенно тает и передо мной уже маячит риск потерять близких мне когда-то друзей.

«...Что она видит в этой блестящей мишуре? Неужели ей кажется, что с заваливающим алюминиевым значком и паршивой типографской бумажкой она обретёт некий незыблемый статус?! Прыгнет выше своей головы? Из грязи да в князи? Впрочем, извернуться и шикануть хотя бы раз на глазах своего же невзыскательного окружения – это ли не тот немеркнущий огонь, что плембсу греет душу? Неужели это новая форма снобизма? Какая-то уж очень странная. Я граф... Или... Я барон! Думать о себе как о титулованной особе и самозабвенно заходиться в восторженной гордости, но только втихаря, потому как о таком даже и заикнуться неудобно, чтобы, Боже сохрани, не сочли за дурака...»

* * *

Прошёл год с небольшим. Впечатления от обеда в компании Алексея Петровича у меня совершенно вылетели из головы. Ну мало ли случается курьёзных встреч?! Ниночка за это время сумела наскрести необходимую сумму для первоначального взноса и купила себе собственное жильё. В Америке это всегда событие. Сама жизнь здесь диктует приоритеты, от которых редко кто отказывается, предпочитая им собственный взгляд на вещи важные по своей сути. Мнение большинства необязательно несёт в себе только косность, есть там иногда и здравый смысл.

Нина устроила новоселье, и меня включили в число приглашённых на банкет. Он не был многолюдным: приехали ещё две пары, виденных мною у неё прежде – Илья с Мариной и Алик с Машей. Сказать что-нибудь определённое об этих людях я бы поостерёгся. Расхожее мнение, что первое впечатление обманчиво – для меня так же безосновательно, как и уверенность в рецепте, что следует съесть пуд соли с человеком, которого хочешь узнать поближе. Я доверяю своей интуиции, и чаще всего она меня не обманывает. Вот и Ниночкины гости с самого начала виделись мне настолько бесцветными, что, сколько ни старайся отыскать в них хоть какую-то изюминку, всё равно ничего не выйдет. Пустое... Казалось, поменяй кавалеров местами – и трудно будет сообразить, кто с кем пришёл. Впрочем, Алик выделялся невероятным количеством самопальных ювелирных украшений, якобы от «Картье». Я даже про себя его окрестил именем – мужик-ёлка.

Пожимая Ниночкиным приятелям руки, я заметил у Ильи на лацкане пиджака знакомую букву в виде вензеля.

«Г»! Хм... Где-то я уже видел подобную?! – промелькнула искра-догадка, но думать долго не пришлось.

«...Ах, да! Графский титул... И к его обладателю следует обращаться "Ваше сиятельство"...»

Я посмотрел на этого пассажира и сразу понял, что именно титула ему как раз и не доставало в последнее время. Дом в престижном районе города, в гараже – «Мерседес», на запястье – платино-

вый Ролекс. Полный джентельменский набор и его американская мечта, вот только больше нечем перещегоолять других. А тут на тебе, такая счастливая оказия! Теперь уж совершенно точно Илюшина мама – в прошлом продавщица овощного магазина, а теперь получательница дополнительного социального дохода и дама во всех отношениях положительная, проживающая в квартире по восьмой программе⁴, сможет с гордостью рассказать об удивительном факте своим соседям, таким же, как и она, советским эмигрантам:

«...Вон оно как! Сын в Америке выбился в графы...»

Но самое невероятное состояло в том, что и Алик нацепил себе точно такую же брошку. Она, правда, терялась среди прочих его украшений, но не настолько, чтобы бессовестно остаться незаметной.

«...Что, и этот граф? Ну прямо не новоселье, а то самое Дворянское Собрание. Ну вот – все в белом, а я в говне. А что же наша хозяйка? Или она бездарно проворонила редкий шанс?..»

Только сейчас я обратил внимание на знакомую грамоту с приметным гербом, занимающую почетное место на центральной стене в Ниночкиной гостиной.

«...Ну конечно же! Как я раньше упустил её из вида?! Господи, как неудобно, даже ничего не сказал и не выразил восторга...»

Ниночка поместила важную для неё бумагу в золочёную рамку с паспарту и теперь с гордостью показывала имя своего мужа, туда вписанное.

«...Совсем мозгами тронулись», – подумалось мне невольно. Несмотря на мой нескрываемый скептицизм по поводу возни вокруг раздачи титулов, Нина, похоже, считала, что утёрла мне нос, хотя мы никогда не соревновались друг с другом, как и кто больше достигнет в этой стране.

«...Бедная девочка. Хотя... Чем бы дитя не тешилось...»

Не остались без внимания и памятные фотографии торжественного мероприятия. Она принесла их целую пачку после того, как все основательно поели и выпили. Я старался быть серьёзным, насколько мне позволяло моё полухмельное состояние.

«...Ай да Алексей Петрович! Ну и гусь! Интересно, как она рассчиталась?..»

Уверенность в том, что мои приятели не потратили ни цента, не вызывала у меня ни малейших колебаний.

«...Сумма, пусть относительно незначительная, но ей Ниночка распорядилась бы с большим проком. Даже, с учётом скидки от комиссионных, тыщонку, а то и полторы, князь рассчитывал с них получить. Другое дело, что Нинка обошлась без материальной составляющей. Не такая она простушка. Деньги хоть и невеликие, но настоящие. Современный навороченный пылесос или барбекю из нержавеющей стали – вещи несоизмеримо более важные при сжатом бюджете, чем титул, которым неизвестно когда можно будет воспользоваться. Нет, Ниночка не из тех, кто бездумно швыряет кровно заработанные на всякую ерунду...»

Расчёт и скаредность чаще всего побеждают тщеславие, а оно ведь тоже своего рода полёт души. Однажды, увидев меня полностью экипированного для «Ярмарки Ренессанса», Нина недоверчиво поинтересовалась:

– Ну и где ты такое прикупил и сколько всё это стоит?

В её глазах присутствовало некоторое недоумение, что кто-то может заплатить больше пятидесяти долларов за карнавальный костюм.

– Тебе нравится?

Во мне с надеждой проснулся романтик эпохи раннего Возрождения, наделённый, как и большинство мужчин, повадками павлина. Нина продолжала разглядывать элементы выделки бархатного дуплета, покосилась на короткие буфчатые штаны-чулки с прорезями по бокам и даже постучала пальцем по стальному шлему, чтобы удостовериться, что его не слепили из пластмассы. Я подсознательно ожидал услышать похвалу. Костюм стоил того. Сшитый на заказ, он был точной копией одеяния вельможи времён Елизаветы Английской. Даже рубашка из тонкого полотна с овальным сильно собранным вырезом и накладными манжетами рукавов, повторявшая до мельчайших подробностей выкройку и швейное мастерство тех дней. Поверх дуплета на мне был надет тапперт – короткий, подбитый шёлком плащ. Почти непроизвольно я положил руку на шпажный эфес и отвесил Нине поклон.

– Ну разве звон серебра чего-нибудь стоит по сравнению с возможностью заслужить внимание прекрасной дамы? Один-единственный благосклонный взгляд осчастливит сердце странствующего рыцаря!

– Ой-ой! Как мы умеем выражаться...

Ниночка даже не пыталась мне ответить в тон. Моё безобидное приглашение к шутливому диалогу наткнулось на глухое неприятие. Прикинув мысленно цену за мой роскошный костюм, она уже не могла мне простить принадлежность к другому миру, где существует место неординарным и сумасбродным выходкам. Нина словно хотела осадить меня и умерить тот пыл, так нравившийся ей тайно в других мужчинах и полностью отсутствующий в её собственном муже. Месть женщины многолика. Совсем не обязательно признаваться себе в этом чувстве – стоит только уловить в сознании неудовольствие ревнивой собственницы, что ты лишена того, чем владеет другая.

С мыслями о Нине и князе мне вдруг пришли в голову два классных литературных персонажа – лиса Алиса и кот Базилио. Два дружочка, готовые в любую минуту предательски подставить друг другу ножку. Наверняка Ниночка была уверена в том, что на сей раз с минимальными затратами не упустила шанс. Она вовремя подсуетилась, и князь ей по-дружески скостил цену за титул. И тот, очевидно, потирал руки оттого, что успешно нагрузил её бредятиной по самую макушку.

Как раз в моих руках оказались снимки со всеми участниками благородной встречи. По всей видимости, те были сделаны у кого-то в доме, потому как помимо Нинки и её мужа там ещё находились и эти две пары, да и вид помещения уж сильно напоминал чьё-то жилище, стандартно обставленное на американский манер. Посмотреть на паноптикум не выпадает часто, и я внимательно разглядывал всех тех, кто там присутствовал.

«... Да уж это вам не хухры-мухры...»

От вида торжественно одетых пар, самозабвенно позировавших в компании князя, у меня случилась нервная икота. Я едва себя сдерживал, чтобы не расхохотаться, настолько на фотографиях уморительно смотрелись сомлевшие от упоения женщины. На их лицах застыла трогательная гордость от созерцания своих мужей – новоиспечённых рыцарей духа с алыми лентами на выпяченных вперёд животиках. Да и Алексей Петрович не подкачал, облачившись для торжественной церемонии в пурпурную мантию. Я поискал глазами на снимке его орден и к своему облегчению обнаружил регалию по самому центру груди князя на массивной, как у собаки, цепи. Издали и тем более на фотографии он блестел ещё ярче. Если бы Алексей Петрович взял в руки бубен, то он бы вполне сошёл за шамана. Судя по позам и по тому, как вся живописная группа стояла в виде шахматных фигур, здесь происходило посвящение в их карикатурное дворянство.

«...Ну прямо «Клятва Горациев», – я вспомнил небезызвестное полотно Жака Луи Давида, но на всякий случай обошёлся без комментариев.

«...А вот и необходимые атрибуты! Грамоты, эмблемы. Процедура прямо на дому у заказчика. Быстро и без хлопот. И документ в зубы, не отходя от кассы. Хороший сервис, чёрт возьми!

Интересно, что они о себе думают? Вероятно, представляют свою исключительную принадлежность к закрытому и избранному сословию. А может быть, размышляют о великой чести служить Отечеству? Или они даже слов таких не знают?! И вообще, как эти люди себя воспринимают? Неужели всерьёз и без оглядки на тот факт, что кто угодно может стать вот таким опереточным графом, заплати или окажи он услугу материального характера?! Какого ощущение называть себя ничего не значащим титулом, раздающимся направо и налево, как сахарные петушки в базарный день неизвестно кем и неизвестно кому?! По крайней мере, в качестве этого звания никто из них не сомневается. Да-с...»

Меня так и подмывало спросить напрямик, без всякого риска, как Д'Артаньян, быть вызванным на дуэль сразу троими:

«...Ребята, у вас с головой всё в порядке?..»

Алексей Петрович вырос в моих глазах ещё больше.

«...Молодец! Какой молодец...»

Эпилог

Как оказалось, несколько недель спустя после нашей встречи, тогда, год назад, князь благополучно укатил обратно в Россию, оставив на Ниночкино попечение свою дочку. Квартиру Ариша себе так и не сняла и всё это время жила у Нины. Правда, вместо предполагаемых шести месяцев – целый год. Ну так уж получилось... Она умудрилась выправить себе нужные бумаги и легализовалась в стране. Надо полагать, по ходатайству Дворянского Собрания?!

Ариша поступила в колледж, правда, не в привилегированное учебное заведение, что, по логике вещей, должно было соответствовать её титулу, а в обычный публичный – для городской бедноты. Я так понимаю, что этот жест служил свидетельством необыкновенной демократичности взглядов,

принятой в новом дворянском сословии, и она просто не могла поступиться благородными идеалами своего отца. Первое время Ниночка по своей душевной доброте её туда возила, но вскоре Ариша купила себе машину, избавив тем самым семью моих приятелей от назревающего конфликта. Как важно, когда человек принадлежит к высшему обществу – у него тогда и манеры другие. Не желая быть нескромной, она, как истинная княжна, старалась не привлекать к себе внимание и избегала появляться без нужды на людной улице. Даже свою машину Ариша держала на домовой закрытой стоянке, а Ниночкин муж парковал свою – где придётся в радиусе квартала-двух от дома. Автомобиль она обслуживала и ремонтировала в принадлежавшей Алику автомастерской. Всё это я узнал из разговора позже. Как проявили себя Илья и Марина и за что им была оказана высокая милость, мне выяснить не удалось. Беседа перешла на какие-то сплетни, и я уже не слушал.

Примечания:

¹ Система социального обеспечения, действующая в США.

² Специальные выучеры, на которые можно покупать пищевые продукты.

³ «Джонс» – недорогой продуктовый супермаркет в Лос-Анджелесе, популярный среди русских эмигрантов.

⁴ «Восьмая программа» – специальная программа субсидированного жилья для малоимущих, действующая в Калифорнии.

Владимир ПЕНЧУКОВ

Родился в Курской области (Россия). Служил на Дальнем Востоке. В разные годы жил и работал в городах: Ленинград, Рига, Курск, Новые Анены (Молдова), Киев, Москва. Побывал на Крайнем Севере – в Норильске и на Ямбурге. В настоящее время живёт в Харькове. Автор четырёх книг прозы. Член Союза писателей России, член Национального Союза писателей Украины. Печатался в журналах: «Слобожанский круг», «Славянин» – Украина; «Подъём», «Дон», «Вологодская литература» – Россия; EDITA – Германия; «Побережье» – США.

Двое

По старому парку идут двое – он и она. Он – высокий, широкоплечий брюнет. Лицо худое, скуластое. Низкий лоб рассечён морщиной. В голубых глазах – усталость. Сразу и не скажешь, сколько ему лет. Она... о таких говорят: мимо пройдёт – обернёшься.

Идут медленно. Молчат. Руки в карманах плащей, воротники подняты: ветрено. Вокруг – ни души.

Под ногами шуршат опавшие листья.

– Ты и вчера приходил? – наконец заговорила она.

– Да, – не сразу ответил он. – И вчера, и позавчера.

– Я знаю. Мне мама говорила.

– Пряталась?..

Она промолчала.

– А чего ж сегодня-то?..

Она осторожно тронула его за рукав.

– Потому что ты хотел этого.

Он усмехнулся, вынул руки из карманов и привычным движением разгладил плащ под поясом, будто убрал складки под ремнём на шинели. После долгой, слишком долгой, службы в армии в штатской одежде ему как-то неуютно: чего-то не хватает, хотя и скучал по «гражданке» четыре томительных года.

– «Я хотел этого», – усмехнулся он. – Ну и хитра же ты, Ритка.

Девушка обиженно опустила голову.

– Почему ты такой злой, Серёжа?

С дальнего конца аллеи навстречу им медленно трусила рыжая дворняжка. Поравнявшись с Сергеем и Ритой, собака подняла морду, мельком взглянула на них и побежала дальше.

Сергей обернулся, проводил её взглядом.

Сыпанул дождь. Рита натянула капюшон плаща на голову.

– Почему ты не отвечаешь?.. Не хочешь разговаривать со мной?..

Сергей усмехнулся.

Рита опять:

– Хочешь избавиться от меня?

Сергей удивлённо посмотрел на неё, но тут же насупил брови.

– Да, хочу.

– Врёшь, – не поверила Рита. – Зачем же тогда приходил?

– Хотел посмотреть на тебя во всём твоём безобразии.

Рита сердито глянула на Сергея, наверное, тоже хотела сказать какую-нибудь грубость, но спохватилась: не стоит злить. И улыбнулась. И тихо спросила:

– Ну и как?..

Она осторожно взяла Сергея под руку. Сергей замедлил шаг.

– Ну и как? – повторила Рита и заглянула ему в лицо.

Сергей торопливо отвёл глаза.

Из беседки, прихрамывая, вышел мужик в грязных кедах, старых милицейских галифе, замызганной фуфайке и серой заячьей шапке-ушанке. Подвёрнутые, но не схваченные тесёмками отвороты шапки, словно биолокаторы гуманоида, торчат в стороны и ритмично покачиваются при каждом шаге. Мужик прихрамывает. Сергей узнал его – Еремеич, сторож, и он же главный распорядитель парковых каруселей... и пожалел о встрече. Не любили Еремеича в посёлке. Особенно молодёжь. И даже побили однажды. Но так и не отучили подглядывать и подслушивать из-за кустов.

– Привет, Еремеич! – Сергей приложил руку к «козырьку». – Тебе ещё не перебили вторую клешню?

Сторож поднял небритое, с посиневшим носом лицо и прищурился на Сергея выцветшими глазами. И ничего не ответил.

– Ты что, Еремеич, не узнаёшь? – удивился Сергей.

– Пойдём от него, – тихо попросила Рита.

– Это же я – Сергей. Забыл?

Еремеич разомкнул пересохшие губы.

– Сергей?.. А!.. Да-да, помню... Как же... Ты ещё на той неделе дал мне «рваный» на папиросы. – Еремеич начал суетливо рыться по карманам... И не нашёл ничего. – Как раз хотел отдать. Где же он запропастился?.. Ты же знаешь – я не люблю задалживаться. – Он снял шапку и заглянул в неё. – И тут нету. Ну надо же, а! Но я обязательно отдам. Ты же знаешь – я не люблю задалживаться.

– Ну ты даёшь, Еремеич... Охренел, что ли?.. Я же только что приехал, из армии. Никакого «рваного» не давал тебе.

– Не давал! – обрадовался Еремеич. Сергей кивнул головой. Еремеич заулыбался желтыми зубами и по-детски запрыгал на одном месте. – Вот хорошо-то как!.. То-то я вижу: ты – не Сергей.

– Да Сергей я, Сергей... Разуй свои очи.

Рита дёрнула парня за рукав плаща.

– Что ты с ним разговариваешь! – сердито зашипела она, отвернулась... и торопливо зашагала вперёд.

Сергей виновато улыбнулся Еремеичу и поспешил вслед за Ритой.

– Подожди.

Он догнал её, взял под руку. Та в сердцах отстранилась и ускорила шаг.

– Да подожди ты! – начал злиться Сергей.

Рита – ещё быстрее. Сергей остановился.

– Ну, как знаешь.

Он достал сигареты и спички. Рита сделала ещё несколько шагов и тоже остановилась. Оглянулась: Сергей молча стоит и курит.

Дождь усиливается.

– Так и будешь там стоять? – не выдержала Рита.

Сергей ничего не ответил.

– Хочешь, чтоб я подошла? – Рита скривила рот. – Ты всегда стоял на своём.

Сзади послышались торопливые шаги. Сергей обернулся – Еремеич.

– Серёга, дай «рваный» до полочки. Я обязательно отдам. Ты же знаешь – я не люблю задалживаться.

Сергей достал «трёшку».

– На.

И секунды не раздумывал Еремеич.

– Я сейчас разменяю. Сдачу принесу. Я – мухой... Мне лишнего не надо.

– Ладно тебе, Еремеич, гуляй на все.

Еремеич счастливо заулыбался и поспешил прочь.

Рита...

... подошла. Ухмыльнулась.

– Не дождёшься ни «трёшки», ни сдачи. Плакали твои денежки.

- Очень даже может быть.
- Всё дай да дай ему... Его, хапугу, и из милиции за это турнули.
- Знаю.
- И сторожем в парке уже давно не работает: тоже выгнали. Так ему и надо.
- Чему ты радуешься?

Рита обиженно надула губы.

Сергей отвернулся и пошёл. Рита – за ним. Сергей ускорил шаг. И Рита добавила хода.

- Ты можешь идти чуть медленнее?
- Могу. – Сергей убавил шаг.

Рита...

...вплотную подошла. В глаза посмотрела.

- Так зачем же ты приходил?
- Я уже сказал.
- Ты ещё любишь меня?
- Одно полено дважды не сгорает.
- Прямо как в стихах, – едко усмехнулась Рита. – А всё же?

Сергей пожал плечами.

Рита вызывающе глянула на него, сбросила капюшон и, встряхнув головой...

- Разве я не красивая?..

А дождь – пуще прежнего... Её роскошные волосы намокли... и уже рыжей паклей облепили лицо. По щекам грязными ручейками потекла тушь.

– Разве я не красивая? – уверенно потребовала она ответа. Сергей промолчал. Рита – ещё ближе к нему... – Ну, люби же меня, как раньше! Люби меня!.. Люби... люби... Я – твоя.

- Нет уж... ладушки... Мне не нужны объедки с барского стола.
- Дурак!.. Скотина!.. – вмиг преобразившись, выкрикнула Рита и, что было сил, ударила Сергея по щеке.

И испугалась... и бросилась к нему... и обхватила руками его шею... и своими губами впиалась в его губы.

Сергей с трудом оторвал её от себя.

Рита поёжилась, по-детски шмыгнула носом.

- Чего же ты хочешь от меня? – тихо и виновато спросила она.

Уже не дождинки, а слёзы – по её щекам. Тихие женские слёзы – как немой укор грубому, агрессивному мужскому началу, как последний всхлип больного ребёнка.

Сергей опустил руки.

- Рита, прости меня, дурака. Я – не прав.

Сергей взял её за локти. Рита прижалась к нему.

– Не надо извиняться, милый, – всхлипнула она и склонила голову ему на плечо. И вздохнула. Тихо и кротко. Сергей погладил её мокрые волосы и натянул капюшон: дождь не унимался.

- Я и вправду дурак... распустил язык.
 - Ты, Серёженька, не дурак. Ты какой-то прямолинейный, что ли... Пойдём назад.
- Они развернулись и пошли. Пошли тихо: куда им торопиться?!

Из кустов, дрожа от холода и сырости, осторожно высунулась всё та же дворняжка. Мокрая, тощая, с грязными лапами, она села возле бордюра и уставилась на парочку большими, жалобными глазами. Рита походая замахнулась на неё ногой. Дворняжка вздрогнула, тихо взвизгнула и боком отпрянула в сторону.

Мимо, стремительно рассекая дождь, пронеслась ухоженная, сытая дама в кожаном пальто. Цок... Цок... Цок... – высокие каблуки с металлическими набойками по бетонным плитам аллеи. Одной рукой дама держит над головой раскрытый зонт, другой – бережно, будто кулек с куриными яйцами, прижимает к своей могучей груди беленькую, как сахар, с глазами-бусинками кудрявую болоночку. Собачка открыла свой маленький ротик, зевнула и облизнулась ярко-малиновым язычком.

«Только синего бантика не хватает», – криво усмехнулся Сергей и едва удержался, чтобы не сплунуть. И повернулся к Рите. Та сердито прищурила глаза.

– Гордый какой!.. Куда там!.. Мы же с золотой медалью школу кончили!.. И на козе не подьедешь... Уже б диплом писал, если б тогда повинился.

- В чём?.. Декан прекрасно знал, что не я затеял драку.
- Ну и что. Подумаешь! Надо проще быть. Он не любит упрямых.

– Это я сразу понял. И ректор тоже хорош... Ничего не скажешь. Ему только старшиной в армии... портянки считать. Большого не потянет. Припомнил, что я на ДНД отказался ходить. Знал бы, ни за что б не сунулся к нему. – И усмехнулся: – Тоже, как наш кошкодав, кричал бы на всю казарму: «И чтоб копали мне от забора до обеда! Приду – проверю. Не выкопаете – на кухне сгною».

– Вот и получил за свою гордыню: в армию к старшине угодил.

– Угодить можно в яму или в дерьмо, а в армию идут выполнять гражданский долг.

– Давай без патетики, – попросила Рита.

– Хорошо, – согласился Сергей.

– Хорошо, хорошо, – передразнила... – Ты сам разлучил нас. Тебе не надо было идти в солдаты.

– Не я один – все служат.

– А мне-то что за дело до всех! – прокричала Рита. – Я не жена декабриста, чтоб идти «во глубину сибирских руд»! Я обыкновенная женщина... из плоти и кожи. – И упавшим голосом добавила: – И очень боюсь одиночества. Ну, чего ты молчишь?.. Чего ты от меня добиваешься?

Сергей достал из кармана синий телеграфный бланк.

– «Серёжа, – начал читать он, – милый, приезжай. Мама тяжело больна».

– Сохранил! – заулыбалась Рита.

– Как видишь. Но завтра – в сортир... и выброшу.

Рита сделала обиженное лицо.

– Прости меня, Серёжа, но я действительно не могла без тебя. Я хваталась то за одно, то за другое... И всё валилось из рук. Куда бы ни ткнулась – всюду лишняя. Да и самой никого не хотелось видеть. Я, наверное, сошла бы с ума, если б ты не приехал. Серёжа, я тогда еле узнала тебя: ты так изменился, возмужал!.. Ведь почти два года не виделись. Зато как хорошо нам было!.. Ты помнишь?.. Всё было для нас и только для нас: и лес, и речка, и солнце, и звёзды. Серёженька, милый, как хорошо мне было с тобой!.. Жаль, что отпуск был слишком короткий.

– Хорош отпуск, ничего не скажешь, – грустно усмехнулся Сергей, но Рита не слышала его: она говорила, говорила, говорила...

– ... Мне кажется, я сейчас могу припомнить каждый час. Каждую минутку нашей встречи... Всё было, как трель соловья в майскую ночь. – Спасибо тебе, милый, за каждую секундочку. Серёженька, ты мужчина: не поймёшь, как много значит стать женщиной с любимым человеком... Боже!.. Какое это счастье. Мне тогда казалось: взмахну руками чуть посильнее, и – к звёздам.

Сергей усмехнулся. Рита заметила его усмешку.

– Чего ты?

– Да так, вспомнил кое-что.

– И что же ты вспомнил? – её глаза засветились надеждой.

– Вспомнил, как «Наташа Ростова» потом проклинала меня, как боялась, что мать выгонит её из дома, как говорила, что это гадко, стыдно и совсем не обязательно, как называла меня эгоистом и распутником, как убежала от меня и спряталась.

– Правда?! – удивилась Рита. – А при чём тут Наташа Ростова?

– Я два дня как угорелый носился по поселку: разыскивал тебя. Встречал каждую электричку, думал, ты ездил в город, в институт... Будто я один виноват был. Да и в чём виноват?.. Если уже кто-то до меня пропахал «целину».

– Серёжа, о чём ты? Я ничего не понимаю.

Сергей посмотрел Рите в глаза... И поверил ей – правду говорит. Она доверяет каждому своему слову. Она выветрила из памяти то, о чём не хочет вспоминать. Напрочь. Она не врёт и может поклясться в этом... хоть на костёр её веди: она – женщина.

– И ещё никак не возьму в толк: зачем ты остался на сверхсрочную службу? Ты... ты во всём... во всём виноват!

– Я?! На сверхсрочную?! Я виноват?.. Да ты думаешь, что говоришь! – Сергею не хватало воздуха. – Надо же, я ещё и виноват.

Рита кивнула.

– Не я же... Добился «своего» в отпуске и больше не захотел меня видеть.

– Да какие там к чёрту сверхсрочная... и отпуск!.. Ты знаешь, что такое дисциплинарный батальон?! – прокричал Сергей. – Я же по твоей милости туда загудел. «От Байкала до Амура мы построим магистраль», – слышала такую песню?

Рита широко раскрыла глаза.

– О чём ты, Серёжа?.. Я ничего не понимаю.

– Узнаёшь? – Сергей потряс телеграммой.

– Узнаю. Ну и что?

– А то, что меня не отпускали.

– Так приезжал ведь.

– Я в самоволке был, дура! Пять суток вне части – дезертирство.

– Что же ты наделал! – деланно всполошилась Рита и даже едва не всплеснула руками, но вовремя одумалась – это уже через край будет... И покосилась на Сергея: «Кажется, ничего не заподозрил».

– Что «я» наделал?.. Телеграмма – твоя идея?

– Нет. Подсказала девочка с нашего потока. Ты её знаешь. Но почему тебя не отпускали?

– Армия – не курорт. А телеграмма, не заверенная врачом, – просто бумажка. Пятак ей цена в базарный день. Да ещё с таким текстом: тут тебе и «милый», тут и «мама больная». Кто ж поверит в эту чушь? Разве что я, идиот.

– Не понимаю, что им, жалко было дать тебе недельку: не война, кажется. Неужели без тебя армия слабее станет... Два года ни выходных, ни отпуска... Это скорее похоже на воинскую повинность, чем на... как ты говоришь – священный, почётный долг...

Сергей усмехнулся.

– Серёжа...

Сергей промолчал.

– Серёжа...

И опять Сергей – ни звука.

Рита начала всхлипывать. Сергей виновато улыбнулся и осторожно обнял её за плечи. Рита прильнула к нему.

– Прости меня, милый, но если б не Арканов, я бы, наверное, сошла с ума или руки на себя наложила. – Сергей усмехнулся. – Он был такой внимательный: всюду ходил за мной, как за больным ребёнком. Мы только о тебе и говорили. Мы были просто друзьями. А потом...

«Потом Арканов тебя заарканил», – про себя усмехнулся Сергей.

– ...мы случайно оказались на одном дне рождения. И засиделись допоздна... И там заночевали. Серёженька, все мои мысли были только о тебе. Только о тебе. И когда он лёг рядом и обнял меня, то я даже... Я всю ночь его твоим именем называла. Вот так всё и произошло. Утром Арканов долго извинялся... Мне даже пришлось успокаивать его... Смешно, правда? Такой взрослый, уже кандидат наук, а извинялся, как маленький мальчик.

– Да уж...

– А потом мы целую неделю не виделись. А потом я позвонила, и он привёз мне торт и маленький букетик каких-то цветочков... Я уже и не помню, каких именно.

Сергей торопливо сунул руки в карманы. По щекам заходили желваки.

– Серёжа, помнишь, как после выпускного вечера мы ходили встречать зарю? – счастливо улыбнулась Рита.

– Тебе приснилось.

– Нет-нет... Помнишь, как мы удрали от всех наших на край посёлка и ты залез в чью-то теплицу и наломал мне огромный букет алых роз? Они будто плакали: на лепестках слезились крупные капли росы. И ещё ты уколол палец, и я отсосала кровь. Ты помнишь то утро, Серёжа?

Рита царапнула Сергея по рукаву плаща худыми пальчиками с длинными ярко-красными коготками.

– Я помню другое утро: меня без ремня вывели во двор по нужде... как раз за день до трибунала... В дальнем углу гауптвахты, возле сортира, стояла лужа: всю ночь лил дождь. У воды сидела огромная жаба и громко урчала. Мне показалось, что она надо мной насмехается. Я схватил камень и запустил в неё... и промахнулся. Жаба сердито квакнула и бултыхнулась в лужу. Конвоир сказал: «Не дури, парень», и я услышал, как щёлкнул затвор, и через секунду в спину ткнулся ствол автомата. Я ему: «Что же ты делаешь, салага... оступишься, с перепугу нажмёшь на курок... и весь рожок – мне в спину». А он своё: «Давай-давай, не разговаривай, не положено». В сортир мне перехотелось. Ну, думаю, салабон, я ж тебе устрою козью морду. Скажу «губарю» – ни тебе, ни твоему «начкару» мало не покажется...

Сергей достал пачку дешёвых сигарет, закурил.

– Ты много куришь. Уже третью.

– А ты что считаешь?

Рита промолчала.

– Не доложил я – пожалел салапета. Я так думаю, что с перепуга, а не со зла... и не с падлючности. Да и служить только-только начал. А тут ещё и первый раз автомат с боевыми патронами повесил себе на шею. А раз дали боевые, думал он, значит, так надо, значит, без них никак нельзя... Могут понадобиться. Иначе б холостые дали. Простая логика. Сам помню, как на инструктаже нас задрачивали.

– Вот видишь, какого-то солдафона понял, простил его, а меня нет.

Сергей усмехнулся.

Рита заметила.

– Не надо так, не надо. Думаешь, нам с Аркановым было весело? Мы даже на свадьбе стеснялись целоваться: всё казалось, что обворовали тебя и что ты спрятался где-то за ширмой и подглядываешь.

– То-то мне икалось.

– Ну, зачем ты так! Арканов ни разу не обидел меня – ни словом, ни взглядом. Он даже не ревновал, когда я вслух вспоминала о тебе и о том, как хорошо нам было с тобой в ту нашу ночь.

– Досталось же ему...

– Почему ты так думаешь?.. Неправда. Он всегда поступал так, как ему вздумается. И я тоже. Все наши друзья завидовали нам. А потом... Потом случилось то, что случилось... Вечером он долго-долго приводил в порядок свои удочки и надоедливо насвистывал какой-то мотивчик. Я попросила не свистеть, а то деньги в доме не будут водиться, но он и ухом не повёл. Я даже испугалась: первый раз не послушался. Я ещё раз попросила. Ещё... Наконец не выдержала и накричала на него. До сих пор не могу простить себе этого. Он отложил свои удочки, посмотрел на меня печально так, печально... и улыбнулся. Даже не улыбнулся, а так... чуть губы скривил. Мне стало жалко его, и я начала умолять, чтоб не ехал на рыбалку. Тем более что в холодильнике было, как сейчас помню, два кило морского окуня.

– Лучше б ты плавать его научила.

– Он и так хорошо плавал. А что?

Шорох дождя затих. Рита вытянула руки ладонями кверху – ни единой капли... и, сбросив капюшон с головы, радостно заулыбалась.

– Серёженька, прости меня за пощёчину.

– Не извиняйся, я сам виноват. Не надо было язык распускать.

– Нет, нет... ты ни при чём. Это я, дура психическая.

– Ну, хорошо, хорошо, оба виноваты. Осуждаем друг друга, а своих грехов не замечаем.

– Ты опять о грехах... Ты будто нарочно мучаешь меня...

Опять пошёл дождь.

– Серёжа, ты меня любишь?..

Сергей поморщился: как не вовремя спросила!.. И промолчал.

– Почему ты не отвечаешь?..

Сергей досадливо вздохнул. И опять – ни слова.

– Ну, что ты хочешь, чтоб я сделала для тебя?

Сергей пожал плечами: да что ты можешь!.. и зачем?.. и так уже всё на своих местах... Правильно... Так и должно было случиться... а теперь поздно, ничего не изменишь. Но вдруг, будто чёрт шепнул на ухо, он прищурил глаза, выплюнул окурочку и злорадно усмехнулся.

– Что надо сделать?.. – Поколебался секунду, другую... – Разденься, всё поснимай с себя, и... бегом по парку.

– Издеваешься?! – испугалась Рита.

– Ни капельки. – Усмешка Сергея стала ещё злее.

– А тебе не кажется, что ты того... что это уже слишком?

Сергей покачал головой.

– Нисколько: долг платежом красен.

Рита с мольбой посмотрела на Сергея и принялась медленно расстегивать пуговицы на плаще: одну... вторую... третью... распустила змейку на «мастерке»... И всё: свои глаза – в глаза Сергея.

Завела руки назад, под плащ, и принялась возиться с крючками на юбке.

Сергей оторопело следит за её действиями.

– Ты что, и впрямь собираешься раздеться?

– Сам же сказал, что хочешь этого.

... в голосе – сама покорность.

– Сумасшедшая... Ну ладно, хватит.

Рита торопливо застегнулась.

– Ты меня любишь?

Сергей взял в свои ладони её щеки и поцеловал. Поцеловал, как маленькую беззащитную девочку, но не как женщину, ради которой два года назад сломя голову рванул из рядов Советской армии.

– Ты и вправду хотела раздеться?

– Я надеялась... Я знала, что ты остановишь меня.

– И всё ты знаешь.

– Я – женщина.

– Ты стерва... умная и хитрая.

– Зачем ты так?!

– Не знаю. Наверное, от бессилия.

– Любишь меня?

– Ты будто на базаре... торгуешься и боишься продешевить.

– Я – женщина.

– Кто бы спорил...

– Хочешь унижить меня? Ну, давай, пожалуйста.

– Что, на сей раз до конца разденешься?

– Не дожدهшься!.. Холодно! – крикнула, будто пощёчину влепила. Сергей улыбнулся. – Чего ухмыляешься? Думаешь, испугалась? Ещё чего! Боялась, когда ты первый раз с меня трусы снимал. Дура была, не понимала, что рано или поздно кто-нибудь да станет первым. На самообслуживании долго не проживёшь... И детей от этого не бывает... Да... и с нами такое бывает – не вам одним мастурбировать. Не знал?... Думал, что я уже не девочка была тогда... трахалась направо и налево?... Нет... ты – первый. «...кто-то до меня пропахал целину...» Успокойся: до тебя – никого. Чего кривишься?

– Не всё же можно вслух...

– Подумаешь, неженка какой!.. Испугался. В замочную скважину глянул – заикой стал. Что задумался?

– Думаю – наша встреча затянулась... Слишком много говорим.

– Ты хочешь уйти? – насторожилась Рита.

Сергей промолчал.

– Я тебе совсем не нравлюсь?.. – Куда и девался её цинизм. Дождь опять начал усиливаться. – Почему ты молчишь, милый?

Они подошли к роскошной плакучей иве. Рита остановилась.

– Узнаёшь?

– Да. Мы уже второй раз проходим мимо. – И добавил: – А вчера с твоим братом распили под ней бутылку бормотухи.

– Я знаю. Он рассказал... Присядем?

За низко опущенными ветвями ивы еле угадывалась широкая скамейка с покатою спинкой. На скамейке – газета с портретом Михаила Сергеевича Горбачёва. Сергей узнал эту газету: сам купил её в киоске, а потом завернул в неё пирожки с капустой и полкило дешёвого зельца на закуску.

– А я уже совсем забыла про эту скамейку.

– Зато мне она часто снилась... На нарах.

Рита будто не слышала. Она скомкала газету с портретом президента, вытерла скамейку и села. Удобно расположившись, рукой, как хорошо выдрессированной собаке, показала место рядом.

– Это же наша скамейка. Неужели забыл?

Сергей с недоумением посмотрел на Риту.

– Я уже сказал – помню. – И послушно сел рядом. Рита придвинулась поближе. Их ноги соприкоснулись.

– Обними меня...

Сергей не шелохнулся. Рита, будто перед прыжком в воду, набрала полные лёгкие воздуха.

– А ты не задумывался, что мой ребёнок – твой ребёнок? Нет?.. Не хотела я тебе сейчас об этом, да ты сам...

Сергей поднял брови. Рита усмехнулась.

– Не веришь?.. Очень мне надо обманывать тебя! Ты лучше приди и посмотри на Катьку. Она – вылитая ты.

– Не смешно. – Сергей еле нашёл в себе силы, чтобы хоть что-то сказать.

– А ты думаешь, чего я перед тобой тут битый час стелюсь: Катьке отец нужен.

– Не надо было отпускать его на рыбалку.

– Скотина!.. Идиот!..

Сергей вскочил со скамейки и наотмашь, что есть силы, ударил Риту по лицу.

– Шлюха!

– Ещё.

Сергей ударил во второй раз.

– Сука ты брехливая!

– Ещё. – Рита тоже поднялась со скамейки. – Ещё, милый... Бей меня, бей... только не говори, что не любишь. Ну!.. Что же ты не бьёшь?

Будто на полном ходу Сергею подставили ножку.

– Я люблю тебя...

Рита облегчённо вздохнула и опустилась на скамейку. Она уже знает, что добилась своего, что Сергей никуда от неё не денется.

– Дай закурить...

Сергей протянул сигарету, чиркнул спичкой. Рита жадно затянулась.

– Я знала, что ты в солдатской тюрьме... Просто не хотела признаться: боялась. Да ты, наверное, и не поверил бы, что я не знала об этом. Какие могут быть секреты в нашем посёлке... хотя твоя мать и скрывала.

– Давно куришь?

– Давно. После Катькиного рождения. Кормила и курила. Тьфу!.. ну и гадость ты куришь. – Она выбросила окурок и достала из сумочки мягкую пачку финских «Мальборо».

– А как же Арканов, не запрещал?

– Он вычислил, что ребёнок не его. Не дурак же...

Щёлкнув зажигалкой, Рита прикурила, затянулась с удовольствием, убрала с лица мокрые пакли волос и улыбнулась. Улыбнулась как-то не по-хорошему, хищно.

– Он уговаривал на аборт. Говорил: надо сначала получить диплом, стать на ноги, а уж потом детьми обзаводиться. Но я-то знала, почему он посылал меня на операцию. Да ты садись, чего стоять.

– Ты что, и впрямь веришь, что я отец твоей Катьки?

– Моей... – Рита скривилась в недоброй улыбке. – И твоей Катьки, Серёженька... и твоей. Тут уж ничего не поделаешь. И твоей...

Сергей сел.

– Врёшь.

– Глупенький. Посчитай месяцы... Катьке два с половиной. – Рита быстренько глянула на Сергея. – Посчитал?.. Сходится?..

Сергей ничего не ответил: прикинул... В дисбате он быстро научился считать дни, недели, месяцы и годы – в уме... как на калькуляторе считал. Сходится. Всё сходится. Было всё, как она говорит – день в день. Никаких сомнений. Он достал сигареты и закурил. Рита положила руку ему на плечо. Потом погладила по голове, как маленького мальчика, у которого только что отняли сладкий пряник.

– О чём задумался?

– Ты сказала – он умел плавать?

– Кто?.. Арканов?.. Да. В Крыму заплывал далеко за буйки. Мог даже лежать на воде. А зачем ты спросил об этом? Уже второй раз.

– Просто так.

Рита выбросила окурок и поднялась со скамейки.

– Ты думаешь, он?.. Ладно, забудем. Пойдём домой, чаю хочется. Мама «наполеон» испекла. Вкусненький!.. пальчики оближешь. Она ждёт нас. И с Катькой познакомишься. Хватит тебе бегать

от неё.

– Не передёргивай, – раздражённо сказал Сергей и вдруг почувствовал голод... и вкус «наполеона» на языке... и полез в карман – там лежит корочка хлеба. В дисбате ему всегда хотелось есть – два года впроголодь.

– А-а!.. вот вы где, голубки...

Сергей и Рита вздрогнули: пьяная физиономия Еремеича... смотрит и самодовольно ухмыляется.

– Вот я и застукал вас.

Сергей первый оправился от испуга.

– Ты что, гуляй-нога, свихнулся? Брось свои ментовские приколы... Или сдачу принёс?

– Какую сдачу? – не понял тот.

– С трёшки.

– С какой трёшки? – От него сильно разит дешёвым одеколоном.

– Которую я дал тебе...

Еремеич громко икнул. Сергей махнул рукой.

– Э-э... да что с тобой говорить. Готов уже. И как только тебе доверяли ментовские погоны и наган?

– Ты это... ик... на что намекаешь, гражданин? Я здесь хозяин. Ик... Это мой парк... Меня весь посёлок знает. Ик... А из органов я по инвалидности ушёл. Сам. Ик... Ты понял?

– Ладно, ладно тебе, Еремеич, иди, проспись: не до тебя сейчас.

– Серёжа, уйдём отсюда: противно смотреть на его пьяную морду. – Рита встала и повернулась к Еремеичу. – А ну, поди прочь, пьянь беспробудная!

Еремеич жалобно икнул – ик! – и заискивающе посмотрел на Сергея.

– Это твоя баба... жена?

Рита шагнула к нему.

– Да, я его жена. А у тебя что, повылазило, чувырло рогатое?

– Ну зачем ты так на него? – тихо упрекнул Сергей Риту.

– А пусть катится отсюда.

– Парень, дай полтинник на папиросы, – жалобно попросил Еремеич.

Рита гневно зыркнула на него.

– А ну проваливай, алканавт несчастный.

Сергей улыбнулся и достал из кармана ещё одну «трёшку».

– На, и больше не проси... последнюю отдаю.

Еремеич торопливо схватился за деньги. Сергей разжал пальцы. Лицо Еремеича вмиг посветлело.

– Сейчас я сдачу принесу. Подожди. Я – мухой слетаю. Ты ведь знаешь – я не люблю задалжливаться... Что, и это мне?!

Рита протягивает новенький червонец и брезгливо кривит рот.

– На, и катись отсюда.

– Ага. Понял. Я – мухой.

Еремеич осторожно, с опаской принял от неё деньги и медленно, нетвёрдыми шажками захромал прочь, будто ждал ещё чего-то, но тут же, словно опомнившись: а ну как назад потребуют деньги – во весь дух припустил по аллее. Куда и девалась хромота.

Дождь совсем перестал. Посветлело. Даже солнечные лучи заиграли на мокрых бетонных плитах.

Рита сбросила капюшон с головы, достала из сумочки зеркальце – посмотрелась: поправила волосы и подкрасила губы, вынула из кошелька двухкопеечную монетку, посмотрела по сторонам (нет ли телефонной будки), положила монетку в карман плаща, лихо застегнула «молнию» на сумочке и расправила свои узенькие плечики – приосанилась.

– Пошли, – уверенно сказала она.

И пошла...

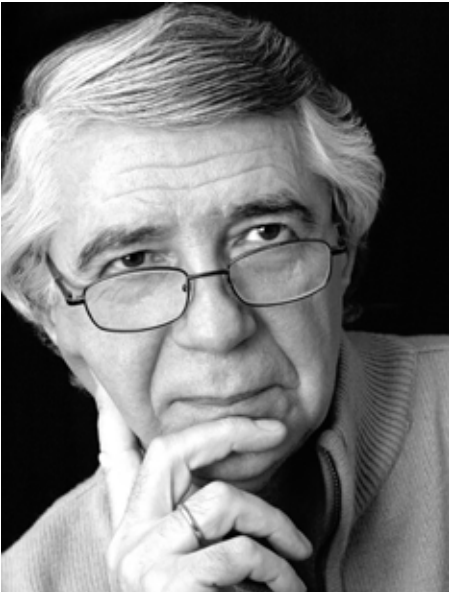
...и оглянулась, – пойдёт ли Сергей следом?..

И пообещала себе: «Пойдёт, куда ж ему деваться».

Мимо них спокойно протрусила знакомая дворняжка.

Сергей узнал её, встал, вынул из кармана корочку хлеба и поманил собаку к себе. Та услужливо вильнула хвостом.

Сергей СКОРЫЙ

Автор четырёх поэтических сборников. Стихи, публицистика, проза издавались в журналах и альманахах Украины, России, США. Член Союза русских писателей Восточного Крыма, Союза русских украинских и белорусских писателей АР Крым. Археолог, доктор исторических наук, профессор. Живёт и работает в Киеве.

В долине старый Орхей

*Молдавскому археологу
Олегу Левицкому*

Долина дивная Орхей.
Внизу змеится быстрый Реут.
Орёл с гортанным криком реет –
Жестокий и степной Орфей.

И что ты там ни говори,
А песнь тоской берёт за горло...
Шейх-аль-Джадир – ордынский город
Цветёт камнями из земли.

Здесь лишь на первый взгляд пустырь,
Но среди скал, под небесами,
Гудит пещерный монастырь
Молящимися голосами.

Молдовы древняя земля...
Но ты порой совсем не против
Влюбиться в женский римский профиль,
Коль обстоятельства велют!

Виват молдавскому вину!
Виват друзьям молдавским тоже!
Храни их всех, великий Боже,
И солнечную их страну.

* * *

Ящериц бронза – в таинстве скал:
Дремлют потомки древних рептилий...
Радует глаз мне даль перспективы.
Север Молдовы. Лета накал.

Гроты. Пещеры. Узкий каньон.
Речка петляет лентой серой.
Теплится сердце светло верой:
Эти красоты – вовсе не сон!

Не парады и не награды...

*Среди развалин Джантары,
Вдоль южной глиняной ограды,
Как в кегельбане для игры,
Стоят забытые снаряды
(Константин Симонов «Дожди»)*

По-июньскому небо ярилось,
Сжечь пытаюсь все зеленыя...
Археолог Саша Гаврилов
В Крым Восточный вывез меня.

Не испорчены с ним мы бытом,
Взяв воды да скромный паёк,
На авто тряслись по избитым,
По путям жестоких боёв.

Солнце – ярче начищенной меди,
Плавит день степная жара...
«Вот смотри, – говорит, – мы едем
Из Корпечи на Джантара...»

(Мне бы моря сейчас немного.
Выгорает неба сатин)...
«Грязь месил на этих дорогах
Сам ведь Симонов Константин

В 41-м, – вещает Саша, –
Он знаток этих самых мест, –
«Сколько здесь безымянных, павших,
Что в могилах лежат и без...»

...Не парады и не награды
Не нужны этой горькой земле...
Здесь война – совершенно рядом,
А не там – за 70 лет...

И пусть там, где-то, ждут дела...

Жарищу дня кромсает «крайслер»,
Колёса с гулом рвут шоссе...
И ты уже – далёк от всех,
А мир вокруг – почти что райский.

И пусть там, где-то, ждут дела:
Они потом – возьмут за горло,
Ну а пока дорогой горной
Мчим вдоль молдавского села.

Летим планетою, пылим...
Пьём дивный мир, набравши в горсти,
И дарит нам водитель Костик
Со щедростью адреналин.

И друг мой, домнуле Олег,
Легко «командует парадом»,
Он – мудр, как римский император,
А значит – будет нам ночлег

Во славном граде Кишинёве,
С кувшином дивного вина...
А значит – оценю я снова
Дары Молдавии сполна.

2010-2011 гг.

Полтавщина, село Келеберда

А «море» Кременчугское цвело,
И воздух наполняли пряно травы...
Келеберда, казачье село –
Тяжёлый труд и непростые нравы.

Здесь испокон веков – все рыбаки,
И риск в цене, как лодки и баркасы...
Мужчины здесь отважны и рукасты,
А женщины – надёжны и крепки.

Кормилицы-воды – безмерна власть:
Сонм утонувших неизменно множит...
И над рекою церковь вознеслась
С молитвами к тебе, пресветлый Боже!

Здесь всех времён сильна и явна связь,
Казацкий дух живёт непобеждённый...
И курит люльку бронзовый Тарас,
Воображеньем Гоголя рождённый...

...И Степь свистит проснувшимся сурком,
И Днепр гонит волн своих отары,
И в диком поле властвуют татары,
И в думах мрачных атаман Сирко...

Проснусь, а за окном – февраль...

Я упивался этим сном,
Что, в принципе, большая редкость:
Весны дурманящая веткость
Меня раскачивала в нём.

В бокалах расплескался смех –
Мои друзья, которых нету,
Свершив с Небес на час побег,
Со мной курили сигареты...

Кратка их самоволка – жаль...
Да, видно, долог путь обратный,
Да, видно, строг там страж привратный...
Проснусь, а за окном – февраль...

Давай, подпишем мир...

На порубежье лжи и правды –
Канатоходцам мы под статью...
Родная! Если я не прав был,
Начнём всё с чистого листа.

Тебя ведь тоже жизнь кружила
Не только в дыме папирос...
Но, слава Богу, мы-то живы,
Теперь – надолго и всерьёз.

Уставшие от войн и зла
Давай, подпишем мир сегодня.
Смотри: на храме купола,
Как слёзы светлые Господни...

Вечерний поезд

Ещё сильнее осознаю:
Жизнь – неоконченная повесть,
Когда сажусь в вечерний поезд,
Дарящий временный уют.

Бродяжий ветер вслед мне веет!
Для многих нынче я – пропажа...
А за окном плывут пейзажи
Печальной Родины моей.

А позже ночь зажжёт огни:
Они всю захоронят...
Как быстро наша жизнь проходит –
Её – не торопите дни!

Я жив. Пьян тем, что не налью:
Я – в поэтическом запое...
Благодарю, вечерний поезд,
Ты – вдохновения приют!

Александр ПЕТРОВ

Родился 18 октября 1977 года в городе Тихвин Ленинградской области. Поэт, философ. Администратор литературного журнала «Лампа и дымоход – Авангард». Живёт и работает в Санкт-Петербурге. Публикации в журналах «Пролог», «Новая литература», «Арт-Э-Лит», «Трамвай», «Артбухта», «Ликбез» и др., а также на сайте Евразийского портала «Мегалит».

Обязаны

За полночь.

Саван постели горяч,
впитав весь огонь из меня,
обжигает бессонницей...

Мыслей тайная комната
вскрыта.

Но мне бы не думать,
не чувствовать, не существовать,
превратиться в сухую улитку,
эй, где ты, с дубиной снотворной? –
давай... Усыпи по затылку.

Ноль тридцать.

До кухни семнадцать шагов:
семь – по мягкому ворсу,
шесть – по жёсткому,
четыре – по битому стеклу паркета.

Саван кухни прозрачен
и чёрн.

Чирк – вспышка пламени:
уголь кометы,
хвост, в чёрноте исчезающий...
затягиваюсь и
выдыхаю, казалось бы –
вместе с мыслями,
отступающими.

Тик, тик – время живёт на стене.

Чирк – ноль тридцать восемь.

Мысли-песчинки в песочных часах
падают в одну точку:

Душа – рукотворна,

налей же ей яду,
стань инструментом
могильщика.
Ты придумал себе
этот истинный мир,
в нём душа лишь хранилище боли,
ты обязан стать мёртвым –
равнодушным к живым,
и – свободным,
свободным...

Должен,
должен... –
крапает время сквозь ночь.
В замершем дыме сокрылась
прозрачность.
Тёмность окна,
точно тыльная сторона
картины, распятой на улице.
Кто-то тихо шуршит по дороге
и, быть может, внимательно смотрит
на мой портрет, но не видит, что я –
за холстом,
замурован в стене,
замурован для всех,
замурован... –
крапает время.

Тик... –
три двадцать... одна... две... три...

Сигареты закончились.
Четыре шага, шесть, семь...
и неизбежно – обратно,
в саван друзей.

Часы перевёрнуты.
Мысли-друзья за секундами вновь
устремились...
Нет. Вы, мысли-враги,
вам убить мою сущность желаемо.
Но не сможете,
у головы пистолет взведён
в ожидании: пять ноль одна.

Я сегодня чудовищно трезв
и вздыхаю пустыми словами,
уподоблен стене,
мне бы просто уснуть,
вместо бремени савана,
вместе с часами.

Тик, тик, тик, тик...

Пять утра, пятнадцать секунд...
Скоро тени приступят к работе,
а мне – пора...

Ты и осень

Посвящается Евгении Петровой

Беззвучие.
Ты стоишь среди шатеновой осени,
снег ещё не омолодил постаревший год,
два листка каштана
заколками вплелись в твои волосы,
так природа украсила скромный портрет.
Молчишь,
тишина шепчет твоими устами
три слова:
«Я жду тебя».

Ты любила осень разную:
позднюю, раннюю,
особенно ночью, когда
ветер играл на струнах деревьев.
И как заправский поэт

ты её называла:
«Моя подружка – смуглая шатенка».
Теперь вы вместе.
Ты и осень.

Осень.
Я ведь должен её ненавидеть
за то, что украла тебя...

«Я жду тебя» –
слова оживили ветви каштана,
и осыпались плоды,
ты их каждый год собирала,
зная, что они несъедобные.
Это был твой ритуал.
Это было для нас двоих «наше дерево»...

Ты уходишь в беззвучие.
Звук разрывает меня, и время
начинает ход заново...
Не хочу.
Не хочу просыпаться,
в этом мире нет осени той, что
давала приют счастливым...

Мне не снились сны несколько лет,
но я помню тот, последний,
что вернул меня к жизни
на девятый день:
Ты стоишь среди побелевшей осени,
снег уже омолодил постаревший год,
ты – тишина,
но твой голос звучит в мелодии, которую
играет ветер на струнах каштана:
«Я
всегда
буду
рядом»...

10.2011 г.

Израиль РУБИНШТЕЙН

Родился в 1939 году в Москве. Учился в Белорусском гос. университете. С 1969 г. – сотрудник ЮгНИРО (Керчь), участник многих океанологических экспедиций в воды Азовского и Чёрного морей, Индийского и Атлантического океанов вплоть до берегов Антарктиды. Кандидат биологических наук. С 1992 г. проживает в Израиле, паразитолог в одном из рыбоводческих хозяйств. Пишет издавна, публикуется – впервые.

Забытая богами параллель

Забытая богами параллель,
Безлюдные владенья Посейдона –
Антарктика. Неистовый апрель.
И где-то рядом острова Макдональдс.
Нет маяков и оживлённых трасс
Вблизи необитаемых австралий.
И от стихии отделяют нас
Двенадцать ржавых миллиметров стали.
«Держи горшки-и-и!» –
На камбузе бедлам –
Мы на боку!
Мы в запредельном крене!..
И кто-то охнул, с матом пополам.
И под желудком затаилось время.
А мы кормю поскребли зенит.
Прорыли носом вспененную гору.
Былые шрамы-вмятины хранит
Надежда наша, Вера и Опора.
Лениво возвращается на киль
Отважное «дырявое корыто»,
Совсем одно на много-много миль
В пустыне, ураганами промытой.
И да отмолит нас заступник Эльм,¹
От участи Летучего Голандца²!
Забытая богами параллель
Не жалуется прибудных чужестранцев.

о. Хёрд, 1971 г.

Ностальгия

Пираты избегали этих мест.
Сюда не забредали браконьеры.
Здесь рвётся в клочья атмосфера
И тучи заслоняют Южный Крест.

Здесь под снегами дремлет Кергелен
И траулер воюет с Океаном
Под грозный хохот ураганов
И вопли антарктических сирен...
Здесь я молюсь на рожицы детей –
Мой дивный оберег в подлунном мире, –
Непрочь денёчка на четыре
Покинуть обиталище чертей...
Обуюсь в вёдра, да и был таков:
Рвану пешком к земле обетованной,
К восторгам сауны и ванной,
К беспечному сафари на бычков.
Туда, где ждёт счастливый уголок...
Там ты да я... И мы от страсти таем...

А этот мир необитаем.

Здесь палуба уходит из-под ног.

Кергелен, 1971 г.

Ревущие широты

«Сороковые»... дыхание Юга...
Дожди косые сменяет вьюга –
Зима и осень одним кагалом.
И альбатросы висят над тралом.
Из дома вести – одни помехи...
И буревестник – глумливым смехом,
И детским плачем – в волне пингвины.
Целует память ручонки сына.
На вахте долгой фантомом зыбким
Твоя «джоконда». Её улыбка.
Слепая ревность терзает душу:
Что за нелепость – оставить сушу!
Циклон рыдает над Банкой Лена,
Пурга седая – над Кергеленом...
Ну и погода!... Ну и ненастье!..
И все полгода пиковой масти!..

¹ Святой Эльм – покровитель моряков.

² Летучий Голландец – корабль-призрак.

А волны –
 глыбы стеклянной стужи.
 На завтрак – рыба и чай – на ужин.
 Вот так-то, братцы! Затянем пояс!
 Да, друг Гораций, есть в мире ПОИСК,
 Ещё – РАЗВЕДКА и ОДИССЕИ –
 Ошибка века! Мы жнём, не сея!
 Мы – ПАГАНЕЛИ и МАГЕЛЛАНЫ!
 Эх! Параллели-меридианы!

Субантарктика, 1971 г.

Тост в океане

Прошлявшись где-то двадцать лет,
 В обноски нищего одет,
 Ну право, босяка босей
 Домой припёрся Одиссей,
 Оставил Трою за спиной,
 Пылает мстью и войной.
 И всё же нет его родней, –
 Забыты восемь тысяч дней.
 Надёжа-сын к столу ведёт,
 А верный пёс хвостом метёт.
 За вас, друзья!
 За дом!
 Жена
 С детьми справляется с трудом, –
 Поди, измучилась одна
 С работой, с кухней, с утюгом.
 А ты – в морях. И долог рейс.
 Прилип к зениту Южный Крест,
 И ветер, старший брат тоски,
 Угрюмо серебрит виски.
 За вас, друзья!
 Скиталец знал,
 Что через многие века
 У богом позабытых скал
 По каплям выльется строка
 За тех, кто сушу променял
 На ропот волн и рванный трал.
 За вас, друзья!

Субантарктика, 1972 г.

Изгнанный из Рая

На забытом Богом полустанке
 Волхвовала древняя цыганка,
 Каркала привычно-монотонно:
 «Дальняя дорога, Дом казённый
 И судьбы Пиковые Удары –
 Зона, «вохра», камера и нары.
 Ручку дай! Позолоти монетой!
 Вижу злобу, грязные наветы,
 Слезы и судебную мороку!»
 «Нет, Сивилла, не тянул я срока,
 Ты ошиблась, Старая, немного –

Мне не в тягость дальняя дорога! –
 Сунул трёшку в жилистую руку. –
 Погадай на долгую разлуку!»
 Поклонюсь седому Митридату,
 Надышусь тимьянным ароматом,
 Распрощаюсь с таинством уюта...
 Тесная скрипучая каюта
 Мне – и сроком, и казённым домом,
 До сучка, до крапинки знакомым.
 В том дому на переборке зыбкой
 Расцветают детские улыбки.
 «Славная» одарит талисманом.
 И уйду Индийским океаном
 Покорять подводные равнины.
 Странное призвание мужчины:
 Ни семьи, ни славы, ни богатства –
 Зубоскалит судовое братство,
 Мол, помечен роковым геномом
 Дерзких мореходов Соломона,
 И склоняет звонкое «Израиль»,
 Каламбурит: изгнанный из рая.

Джанкой, 1982 г.

Керченская баллада

Галя Журавлёва, девочка из сказки,
 Карие озёра, трепетные ласки.
 Не искала брода – юбку замочила.
 Долгие полгода не вернётся милый.
 Обручился с тралом холостой-бедовый,
 Сладкая отравка Гали Журавлёвой;
 Сгинул, не окован свадебным колечком, –
 Истекает кровью бедное сердечко.
 Полететь бы Гале клином журавлиным
 Во далёки-дали. Там дрейфуют льдины,
 Высятя угрюмо серые утёсы,
 Да под небом хмурым реют альбатросы.
 Журавлица-верность, захлебнёшься горем –
 Журавлям от века не летать над морем,
 Не знаять юдоли ледяной-забортной,
 Не срывать мозолей, поминая чёрта,
 Волнам не перечить рулевым-буяном...
 Долог грустный вечер Гали-несмеяны:
 Только ветра стоны, только хлюп капли...
 Дрёму телефона оборвали трели,
 Расступились стены, заматались чайки:
 «Связи!.. «Эльтигену»!.. Связи!.. Отвечайте!» –
 Обомлела: «Он ли? И родной и близкий!»
 «Слушай, Журавлёна, порт моей приписки!
 Все морские птицы жмутся по базарам! –
 Обживём скалицу, мы ль с тобой не пара?!
 Утоли печали!.. Раздели утечи!..»
 Гневно ревновали радиопомехи,
 Сполохи-раскаты грозowego смерча. –
 Ветер с Митридата лютовал над Керчью.

Керчь, 1981 г.

Павел ФИНОГЕНОВ

Родился 14 мая 1985 года в Нижнем Новгороде. Образование филологическое. Стихи начал писать с 16 лет, но всерьёз занялся литературным творчеством в 20. Одним из основных мотивов творчества является поиск «нового и цельного лирического Я» и диалог с ним через призму субиндивидуальных изменений. Организатор поэтических чтений. Автор литературного портала «Точка Зрения», участник проекта «Пересечение границ», литературного фестиваля «Речет» (2011). Публикации: журнал о современном искусстве «Контрабанда», альманах «Земляки» (Нижний Новгород), альманах «Ликбез», литературные журналы «Новая реальность», «Трамвай» и т.д.

Проездом

Едем
не чуем
спим
уставшие путники
в поисках небес обетованных.

Дороги
путают петлями
замирают змеями
прямыми кривыми
отлучают нас от безусловной церкви
отрезают нас от единой ткани
как пуговицы
от прожжённого пиджака.

Каждый волен выбирать
между криком и стоном
проступающими с потом пробуждения
на коже стронциевого утра.

На столе остывший чай
в стакане подрагивает ложечка
обошёл весь состав
осмотрел перрон
никаких «мы» и впомяне
только я проездом
в городе
нарочито безлюдном
в городе
девственно грязном
я бесконечно возвращаюсь сюда
где никогда не был
Другой
наблюдает со стороны

вне скрежета всяких дверей
космос как предчувствие
или Припять как память
вынужденно молчат
разбитые судьбы и окна домов
лазареты и киоски «Союзпечать»
с ними уже поработали
их вырванные языки
валяются под ногами
солдатскими противогАЗами.

Снова сажу один
в тронувшемся поезде
без машиниста.

Кто он
вечно спешащий кондуктор?

Нехватка

Видел сон тревожный,
да связать бы словом,
нитью Ариадны,
а клубок запутан,
спицы растерялись.
Я Тесей хреновый.
Только в небе бродит
та же нежность утра,
та же лёгкость жизни,
что так мягко стелет.
А приляжешь малость –
прозеваешь душу.
Убежать бы, скрыться
от такой свободы.
Раздобыть бы спицы
да оставить – ножик...

* * *

Открыв люк
он увидел Солнце

между ними мелькали
изящные босоножки
детские сандалики
джинсы и брюки
голые лодыжки
бросающие тень
на закопчённое лицо

закурив ништячок
припасённый с обеда
у шаурмистов узбеков
он уже понял
предстоит открыть
ещё с тысячу люков

чтобы
блуждая по коллекторам
снова наткнуться
на потрёпанный детский атлас
«Мир и Человек»
где казался так близок
Петропавловск-Камчатский

снова наткнуться
на кости дворняги
съеденной во имя
живота своего

дабы голова
могла помнить
за тёмное стекло
дают пятьдесят копеек
а также
мечту о гениальном доказательстве
Бинома Ньютона

но вспомнились и другие мечты
сидевшего некогда вон на той скамейке
с мамлеевской дамой
называвшего институтскую шушери
неслыханными грантососами
хотевшего порвать телугу
да пуститься Форестом Гампом
по кубанским степям
улыбаясь Солнцу

харкнув в темноту
используя русский мат
как антидепрессант
он задраил люк навсегда.

* * *

А если уж совсем по чесноку,
она желает, чтобы кто потрогал,
хотя спесива, вечно на чеку.
Талант лелеять двойственность от Бога
или трудом взращённый капитал –
пока не знаю. Помню вот – смеркалось, и
она стояла в парке. Я стоял.
Подонки очередью жались. Фаллосы
вздымали джинсы. Я, треща по швам,
протиснулся сквозь толщу нетерпения,
мол, эта шалая – моя душа,
за выходку её прошу прощения.
Отвёл в сторонку деву в неглиже
давя рассудком помыслы не трезвые.
Волки слились в один желвак, уже
сверкнуло между драных курток лезвие.

Но ливень майский кстати так пошёл.
Шпана рассталась с будничной забавой.
От скотства отмывались мы с душой,
давно не целкой, но и не шалавой.

* * *

Алёнке Ксенофоновой

...Недавно в дешёвом кафе
в перепалке с одним козлом
мне разбили очки и теперь
вижу мир глазами Моне
так что прежняя ясная цель
представляется мутным пятном
а зажмурюсь –
и с внутренней тьмой
вроде как наравне.

Но потом возникает возникший
и давай своих кляч стегать
в баньку с пауками к Свидригайлову
зывать за спиной тайги.

Я придумал другую шутку:
когда в груди зима по рукоять
сажусь в маршрутку и на ус мотаю
снотворные круги.

В салоне заблёванном временем
прислонившись к седидам стекла
презираю природу
за нелепость желания
что как водится не сбылось

дальнозоркость моя близорукость
Но коснулась плеча рука –
войдя на проспекте Ленина
за проезд передал Христос.

Ольга СУРКОВА

Член Союза писателей России. Лауреат литературной премии им. А.П. Чехова и Международного литературного конкурса «Золотой диплом» им. А.А. Ахматовой. Автор двух книг стихотворений: «Дом у океана» (2003), «А главное всё же душа» (2008). Публиковалась в альманахе «Золотая строка Подмосковья», сборнике «Путь мастерства», «Литературной газете», журнале «Поэзия» и других изданиях. Окончила ВЛК Литературного института им. А. М. Горького, г. Москва.

* * *

Твой железный дом – автомобиль,
В нём с тобою мчаться обожаю.
И тебе, рассказывая быль,
Снова я куда-то уезжаю...
Позади вечерние огни,
Шумные проспекты городские.
Ведь когда с тобою мы одни,
Позабыты все дела людские.
Впереди темнеют облака,
Путь петляет призрачною лентой.
Дорожим минутами, пока
Рядом мы, и так теплы моменты.
Скучно нам отмерила судьба
Времени, где мы с тобою вместе.
Поутихла вечная мольба
О покое, верности и чести.
Ты опять сбиваешься с пути,
За рулём волнуясь как мальчишка.
Вновь при всём желании не найти
Нас, уже разгорячённых слишком.
Кажется, что едем много лет –
Вот была зима – и снова лето.
Друг для друга излучая свет,
Мы могли бы ехать на край света...

* * *

Ещё не скрылся месяц старый,
А солнце – вот оно – встаёт!
Оранжевым, холодным шаром
В короткий зимний день идёт.
Лучи простёрло над Москвою,
Мерцает призрачным огнём.
Я окунулась с головою
В декабрь и всё, что есть при нём.
Там солнце светит, да не греет,

Во власти крепнущей зимы.

Там сердце стынет, да не верит,
Что врозь с тобою снова мы.
Метелью заморочил холод
Зимой и души, и тела.
Нас разделил огромный город,
Одна дорога развела –
Тебе направо, мне налево –
Вдруг занесло на вираже...
Я стала снежной королевой,
Я не ищу тепла уже.
На мир смотрю прохладным взором,
И замерзают капли слёз.
И время серебрит узором
Мне пряди шёлковых волос...
Но знаю, станет солнце красным,
Лучом меня коснётся вновь –
Я оживу, теплу подвластна –
Твою почувствую любовь...

* * *

*«Поцелуй – это когда две души встречаются
между собой кончиками губ».*

В. Гёте

Нет любви без поцелуя,
В поцелуе – песнь души.
Словно слышу: «Аллилуйя!»
Упоенное в тиши.
Забывается остуда,
Затихает в теле боль...
С поцелуя, вот откуда,
Силушку берёт любовь!
Поцелуй неумоимо
Прибавляет в жизнь года.
Знаю, что пока любима,
Я останусь молода!

* * *

«Любовь и голод правят миром»

Фридрих Шиллер

Кулаки сожму до хруста
И забуду о любви.
Станет холодно и пусто...
Боже мой, останови!

Без любви... Да без неё же
Даже птицы не поют.
И душа найти не может
Вдохновения уют.

Знает всякий, кто однажды
Лишь мечтал ещё о ней:
Даже голоду и жажде
Никогда не стать сильней.

И горят в глазах сапфиры
У влюблённых вновь и вновь.
Управляют нашим миром
Точно – голод и любовь!

* * *

Москву январь укутал –
Смотри – снега, снега...
Мне каждая минута
С тобою дорога.
Мне ночи было мало
И не хватает дня...
Сегодня осознала,
Что любишь ты меня!
Светло, печально, тайно, –
Как можешь только ты...
Открылись мне случайно
Глубинные мечты.
Я поняла по взгляду,
Сквозь снега пелену –
Тебе других не надо,
Ты ждёшь меня одну.

* * *

Ты утонул, растворился в самом себе,
А не в покосах, не в сочных июньских травах.
Жадно любви отхлебнув, вопреки судьбе,
Понял, что этот напиток – почти отраве...
Где ты укрылся, птицы вовсю поют,
И серебром родники уста омывают.
Там очищаются, силу земную пьют,
И о любви там, поверь мне, не забывают.
Ты от неё не спасёшься нигде, никогда.
В уединенье, в глуши – боль ещё острее...
Знаю, что ярче там светит твоя звезда,
А в тишине ночь проходит всегда быстрее.
Где поутру роса излучает свет,
Там босиком по клеверу и люцерне
Ты походи, отдохни, мой тебе совет.
Я подожду...
И опять отравлю, наверно.

* * *

Это тоже искусство –
Красить каждый денёк.
Не губи наши чувства,
Не гаси огонёк...

Сделать всё разноцветным
Может только любовь.
Каждый день неприметный
Для неё приготовить.

В самый нежный, лиловый
Жизнь раскрасит она.
Пусть ложатся в основу
Тёплых красок тона.

Будет чувственно-красным
Твердь разлучной стены...
Жизни дни не напрасны,
Нет в ней нашей вины.

Будет огненно-жёлтым
Белый зимний покров...
На тропе, где прошёл ты,
Снег сойдёт без костров...

Михаил ФИСЕНКО

Первые стихи были опубликованы в газете «Дальневосточный ученый» (г. Владивосток) 19 марта 1974 года. В период 70-90 годов стихи появлялись на страницах газет: «Коммунар» (Уссурийск), «Красное знамя» (Владивосток), «Арсеньевские вести» (Владивосток), «Новая газета» (Уссурийск). С 1999 года регулярно печатался в литературной газете «Лукоморье», основанной Н. Морозовым (Союз российских писателей). С помощью Н. Морозова была издана первая книга – «Памяти огонь неугасимый». С 2005 года стал печататься в сборниках в Рязани, с 2008 года – в литературном журнале «Южная звезда» и в сборнике Союза писателей России – «Литературный Владивосток», издаваемых Б. Лапузиным. Автор трёх поэтических сборников – «Памяти огонь неугасимый» (Арсеньев, 2000), «Зов строк» (Уссурийск, 2001), «Это ветер гудит о нас» (Рязань, 2007).

Полдень...

Полдень... еще перевал далеко.
 Дышится так же... Светло и прекрасно...
 Шаг только тверже, но так же легко...
 Всё, что случилось, становится ясным...
 Только бы зорче, наметанней взгляд,
 Чтоб различались зерно и плевелы...
 Чтобы никто нас не двинул в разряд
 И не смешал нас с листвою перепрелой...
 Полдень... и словно рассчитано все...
 Хрупкая грань доброты и измены
 Не пройдена, и нас держат ещё
 Старые стены, старые стены...
 Полдень... и вещая птица летит,
 Падает слепо в стекло спозаранку.
 Словно бы в душу мне кто-то глядит,
 В ранку открытую, малую ранку...

Азия

Ветер на сопках пригнет гаолян,
 Мерно качается твой караван.
 Кто я? Погонщик на этом пути,
 Мне этот путь завещали пройти...
 Среди бескрайних Маньчжурских
 равнин
 Русские тянутся, словно бы клин
 Птичий из дальней, холодной
 страны,
 Эти пути были мной пройдены,
 Ранней весной, когда зелень кругом
 И над полями прорежется гром,
 Словно далекий, призывный набат.
 Звуки его над долиной летят...
 Что мне осталось от прежних времен?
 Только Харбина задумчивый тон,
 Боль от оставленных русских святынь,
 Зной непройденных,
 полынных пустынь...

Возвращаясь к истокам своим

Возвращаясь к истокам своим,
 По полям и лугам, бездорожью,
 Жадно дышим. Отечества дым
 Проникает невидимо, с дрожью.
 Вырывает жилье и былье,
 Нанесенное вздыбленным веком.
 И душа потихоньку поет,
 Возрождаясь душой человека.

Мимо стогов я пойду чистым полем...

Мимо стогов я пройду чистым полем –
 Поймать звезду.
 Ляжет вода возле ног моих морем,
 Тебя найду.
 Мимо дорог, где пляшет ветер,
 Мимо тех слов, что не ответил,
 Полем или морем – к тебе приду.
 Знаю я, будет всегда сильный ветер
 Мне бить в лицо,
 Время развеет остывший пепел –
 Годов кольцо.
 Но и сквозь дни и расстояния
 Буду всегда я строить здания
 Этой – самой первой, нашей с тобой мечты.
 Верю я, встретишь меня на дорогах
 Моих земных.
 Радость и боль, мечта и тревога –
 Все на двоих.
 Все на двоих – расставания,
 Встречи, надежды и ожидания
 Этой – самой верной, нашей с тобой судьбы.

Мадонна челноков

Любимая,
И ты серьезней стала...
Разбили стан и вывезли весло...
И женщину столкнули с пьедестала...
Любимая, тебе не повезло...
Но ты жива, в эпоху дальних странствий
Сквозь пыль дорог мелькнет твое лицо...
Ты молода, проста в своем убранстве
И на руке забытое кольцо...
Так новой Евы вижу я черты,
Прокуренной, ветрами всеми битой,
Но все равно еще совсем открытой,
Как хорошо, что это нам дано...
И вслушиваясь в голос новой саги,
Где караванов пролегает путь,
Спешу я в белизну клочка бумаги
Вписать твою непознанную суть...
Что от тебя оставит добрый гений?
Какую затаенную мечту?
Открытый взгляд, дрожащие колени
И тайну, что не схватишь на лету...
В каких краях с тобой мы побывали,
Какую взяли вместе высоту...
Своих друзей нигде не забывали,
Прости меня за эту простоту...
Прости меня, я не могу иначе
И говорить, и думать, и мечтать.
Скупое время воровато прячет
И ничего не хочет открывать...
Ни тишину струящейся дороги,
Ни этот, не простой осенний путь,
Ни этих гор высокие отроги,
За них с тобой сумел я заглянуть.
Меня качали дальние дороги,
Туман белесый, льющийся огнем...
Услышал мира я слова и слоги,
Которых мы всегда с надеждой ждем.

Мне словно тысяча лет...

Мне словно тысяча лет,
И камни – плечи мои,
Когда весенний рассвет
Падет на поле земли,
Когда всю ночь напролет
Гудят шальные ветра,
Как будто в небе поет
Таежный хор до утра.
Тяжелых рук моих плетъ
По ветру словно летит,
И сердце брошено в клеть,
Ночами долго не спит.
Мне кукурузник трещит
Под ветром песню свою,
Весны костер ворошит,
И душу будит мою...

Мир привычных вещей...

Мир привычных вещей,
Очень жаль с ним порой расставаться.
Что поделать,
наверное, дороги мне.
Но стареют они,
И рукам к ним порой не добраться,
Как и к старым часам,
Застывают они на стене...
Только мать поглядит
На меня с неподдельным укором
И не верит она,
и не верит настойчиво мне.
Это старое время,
Согнувшись, стоит под забором,
И часы его тихо
Застыли на гладкой стене...

Мой друг воевал в Кандагаре...

Мой друг воевал в Кандагаре...
И как-то осенней порой
Мы долгую ночь коротали,
Прижавшись к костру под сосной.
Нам корни упавшего древа
Создали нехитрый уют,
И ветров таежных напевы
Никак не давали заснуть.
Дымилась сырая одежда,
Нагревшись огнем от костра,
И теплилась тихо надежда,
И нас берегла до утра.
Мой друг воевал в Кандагаре...
Осколки дремали в спине,
И память военных пожаров
Молчала в ночной тишине...
А он засыпал молчаливо
На Дальнем Востоке страны,
Мерцали костра переливы
И слали спокойные сны.
И только моя неужность
Никак не давала заснуть
И шурилась глазом на полночь,
На звездочек тающий путь...
Нам ветры шумели эпохи,
Дремала ночная тайга,
И эти суровые строки
Рождала мужская рука.

Кирилл ТАБИШЕВ

Родился в 1989 году в Уфе, окончил среднюю школу в г. Нефтекамске. Имеет неполное высшее юридическое образование (СПбГУ). Писать начал в 2004 году, осознавать свою ответственность за написанное – с 2008-го. Дипломант конкурса молодых поэтов Санкт-Петербурга «Поэтому-2008». Основные темы – смысл жизни, любовь, природа.

«Вместо письма»

привет.
здесь всё не так,
как хотелось бы.
сплелись события прошлого
в замкнутый круг.
но ручаюсь,
меня не прельщают
прелести
труднодоступных,
легкодоступных
сук:
к ним неизменно сух.

отзвуки пульса
из лучевой артерии
застенчиво прячутся
внутри
тугих манжет.
раньше искренно
в бога
верил я,
а оказался
его заброшенным
протее.
к чёрту меня. ей он нужней.

я всё также
в непонимании
вздрагиваю,
поставив новое утро
на газовую плиту
греть,
и, куда бы ни сделал шаг,
езде одинаково
становится мягкой
земная твердь.
достойно бездн Каев и Герд.

мы ушли
за кулисы со сцены,
но ежемесячно
платим за электричество,
воду, тепло, жизнь.
я последней сгорел лампочкой
в лестничной
твоей клетке.
теперь ты одна
в темноте кулис.
пожалуйста, не споткнись.

привет.
здесь всё не так,
как хотелось бы.
отзвуки пульса
всё так же прячутся
под рукав.
никогда,
ни в какой рифме
не хватит нежности
рассказать,
какая меня застала
по нам тоска.
не хочу тебя отпускать.

* * *

и каким бы замкнутым ни был
круг,
[эти ладони] –
Твоих рук.

Тем, кто

[эта ладонь] тем,
кто не сказал,
но хотел сказать.
кто не успел запомнить себя
в родных глазах.
тем, кто живя
в «сейчас»,
хотел бы уйти
в «назад».
тем, кто встретит один
в 12:00
залп.

[эта ладонь] тем,
в ком с детства мечта –
«летать»,
но лётчик избрал неправильный
курс на старт.
в кабине горел
закат.
на кухне горит
плита.
и лётчик смертельно устал
не летать.

[эта ладонь] тем,
кто подойдет
к своему окну
нарисовать имя
и зачеркнуть.
тем, кто ночами
часто
не может уснуть,
зная, о чем
хотел достучаться
Кобейн
Курт.

[эта ладонь] тем,
кто повзрослел,
но не стал
сух.
тем, кто строит зимой шатёр
из одеял. двух.
всем заложникам
двух смыкающихся
на них
дуг,
что без остатка в сумме равен
замкнутый круг.

Восемь углов

восемь углов
образуют стены.
подоконники, окна
творят обрыв.
дай написать тебе
стихотворение,
чтобы углы
не были так остры.

где-то
на нефть поднялись цены.
нам – неизменно падать.
и снег упал.
дай написать тебе
стихотворение,
чтобы теплее
любого из одеял.

помни,
от нежности до Геенны –
шаг.
обратно – счёт не найти шагам.
мне никогда не хватит
стихотворений
изобразить,
насколько ты дорога.

Я давно не пишу тебе письма, М.»

я давно не пишу тебе письма, М.
а тебе не нужно проверять ящик.
но зато ты знаешь и без моих «поэм»
о том, что я – настоящий.

нет у меня, как в книгах, высоких скул,
обо мне и книг никто не напишет.
но зато я умею лежать на любом боку,
слушая, как ты дышишь.

может, на взрослого и похож, внутри
я маленький, несмышленный мальчик.
но такое странное и б о л ь ш о е горит
во мне. и оно все ярче.

покамест ты незаслуженно далека,
в тебе есть то, что невозможно близко.
то, что рисует ямочки на щеках
конченого реалиста.

я давно не пишу тебе письма, М.
не оттого, что устал обнимать словом:
чувства просты, но не сказать ничем
самого в них простого.

Ирина КОРОТЧЕНКОВА

проект осуществляется при поддержке компании Orange

Пансори

Окончание. Начало в №4, 5.

– Я слышал о твоей истории, – сказал строгим голосом посланник Короля. – Я знаю, что ты отказалась любить мэра. Но если ты не согласилась быть с ним, будешь ли ты любить меня, королевского посланника, будешь ли ты моей? Если откажешься, тебя немедленно казнят.

– Давайте! Казните! – воскликнула Чунянг. – Как несчастливы простые люди этой страны! Вначале мэр и его притязания, затем вы, секретный агент Короля, – тот, кто должен защищать несчастных, – вы решаете казнить бедную девушку, которую возжелали, а она не ответила тем же. Мне очень

жаль, что я родилась женщиной, и я готова принять свою смерть.

– Развяжите ей руки, – приказал слугам Монгрёнг. – А теперь подними голову и посмотри на меня!

– Нет, – ответила Чунянг, опуская голову. – Я не буду на вас смотреть, я не буду вас слушать. И я никогда не буду вашей!

Монгрёнг, глубоко потрясенный словами девушки, подошел к ней и протянул ей колючку, которое она подарила ему перед расставанием. И тогда Чунянг подняла глаза и узнала своего любимого.

– Ох, – прошептала ошеломленная девушка. – Вчера мой любимый был нищим, а сегодня он – королевский офицер! Но мне все равно, кто ты. Я не умру, и я буду твоей!

Монгрёнг видел, что от всего пережитого она еле стоит на ногах. Он приказал принести паланкин и бережно усадил туда Чунянг. Проводив ее за ворота резиденции, Монгрёнг попросил слуг доставить ее домой в целости и сохранности. В это время за воротами собралась большая толпа горожан, которые уже прослышали обо всем, что происходит в их городе, и приветствовали Монгрёнга и Чунянг криками радости и ликования.

Затем Монгрёнг позвал к себе мэра Намвона и сказал следующее:

– Наш Король поручил тебе заботиться о народе и обеспечивать его всем необходимым. А вместо этого ты жил в свое удовольствие, издеваясь над простыми людьми. Именем Короля я выношу тебе приговор, и расплатой за твои поступки будет то, что ты немедленно лишаешься своих полномочий и должности. Но это – еще не все! Я отправлю тебя в ссылку на отдаленный остров, где ты не будешь есть мясо и пить вино и где у тебя не будет компании. Я разрешаю тебе есть лишь дикие растения и траву, пока твой желудок не испытает всех тех мук, на которые ты обрек своим правлением людей Намвона.

Когда все было закончено, Монгрёнг вернулся в Сеул со своей невестой и написал историю любви девушки по имени Чунянг. Эту историю он приложил к своему официальному отчету о поездке в Намвон. Когда Король это прочел, он был очень удивлен и тронут тем, что простая деревенская девушка из низшего сословия проявила такую супружескую верность и преданность. Он присвоил Чунянг титул преданной жены и провозгласил, что ее верность была подтверждением того, что она вполне могла бы быть дочерью янгбана – аристократа – несмотря на то, что ее мать в прошлом была простой танцовщицей кисяенг. Король также объявил, что ее поведение и моральные принципы должны служить примером для всех женщин страны. Затем Чунянг была официально представлена Королем родителям Монгрёнга, и те признали ее своей невесткой. А еще какое-то время спустя Чунянг родила Монгрёngu троих сыновей и двух дочерей, и жили они все долго и счастливо.

Послесловие

Уже после того, как я узнала эту легенду, нам с мужем удалось побывать в Намвоне – маленьком городке в южной провинции Чолла, который находится совсем рядом с городом Гванджу, где мы живем. Нас привезли в большой, ухоженный и очень старый парк Намвона. Был теплый весенний день, и мы неспешно гуляли, любясь громадными деревьями, которым, по слухам, уже более 500 лет, и фотографировались на фоне экзотических па-

вильонов в буддийском стиле. Мы шли вдоль большого и необычайно красивого озера, покрытого островками, мы кормили хлебом золотых рыбок невероятных размеров и окрасов, и вода от их обилия бурлила. Мы перебирались по воздушным мостикам на островки, где отдыхали в тени красивых беседок, любясь, как по каналам мерно скользят небольшие лодочки. Приставленная к нам экскурсовод, молоденькая девушка, что-то тихо бубнила в микрофон, пытаясь собрать вместе нашу довольно большую группу, рассеянную по парку. Ее английский был не очень понятен, и никто не прислушивался к ее рассказам до тех пор, пока я не уловила слово «Чунянг».

– Вы, кажется, упомянули Чунянг? – спросила я.

– Совершенно верно, – ответила гид. – Сейчас мы подойдем к дому, где жила эта девушка со своей матерью. Есть древняя легенда Кореи, повествующая о девушке Чунянг и ее верности своему любимому. Корейский народ бережно хранит память о преданной любви Чунянг, особенно в Намвоне, где все и происходило.

– Пойдемте скорее, – поторопила я экскурсовода, созывая всех своих друзей и приятелей.

Многие из них никогда не слышали эту легенду, и я начала рассказывать ее на ходу, взволнованная тем, что нам предстоит увидеть. Мы подошли к дому, где, по преданию, жила с матерью Чунянг, и некоторые после моего рассказа смотрели на этот неказистый домик уже другими глазами. Двор был обнесен обычным тростниковым забором, у входа стояла летняя беседка, крытая бамбуком, а рядом с домом – кухня, за которой выстроились рядами, как стражники, керамические горшки для солений и маринадов. Все было так, как в обычном крестьянском дворе, и все-таки чуть иначе. Рядом с домом, на островке совсем небольшого пруда, стояли две скульптуры – Чунянг и ее любимого – Монгрёнга. Они вместе – навсегда.

Корейцы свято берегут это место, и каждый из них знает легенду, а может, и был, о любви, которая всегда побеждает. Эту историю можно услышать не только от певцов пансори. По ней в Корее снято более 12 фильмов, а в одном из последних действие происходит уже в наши дни. В Японии, где эта легенда также популярна, выпустили книгу комиксов манга, которые очень востребованы и читаемы в этой стране. Эта легенда также легла в основу детского мюзикла, который успешно идет в Сеульском Театре. Каждый год в Намвоне проходит фестиваль Чунянг, и тысячи людей съезжаются туда, чтобы вновь «прикоснуться» к этой истории любви и верности. А я до сих пор не могу слушать пансори Чунянг-га без слез, как ни стараюсь.

Com.

Tiraj 1000 (3500) ex.

Î.S. Firma editorial-poligrafică «Tipografia Centrală»

MD-2068, Chişinău, str. Florilor, 1

Tel. 43-03-60, 49-31-46